

ДМИТРИЙ
СИЛЛОВ

ЯКУДЗА

ТЕНЬ ЯКУДЗЫ
УЧЕНИК ЯКУДЗЫ
ПУТЬ ЯКУДЗЫ

Якудза

Дмитрий Силлов
Якудза (сборник)

«АСТ»

2011–2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Якудза (сборник) / Д. О. Силлов — «АСТ», 2011–
2012 — (Якудза)

ISBN 978-5-17-107408-1

Человек свободен, как ему кажется. Но на самом деле стать марионеткой в борьбе за власть проще простого. Именно это и произошло с Виктором Савельевым. Жизнь вынудила Виктора связаться сначала с бандитами, а затем – с таинственным кланом якудза, который разбудил в нем способности средневековых убийц-ниндзя. Теперь Виктор знает, что внутри его заключена огромная мощь и ему решать, спасти мир или нет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107408-1

© Силлов Д. О., 2011–2012
© АСТ, 2011–2012

Содержание

Тень якудзы	6
Часть первая	6
Часть вторая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дмитрий Олегович Силлов

Якудза

© Силлов Д.О., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Тень якудзы

Автор часто не разделяет точки зрения своих героев. Но так как они тем не менее остаются его героями, он прощает им маленькие слабости, рассчитывая на аналогичное отношение читателей к ним.

Часть первая Черная сакура

В воздухе пахло гарью и паленым мясом. Крупные хлопья сажи, гонимые порывами ветра, напоминали лохматых воздушных змеев, которых дети запускают в небо в канун праздника Нового года.

– Мацукура Сигемаса, пожалуй, был слишком строг с ними, – произнес чей-то голос за спиной.

Виктор обернулся.

Позади него стоял воин в доспехе жутковатого вида, напоминающем панцирь гигантского жука. На лице воина была надета железная маска ужасного демона, поэтому его голос звучал глухо.

– Я думаю, что не стоило так часто надевать на них соломенные накидки только для того, чтобы узнать, поможет ли им христианский Бог, когда их одежда загорится. Тогда бы не пришлось тащиться на этот остров и просить о помощи дьяволов из Кога.

Виктора не удивило облачение воина и голос, говоривший на странном наречии. Вероятно, потому, что на нем были похожие доспехи и звучащие из-под маски слова были понятны, словно он знал их с рождения.

– Если за победу придется заплатить союзом с дьяволом, я готов заключить такой союз, – равнодушно произнес он на том же языке. – А христианский Бог дает осажденным дух воина и презрение к смерти, которые достойны уважения. И если ты помнишь, Имаи, самурай должен прежде всего научиться уважать достойного врага.

Воин в доспехах ничего не ответил, а лишь почтительно поклонился и сделал шаг назад. А Виктор вновь повернулся к горящему замку, за стенами которого демоны из Кога вместе с его солдатами завершали резню. Криков раненых не было слышно – христиане умели умирать достойно.

Тусклый, безжизненный диск солнца заволакивало дымом, поднимающимся с земли.

– Этой весной лепестки цветущей сакуры будут черными от сажи и пепла, – прошептал Виктор...

Лязг железа за стеной замка становился все тише. Бой заканчивался, и Виктор боялся признаться самому себе, что в глубине души он желает победы не своим солдатам. И уж тем более не демонам из Кога, само имя которых до сих пор вселяет ужас в сердца жителей страны Ямато.

Но чудеса случаются только в сказках.

На языки пламени, вырывающиеся из-за стен замка, внезапно легла черная тень. Показалось на мгновение, что не человек, облаченный в черные одежды синоби, медленно взошел на стену, а настоящий демон из преисподней возник из моря бушующего огня.

– Вот он, их предводитель, – услышал Виктор приглушенный шепот за спиной. – Неужели после этой осады кланы ночных убийц снова начнут набирать силу?

– Не начнут, – покачал головой Виктор, мысленно коснувшись татуировки дракона, с недавних пор украшающей его спину. Он знал – время синоби прошло. Скоро новая, гораздо более мощная организация будет править страной Ямато и диктовать условия не только императору, но и самому всесильному Сегуну.

Между тем человек на стене, словно прочитав мысли Виктора, согнув колени, медленно опустился на пятки и так же медленно сплел пальцы в замысловатую фигуру. Отсюда Виктор не мог видеть его лица, тем более что оно было скрыто двумя полосками черной ткани. Но он кожей почувствовал змеиную усмешку, скользнувшую по губам предводителя синоби.

И он понял, что услышит сейчас.

И от невольного, животного, непреодолимого ужаса, поднимающегося из глубин его естества, вздрогнул и... проснулся.

Другая, пока еще мутная реальность плеснула в глаза. И первую пару секунд было трудно сказать, что более настоящее – смазанная картина странного и жутковатого сна или черная муха, ползущая по прилавку рядом с его носом.

А между тем муха ползла.

Это была осенняя муха, и потому ползла она неуверенно, смахивая повадками на грузчика дядю Ваню, когда он, приняв после работы священные двести пятьдесят, бредет домой – медленно, пошатываясь, но на выверенном годами автопилоте, почти осмысленно сканируя окружающее пространство мутными фасетками выпученных глаз.

Есть такое французское выражение – дежавю. Это когда какое-то событие, уже поимевшее место быть, в точности повторяется через некоторое время.

Витек проморгался со сна, обнаружил себя сидящим на стуле, положившим голову на скрещенные руки, в свою очередь, лежащие на прилавке, – и задумался. Глубокие познания в заморской речи были ему не свойственны. Тогда откуда вдруг ни с того ни с сего такие мудреные мысли?

А муха продолжала ползти. У нее был один и тот же маршрут. Уже третий день подряд она ползла поперек прилавка – от кассы мимо грузных весов, смахивающих на памятник застою, до треснутого пластмассового блюдечка для сдачи. И никогда наоборот. А уж вдоль – боже упаси! Только поперек. И почему-то именно в этот момент ее мушиной жизни постоянно ловил ее взгляд Витька. И даже если удавалось ее прихлопнуть, преемницы мухи, видимо, чтя память погибшей насильственной смертью товарки, снова ползали проторенной дорожкой.

Дежавю, одним словом. Через день, через неделю, через месяц, но, так или иначе, она будет прилетать сюда исключительно для того, чтобы приземлиться на прилавок и ползти к грязному краю блюдца, навевая наблюдателю не свойственные ему иноземные мысли.

«Вот так от безделья у трудового народа сползает крыша...»

На прилавке лежала тоненькая книжка с хитрыми иероглифами на обложке и русским переводом под ними, от нечего делать когда-то купленная и насилу до половины прочитанная. Назывался сей труд «Три стратегии Хуан Ши-Гуна». Витек иногда – когда книга попадалась на глаза – давал себе слово все ж таки продраться сквозь мудреные наставления чуть не трехтысячелетней давности. Но дальше мысленных клятв дело не шло, и пока что книжка служила исключительно для истребления надоедливых насекомых. Случалось также, что иногда незнательные коллеги тайком от Витька использовали страницы «трех стратегий» по известной надобности, которую вышеупомянутый бывший интеллигент, а ныне, со слов шефа, старший менеджер по ПГР, то есть погрузочно-разгрузочным работам, дядя Ваня описал с присущим ему народным юмором: «Дедушка взял книгу и пошел за угол. Не иначе погадать, так как читать он не умеет».

Но сейчас убивать насекомое было лень. Лень было двигаться вообще. Покупателей – ноль, настроение – ноль. А какое оно будет после снов таких жутких, кошмарных, не пойми про что.

«Меньше надо восточным фольклором мух бить, тогда кошмары сниться не будут», – подумал Витек.

А тут еще Клавка, паскуда, снова на работу не вышла. Почему – понятно, и гадать нечего. Одно из двух. То ли очередная безумная любовь, то ли внеплановый аборт как следствие такой. Так что сиди вот тут за прилавком, Виктор Алексеевич – типа, со слов того же шефа, и коммерческий директор палатки, и младший менеджер по ПГР, и вот теперь, по милости Клавки, заодно и продавец в одном флаконе, то есть лице.

А часы над головой – тик-так – тащат еле-еле толстую ленивую часовую стрелку к заветной цифре «8», по достижении которой можно забить на покупателей, мух и французские слова, оторвать зад от стула, закрыть к чертям собачьим палатку, робко претендующую в соответствии с существующим законодательством на магазин, и топать себе восвояси навстречу нехитрому набору вечерних послерабочих радостей.

Но до восьми еще и семь, и шесть, и почти что пять. Так что сиди, Витя, сиди, созерцай муху и тихо сходи с ума.

«А может, я ее не убил в прошлый раз? Может, она бессмертная, как Кашей? Возрождается после прихлопывания, как эта... птица... блин, как ее?»

Однако окончательно двинуться крышей на почве безделья Витьку было сегодня не суждено. Бессмертная муха, не доползая до точки назначения пару дециметров, застыла, после чего круто взлетела вверх, потревоженная потоком воздуха от шумно и резко распахнутой двери магазинчика.

История возникновения в голове французского слова мгновенно нарисовалась сама собой. Ну конечно! Хрестоматийная «Матрица», переименованная милицейским Гоблином в «Шматрицу» и пересмотренная заново пару-тройку месяцев назад. Как раз оттуда это самое дежавю, когда там у них сбой в программе и виртуальная одинаковая кошка бегает туда-сюда одним и тем же маршрутом по одному и тому же отрезку пространства. Помнится, они там в кино от этой кошки чуть все со страху не загнулись. Америкосы, что с них взять? Слабый народец, нервный. Не закаленный суровой действительностью. Их бы к нам на стажировку, в развивающийся капитализм. На месячишко...

Вошедших было четверо. Одинаковых, словно клоны овечки Долли. Только не в кудряшках. Скорее наоборот.

Бритые, квадратные, чем-то смахивающие на неандертальцев из школьного учебника, в черной коже и челюстях, мерно прессующих разрекламированную резину, защищающую зубы с утра до вечера.

«Дежавю...»

– Я у тебя неделю назад был? – без предисловий с нажимом на «был» сказал один из клонов, подходя к прилавку.

При ближайшем рассмотрении он несколько отличался от собратьев. У него были колючие глаза, ростом и в плечах он был помощнее остальных. И имел этот клон помимо всего вышеперечисленного три массивных перстня на пальцах. Один золотой, ненормально большой и, видимо, изрядно тяжелый. Который в случае надобности перевернешь печаткой в ладонь – кастет получается. И два колотых синей тушью с расплывшейся символикой, свидетельствующей о похождениях колючеглазого в местах, отдаленных от цивилизации весьма и весьма.

– Так был?

Витек кивнул.

– И чо?

– Так я ж не хозяин, – пожал плечами Витек.

– А где хозяин?

– А бес его знает. Приходит, когда хочет, бабки заберет – и нет его.

– И доли он не оставил?

– Не-а. Не оставил.

– А насчет стрелки ты ему говорил?

Колючеглазый, конечно, выглядел грозно. Но не привык Витек, чтоб с ним вот так разговаривали – сверху вниз и тоном, как боярыня Морозова с провинившимся холопом.

– Слышь, земляк, – сказал Витек задушевно, – тебе хозяин нужен – ты и ищи его. И передавай ему, чего хошь. Я к тебе в курьеры не нанимался.

Колючеглазый прижал уши и окрысился.

– Я тебе не земляк, падло! И жопу со стула подыми, когда с тобой люди говорят! Пока тебе ее не оторвали на хрен.

А вот это уже не лезло ни в какие ворота.

Витек знал клона. Он жил на соседней улице лет эдак с пятнадцать назад и тогда еще не имел отношения к генетическим экспериментам. Тогда он был лопоухим задиристым пацаном, гонял в футбол, дрался со сверстниками с соседней улицы (с Витьком тоже было раза два со счетом один – один), таскал девчонок за крысиные хвостики и стрелял из рогатки по форточкам. Словом, был крутым хлопцем, грозой замечтавшихся кошек и занозой в заднице участкового. Пока однажды по недомыслию то ли не ту форточку подстрелил, то ли не тому коту усы поджег – словом, загремел парниша в те края, где из племени младого незнакомого за некоторое количество лет лепят одинаковых бандюганов с цепями, перстнями, челюстями и характерным лексиконом.

Клон был здоров и под перстнями имел кулаки нехилые. Но Витек на свои кулаки тоже особо не жаловался, а потому поименованную выше часть тела от стула послушно оторвал, да и вмазал вымогателю меж надбровных дуг изо всей дурацкой мочи.

Ударенный охнул от неожиданности и с размаху сел на кафель. Витек сноровисто сунул руку под прилавок за припрятанной там бейсбольной битой (дядя Ваня где-то стибрил пару и Витьку обе за пузырь отдал) – но... самую малость не успел.

Пока двое дружков ударенного обалдело рассматривали невиданное панно – вожак, сидящий на пятой точке, мотающий головой и туго постигающий окружающую реальность, – третий резко выдернул из-за пазухи что-то короткоствольное, направил его на Витьку и нажал на курок.

Витька не больно, но сильно толкнуло в плечо. Настолько сильно, что плечо улетело назад, словно деталь, к остальному телу отношения не имеющая.

Баммс!!!

Витек даже не успел удивиться, как вслед за плечом назад рвануло его самого. Дернуло, треснуло башкой об холодильник...

На пол он сполз сам, без посторонней помощи, потому как вдруг резко перестали держать ноги. Загудела голова, залилась тошнотворной матовой дурью, заныло, заболело плечо. Сначала глухо, потом вдруг очень быстро, по нарастающей, до стога, до крика накатила тупая боль.

Закричать-застонать Витек не успел. От удара под дых крик пресекся в зародыше. Вслед за плечом боль огненными пятнами запрыгала по всему организму.

Его били в три пары ботинок. Через пару десятков секунд к ним присоединилась еще одна пара, лупцевавшая гораздо чувствительней всех трех вместе взятых.

Потом вдруг осталась только одна.

– Козлина, л-л-ля, порешу в натуре!!! Ты на кого грабку поднял? – ревел где-то под потолком то и дело срывающийся на визг глас ударенного клона. – Урод недоделанный!!! Да я твой рот... Да я твою маму...

И вдруг наступила тишина.

Последняя пара ботинок тоже прервала экзекуцию.

Хлопнула дверь – и стало совсем тихо. Только жужжала где-то под потолком французская муха, да тихо гудели в том же районе люминесцентные лампы.

– Нехорошо, ребята, вчетвером на одного, – нарушил тишину кто-то. – Да и потом лежа-чего бить – запаadlo.

– Шел бы ты лесом, дядя... – после секундной паузы сказал кто-то из клонов. Сказал вызывающе, но несколько нерешительно, как получивший на уроке от учителя замечание уличный шпаненок – вроде б и авторитет перед однокашниками терять нельзя, но и к директору идти неохота.

Витек медленно вытащил голову из плеч и разлепил залитые кровью глаза.

Четверо клонов стояли над ним, пялясь в пространство...

А из пространства на них надвигалась тень.

Большого из-под прилавка Витьку было не видеть. Потом что-то свистнуло, чавкнуло – и клон, слишком медленно тянущий из-за пазухи обрез помпового «ремингтона», взлетел в воздух, спланировал в стену лысиной, пробил ею хлипкую панельку и стек на пол.

– Ты чего, слышь?!

Тень шагнула из-за прилавка и материализовалась во плоти.

Это был мужик лет тридцати с виду. Высокий, с правильными чертами лица, волевым подбородком и взглядом глиняного буддистского монаха, которых продают в переходах торговцы сувенирами. Не в смысле китаец, а в смысле наш человек, российский, только взгляд глиняный, не из этого мира. Колоритное лицо... А ниже, там, где кончалось лицо, начиналось что-то страшное.

Мужик бугрился кошмарными мышцами. По сравнению с туловищем голова казалась непропорционально маленькой, не имеющей отношения к остальному телу. И сейчас это жутковатое на вид тело, затянутае в готовую расползтись по швам футболку с короткими рукавами, двигалось со странной киношной грацией, плавно и быстро, рассекая смазанными от скорости кулаками душный воздух магазинчика.

Бац! Бац! Бац!

Клоны попадали, словно кегли, пачкая кафель кровавыми соплями. И остались лежать на полу кучками черной турецкой кожи, не подавая признаков жизни. У одной лысой жертвы рекламы к нижней губе прилип комок белой жвачки с торчащим из него обломком зуба. Случаются порой в промежутки с утра до вечера обстоятельства, когда «Орбит» не спасает его поклонников...

Витек продышался, потом вылез из-под прилавка, держась за плечо. Левая рука провисла бесчувственной плетью.

– Спасибо.

– Не за что, – дернул углом рта телесный двойник Шварценеггера. – Только насчет «спасибо» – это ты зря.

– Почему?

Мужик несколько раз шумно прогнал воздух через легкие, восстанавливая дыхание. Потом посмотрел на свой кулак и поморщился.

– Черт, кожу об того рябого содрал. Непорядок. Давно с манекеном как следует не работал... Ты о чем? А-а, почему «спасибо» зря?

Он шагнул к прилавку и вытащил из заднего кармана джинсов сложенную в несколько раз матерчатую сумку.

– Ты мне молочка нольпятипроцентного упакуй пока пакетов пятнадцать.

– Пятнадцать?

– Угу. А «зря» – это потому, что сожгут тебя теперь.

Витек усилием воли собрал кричащее от боли тело и двинулся было к холодильнику, но тут до него потихоньку начал доходить смысл происшедшего только что.

– Как сожгут?

– А так. У нас тут не Москва, где все под ментами. У нас тут – сам небось знаешь – бес-предел времен прошлого тысячелетия. Бензином обольют твой караван-сарай и спичку бросят. Но это лучше, чем если б сейчас тебя до смерти забили. С рукой что?

– Да вон тот выстрелил, – кивнул Витек на лысого клона, вяло шевелящегося у стены, словно выброшенная на берег большая медуза.

– Ясно, – сказал мужик. – Крови нет, значит, пуля резиновая. Поболит-перестанет. Да ты не напрягайся, давай всю упаковку.

Витек, кривясь от боли, дернул с пола требуемое, задел плечом монументальные весы...

Весы медленно накренились. С одной из жестяных чашек посыпались на пол гирьки. А из-под другой вывалилась тоненькая книжка с прозрачными крылышками скотча по бокам.

Мужик наклонил голову и прочитал вслух название:

– «Алхимик». Понятно. Кастанеда для пролетариата, – сказал он, усмехнувшись. – Заодно и дополнительный источник дохода для работников торговли. В перерывах оторвал, просветился – и обратно под весы. До прихода Немезиды в лице ОБЭПа. Ты, что ль, читаешь?

Витек, сидя на корточках, собирался с силами перед новым рывком.

– Не, – сказал он. – Это Клавка, продавщица. Я вон – три стратегии... Этого... Хуан Ши-Гуна. А с ОБЭПом у Клавки все схвачено.

– И это понятно, – кивнул мужик. – Не во Внутренней Монголии живем. И с ОБЭПом понятно, и с твоим китайским Аттилой... Хуан Ши... как его? Гунна? Если гунна – это хорошо. Только там что-то издатели напутали. У гуннов одна стратегия была – мочи козлов, не то они тебя замочат. А если у тебя или у вашей Клавки ощущается потребность в эсхатологическом постмодернизме, вы уж лучше Умберто Эко читайте. Или Пелевина. У вас теперь времени свободного будет – немерено. Вот и самообразовывайтесь, дети индиго.

Витек речи мужика воспринимал туго. Сказывались последствия битвы. Мир перед глазами был зыбким и неустойчивым. И еще отчаянно хотелось плевать.

Мужику, видимо, реинкарнации побитого работника торговли ждать надоело. Он пере-гнулся через прилавок, одной рукой легко перехватил мучимую Витьком упаковку с молоком, украшенную ушастой крысой, запихал ее в сумку и бросил на прилавок двадцать долларов.

– Сдачи не надо. Счастливо, братишка, лечи организм.

Витек обалдело смотрел на удаляющуюся спину, похожую на гигантское перевернутое V.

– Это самое...

– Да?

Мужик обернулся.

– А с ними что делать?

Витек кивнул на клонов, медленно возвращающихся к жизни.

Мужик хмыкнул.

– Да оклемаются – сами уползут. Только ментов не вызывай – тогда караван-сарай ваш прям вместе с тобой и сожгут.

– А если все-таки вдруг чего... это самое...

– Чего «вдруг это самое»? – простонал гигант. – Н-да, сходил называется за молочком, прогулялся под настроение. И на кой оно мне все это надо?

Мужик вернулся к прилавку и бросил на него визитку.

– Если будет конкретно «вдруг это самое» – звони, – сказал он и пошел к выходу.

* * *

– И как только тебя начали метелить, тут он и появился, весь красивый и в белом?

– Он в футболке был, – вяло отбрыхнулся Витек в перерыве между картофелиной и кот-летой. – В черной.

– Говорила я тебе, не связывайся с этим Саидом. Зверек – он и есть зверек, потом век не отмоешься, да еще должен будешь по гроб жизни.

Витькина сестра Галька обладала кучей несомненных достоинств. Она готовила, как богиня, тащила на своем горбу все хознужды их маленького семейства и закрывала глаза на Витьковы эротические моменты жизни, периодически возникающие при помощи окрестных представительниц прекрасного пола, во время оных запираясь у себя в комнате и смотря телевизор в больших студийных наушниках, надетых поверх бигудей. А на нудеж старшей сестры можно было просто не обращать внимания, памятуя, что «Васька слушает, да ест». Чем Витек сейчас собственно и занимался.

– Я его как только увидела, сразу сказала – вляпаешься ты, братец, сам знаешь куда, по самые не балуйся. И имя у него, как у бандита, который там с Суховым в «Белом солнце пустыни», – Саид, мать его за ногу. И название магазину придумал дурацкое – «Караван». Правильно народ придумал – караван-сарай и есть... А тут еще и бандюганы, и качок какой-то. Подстава это все, помяни мое слово! И ты будешь крайний. Милицию надо было вызывать! Милицию, а не к Саиду бежать...

Про милицию Галька знала все. Она запоем читала Маринину и не пропустила ни одной серии «Ментов». В связи с этим была она, как и подавляющее большинство жителей постперестроечной России, в курсе воровских «понятий» и прилично владела уголовной «феней», почерпнутой из вышеназванных источников.

– И прессовать будут крайнего. А крайний при таких раскладах – ты, родимый.

Сестра мощным телом кустодиевской модели двигала горячий воздух маленькой кухни, в которой силами Гальки одновременно на плите в баке кипятились пододеяльники, что-то вкусно пытело в духовке, мылась посуда, всяко-разное протиралось-расставлялось-развешивалось, и при этом не забывался процесс кормления младшенького братца – подложить, убрать, подлить и еще-чего-изволите-если-не-дай-бог-не-наелись.

Витек крикнул сыто и отвалился от стола.

– Да ладно тебе, сеструха, все будет путем. Ну подумаешь, пришли, попугали и отвалили восвояси.

– Ничо себе «попугали»!

Галька резко тормознула, отчего в кухне как-то сразу запахло жареным, уперла руки в крутые бока и начала свирепеть.

– А морда твоя разбитая? А синячина во все плечо?! Да ты мог инвалидом на всю жизнь остаться, придурь! Кто б за тобой дерьмо подтирал?

– А ты на что? Ты бы и подтирала.

– Вот ведь скотина бестолковая! – возмутилась Галька. – Сплюнь, чего мелешь, недоумок?!

Витек добродушно улыбнулся разбитыми в пельмени губами, встал с табуретки и обнял сестру.

– Ну хорош тебе пытеть, родня, я ж пошутил. Ты же знаешь, на мне все – как на собаке. Не мельтеши, все будет пучком.

– «Не мельтеши...» Словечек набрался, тоже мне, благота.

– В сестру такой пошел, матушка, в сестру.

– Отвали, медведь, – проворчала «матушка». – И марш посуду мыть! Я не железная за всеми разгребать...

«Всех» было немного.

«Семья-то большая, аж в два человека...»

После автокатастрофы и смерти родителей, спрессованных в кашу из металла и мяса пьяным водителем КамАЗа, Галька истово растила чудом спасшегося младшего брата.

Сразу после столкновения у водителя самосвала то ли хмель слетел, то ли человеческое что в душе проснулось, да только выскочил он из кабины, ринулся в загоревшуюся «шестерку» и сумел выбросить из нее малолетнего пацана. Сам погиб, а Витьку спас.

Сироту определили в детдом, но сестра, в то время бывшая на даче, узнав о случившемся, всеми правдами и неправдами – молодая еще больно была, отдавать не хотели – выцарапала брата из детдома и забрала в их осиротевшую квартиру.

Растила-растила Галька пацана, да за заботами о брате как-то забыла о себе. Так и не вышла замуж и сейчас по инерции продолжала опекать детинушку великовозрастного, который даром что здоров кулаками и статью, а все ж как-то так, не пришей рукав к жилетке – то там, то сям, работы нормальной нет – да и где ее сейчас найдешь, нормальную-то? А тут в историю влип нехорошую. И ведь не понимает, что влип, а как втолкуешь? Двадцать один, десантник, год после дембеля, до сих пор в тельняшке и днем и ночью, в поле ветер, в ухе дым, море по колено, а лужа по уши.

Кажется, совсем недавно был такой маленький, беззащитный. После катастрофы той все молчал больше, кое-кто из соседей его вообще за дурачка считал. А иногда... Сядет у окна, возьмет старый, оставшийся от бабки стеклянный флакон из-под духов и водит им у лица, нюхает. И чего там нюхать? Флакон-то пустой уж сто лет, только что красивый, потому и не выбросили ради интерьера. Нет, говорит, пахнет он. Люди умерли, а запах, которым они когда-то пахли, остался. Жуть! Или листок опавший найдет – и смотрит на него часами. «Зачем он тебе?» – спросишь. «Красиво», – говорит и дальше себе любит. «Смотри, – скажет, – он желтый уже почти, а прожилки-то красные. Как будто он умер, а кровь у него внутри застыла». Странно, конечно, от мальчика такое слышать, а глянешь – и вправду красиво. Только жутковато отчего-то.

За те странности одноклассники и смеялись, и лупили его бывало. А он терпел-терпел, отмалчивался, отпихивался ладошками... А классе в шестом вдруг ни с того ни с сего – как с цепи сорвался. Забросил свои листики-флакончики, раздобыл где-то иностранные книжки, где мужики косоглазые доски голыми руками ломают, – и сам тоже давай каждый божий день кулаками до крови в стены стучать. Все обои пятнами бурыми изляпал. Потом в секцию какую-то записался подвальную. Так до армии и ходил – то в синяках, то с кулаками разбитыми. Правда, пацанва с ним больше – ни-ни. Не забалуешься. Чего не понравится, того и гляди в морду даст.

А все равно, что до армии был, что после – дите дитем... В милицию разве самой сбегать? А толку? Кто приходил, кого били? Лысые в коже? Да сейчас таких на любом рынке каждый третий – кто бандит, кто охранник, кто просто за свининой для шашлыка пришел – поди разбери. Пошлют в той милиции на известное число букв – и правы будут. Дурака воспитала – значит, сама дура. Не лезьте, куда не следует, граждане, – и ничего вам за это и не будет.

А уж если влезли – то уж извините, уважаемые, получите по полной программе. Витька, вон, балбес, наелся и убежал опять куда-то, проигнорировав посуду. Знает, паразит, сестра сама в сто раз лучше все сделает, и помоеет, и приберет. И визитку чужую на столе забыл. А там все буквы иностранные, не понять ни бельмеса. Адрес не по-нашему, телефон и – Entertainment club Pagoda. Stas Navin. Proprietor. И от этой непонятности так на душе тяжело, хоть ложись на пол и вой волчицей. Да только поможет ли?

* * *

У «Каравана» толпилась куча народа. Пролетарской закалки куча. Одеты неброско, со следами похмелья на лицах и с ехидными улыбочками – мол, не все вам малина, капиталисты проклятые, бывает и на нашей улице праздник. Этот пока мелкий. Не праздник – так, пустячок

приятный. Самый существенный сабантуй был в семнадцатом году прошлого века. Но придет еще наше время, ох, придет...

Словом, народ был тот самый. Наш народ то есть. Это «Караван» был уже не тот.

Точнее сказать, «Каравана» больше не было в принципе. Была большая, слабо дымящаяся гора останков павильона, состоящая из расплавленного пластика и корявых металлических конструкций. И горестно склонившийся над искореженным скелетом магазинчика опаленный огнем одинокий тополь, с которого под порывами ветра порой слетали свернутые в трубочку обугленные листья.

Витек протиснулся сквозь толпу и обалдело уставился на пожарище. В голове не укладывалось – как же так? Еще вчера была достаточно уютная торговая точка, в меру грязенькая, небольшая, но все же... Так или иначе – привыкает человек к рабочему месту. И пусть ишачил в «караван-сарай» порой за троих, но как все ж больно осознавать, что вот так вот – раз – и нет ничего больше. Ни холодильников, ни прилавка, ни кафеля на полу, ни протертого стула у кассы, ни самой кассы, ни надоедливой мухи – ничего, только гора обгорелого мусора.

И гнутое дерево над ним, пострадавшее ни за что. Лишь потому, что случайно росло рядом.

Мутным миражом колыхнулся в сознании недавний сон. И слова, сорвавшиеся с языка того, кем был Виктор в том сне:

– Этой весной лепестки цветущей сакуры будут черными от сажи и пепла...

– Вот она, бренность бытия, – высунулся из-за плеча Виктора пожилой алкаш с прокисшей физиономией. – Было оно – и нету. Ты ж вроде тут торговал?

Витек кивнул, продолжая незнамо чего искать глазами в горелой куче и одновременно зачем-то пытаясь вспомнить, чем кончился тот короткий сон. Но алкаш не отставал, и обрывки странного сна рассеялись, спугнутые его надоедливым скрипучим дискантом.

– Ну вот и все, накрылась твоя торговля. Дай по такому случаю пять рублей?

– Зачем тебе? – не очень соображая, о чем его просят, спросил Витек. Теперь его занимали вполне прозаические мысли – чего теперь делать и где другую работу искать.

– Как зачем? – оскорбился алкаш. – На помин заведения.

На другое плечо Витьки опустилась узкая жесткая ладонь.

– Слышь, парень, пашли, да. Гаварит будем.

Витек обернулся.

Сзади него стоял Ибрагим, брат Витькиного шефа Саида. Худой неприятный тип душманской наружности, по слухам, в известных местах круто воевавший джигит, воин Аллаха и все такое прочее, за соответствующую внешность неоднократно прессуемый органами и вследствие этого имеющий надменно-презрительное выражение лица по отношению ко всем без исключения аборигенам.

– Чего надо? Тут говори.

Трепета перед воином Аллаха Витек не испытывал. Потому как в армии против стоявшего рядом с ихним полком стройбата ходил он неоднократно с сослуживцами вчетвером-впятером на роту разноплеменной мазуты, и ни разу не посрамили воины небесного цвета нимбов, по штату десантуре положенных. Хотя – надо признать – бывало, брызгала на те береты и своя кровушка. Но не в пример чаще была она чужой. А уж тут-то, если чего, да один на один...

Ибрагим чего-то прикинул и сменил гнев на милость, а выражение лица с надменно-презрительного на скучающе-отсутствующее.

– Слюшай, пашли, а? Саид зовет.

– Ну ладно, если Саид, тогда пошли.

«Черт с ним, с Ибрагимом. Может, Саид другую работу предложит?»

– А пятерку, значит, не дашь? – заныл вслед удаляющемуся Витьку алкаш.

– Пракурор тэбэ пятерку даст, казел, – заржал Ибрагим.

Витьку отчего-то стало противно. Он остановился, вынул из кармана червонец и протянул алкашу. Тот с неожиданной сноровкой, чуть ли не в прыжке подхватил деньги и тут же испарился, как каракумский мираж.

– Багатый, да? – прищурился Ибрагим. – Вах, харащо, что багатый.

– Кому хорошо? – спросил Витек.

В голосе Ибрагима слышались издевательские нотки. И от этих ноток очень хотелось треснуть воину Аллаха меж ушей. Да так, чтоб только уши и остались.

– Всэм харащо, дарагой, – почему-то обрадовался Ибрагим. – Мнэ харащо, Саиду харащо. Тэбэ харащо будет.

– Хорошо – это как?

– Увидишь, дарагой. Харащо – это кагда нэ плохо. Кагда живой, багатый – тагда харащо. Кагда нэт, тагда – вах!

За такой вот философской беседой они прошли половину улицы и свернули в арку между домами.

За аркой справа стоял Саидов «ниссан». Машина была не новой, но большой и черной, что по местным меркам компенсировало возраст. Еще двое воинов Аллаха: один – в черной кожанке, другой – в ярко-рыжей – ошивались возле нее, пиная тупорылыми штиблетами прошлогоднюю листву. При виде Витька с Ибрагимом в кильватере они разом прекратили маяться дурью и стали ретиво отрабатывать хозяйский хлеб, приняв стойки «всегда готов» – не в совково-пионерском смысле, а в смысле набычиться и руки – в красноречиво оттопыренные карманы.

Тонированное стекло автомобиля медленно поехало вниз, явив миру худое лицо теперь уже бывшего Витькова работодателя Саида, чем-то похожего на американского киноактера Энди Гарсиа, только лысого, в возрасте ближе к сорока и с круглой, тщательно подстриженной бородкой а-ля «мексикано десперадос бандито».

В отличие от своих земляков, Саид очень прилично говорил на языке аборигенов.

– Прошу сюда, молодой человек. Прокатимся, побеседуем.

Один из Саидовых земляков, звероватого вида джигит с красными воспаленными то ли от недосыпа, то ли от наркотиков глазами, левой рукой открыл перед Витьком заднюю дверцу автомобиля, не сводя кровавых глаз с «молодого человека» и по-прежнему держа правую руку в кармане.

Витек немного напрягся, покосился на звероватого земляка, потом пожал плечами – а, была не была, – и не спеша воспользовался приглашением. Земляки вместе с Ибрагимом скакнули следом и уселись: один – за руль, остальные – на заднее сиденье справа-слева от Витька.

Машина медленно тронулась. Бритый затылок Саида мерно закачался впереди, отчего Витьку вдруг отчаянно захотелось спать.

– Вы у меня были неделю назад, Виктор, – несколько высокопарно начал Саид, видимо, тихо млея от собственной интеллигентности и светских манер, – и сказали, что к вам приходили люди с предложением насчет крыши?

– Угу, – сказал Витек. Он себя чувствовал несколько неуютно от такого обращения, на что, наверное, Саид и рассчитывал, дрессируя себя в тонкостях великосветских манер аборигенов, от которых они в своем подавляющем большинстве отказались уже эдак с сотню лет назад.

– Вы сказали им, на кого работаете?

– В первый или во второй раз?

Саид закаменел шеей, отчего его затылок перестал качаться туда-сюда.

Ибрагим, знавший Саида с младых ногтей, мог бы сказать, что брат сейчас сильно гневается и в этой стадии своего гнева способен на многое, с великосветскими раутами ничего общего не имеющее. Но Витек не имел чести знать бывшего шефа настолько приватно, поэтому ему просто расхотелось спать.

– Повторяю вопрос, – с нажимом на «повторяю» сказал Саид, – они знали, на кого вы работаете?

– Ну да, знали. И чего?

– Мне передали, что перед тем, как сгорел «Караван», вы там учинили драку с этими людьми.

– Не, ну интересно получается! – возмутился Витек. – А что бы ты учинил, Саид, если б тебя падлой называли и пообещали жопу оторвать?

Желтый затылок Саида начал наливаясь красным.

– Я – это я, молодой человек, – очень медленно сказал Саид.

Ибрагим мог бы сказать, что степень братского гнева не поддается описанию. Но его никто ни о чем не спрашивал, и Ибрагим просто сидел справа, тупо глядя вперед и чем-то неуловимо смахивая при этом на статую с острова Пасхи.

– Мне такого никто никогда не говорил и вряд ли когда-либо осмелится, – все так же медленно произнес Саид. – Так что же получается, Виктор? Из-за того, что кто-то вас обозвал, я лишился магазина?

До Витька начало кое-что доходить.

– Так ты решил на меня свою палатку повесить? – заорал он. – Так вот... Ах ты...

Бумс!!!

Ребро ладони Ибрагима резко садануло Витьку в кадык, и почти сразу же пришла передача слева – локтем в солнечное сплетение от звероватого земляка.

Витька скрючило, словно эмбриона, после чего ему добавили чем-то тяжелым по затылку, как-то очень ловко накинули на шею удавку, завели руки за спину и свободным концом петли связали запястья так, что дернешься посильнее – и тут же безвременно отправишься к Создателю от недостатка кислорода.

Перед глазами Витька плавало несколько Саидовых затылков. За шиворотом было тепло и влажно, наверное, от крови. На голову Витьку плеснули воды из пластиковой фляги, и затылки постепенно собрались в один.

– Итак, продолжим, Виктор.

Автомобиль уже выбрался за черту города и теперь медленно ехал по шоссе, раздирая дальним светом фар стремительно сгущающиеся сумерки.

К Витьку пришла вялая мысль, что продолжения, скорее всего, не будет. Гальку было, конечно, жалко. А в остальном-то – и хрен бы с ним со всем. Все равно в этой жизни хорошего – мизер, а дерьма – только успевай разгребать. Вот только тоскливо, что не придется напоследок по этому лысому черепу съездить чем-нибудь стальным или чугунным. На худой конец, можно и кулаком... Да только, видать, не судьба. Помучают сейчас, сволочи, потом завалят, как сайгака, да сбросят в кювет. И если даже найдут менты поутру – никто и не почешется. Одним муделем безработным меньше стало – и бес с ним, с сердешным, отмучился. Бог дал – Бог взял, туда ему и дорога.

– Вы, наверное, думаете, что легко отделаетесь, молодой человек? Мол, убьют сейчас неверные меня, невинного, – и весь сказ.

«Мысли, что ли, читает, сволочь?», – удивился Витек.

– Ошибаетесь, уважаемый, – усмехнулся Саид. – Вы даже не представляете, как вы ошибаетесь.

«Ниссан» свернул с шоссе, проехал сотню метров по невидимой в ночи тропинке и остановился.

Витьку схватили за шиворот и выбросили из машины.

Он упал на бок. Петля больно врезалась в шею, и Витек, выдавив из горла полустон-полухрип, засучил ногами, выдирая из земли ботинками комья сырого мха.

– Больно? – участливо спросил Саид, приближаясь. – Как я вас понимаю, уважаемый! Прошлой ночью я по вашей милости потерял магазин стоимостью в двести тысяч долларов. И это, поверьте, не менее больно.

Он присел на корточки и, просунув тонкие пальцы под петлю, несколько ослабил ее. Витек перестал хрипеть и теперь жадно глотал ртом холодный ночной воздух, пропитанный пьянящим запахом хвои и прелой листвы.

– Так как мы теперь будем с вами рассчитываться, молодой человек? – спросил Саид.

Витек молчал. Он был сейчас слишком занят. Он дышал.

– Молчите? Логично. Ну, квартиру вы, понятно, продадите. Какая там у вас? Двушка? Пятый этаж, хрущевка, спальный район... Правильно?

– Абысалютна, – откуда-то из-за Витьковой спины подтвердил голос не столь сведущего в языке аборигенов Ибрагима.

– Максимум двадцать тысяч долларов в базарный день. Остается еще сто восемьдесят. Это очень много. Где вы их думаете брать?

Дыхание потихоньку восстановилось. Теперь Витек молчал по другой причине.

Говорить было не о чем. И незачем. Саид разговаривал сам с собой, прекрасно зная ответы на свои вопросы. Ему просто нравился спектакль, в котором он был и зрителем, и главным персонажем, и сценаристом, и режиссером одновременно.

– Опять молчите?

Бац!

Тупорылый носок ботинка врезался под Витькову лопатку, снова надолго перебив дыхание.

– Нет, Ибрагим, не надо лишнего, – с укором произнес голос Саида над головой Витька. – У нас тут с молодым человеком деловой разговор. Ведь так, Виктор? Мы с вами деловые, цивилизованные люди и всегда сможем договориться. Итак. Завтра вы переписываете на мое имя квартиру... ах, да, закон, закон... Законы мы уважаем. Значит, меняетесь на комнату где-нибудь в Ханты-Мансийском автономном округе – вариант мы вам предложим. За неделю, я думаю, с нашей помощью с обменом вы управитесь. Остается, как я уже говорил, сто восемьдесят тысяч долларов. Я вижу в ваших глазах отчаяние? И ненависть? Ничего, это нормальная реакция.

Поверьте, я не садист. Тем более, вы очень неплохой работник, а какой же хозяин будет напрасно мучить свою рабочую силу. Вы мне отработаете эти деньги, Виктор, и от того, насколько быстро и хорошо вы их отработаете, будет зависеть, как скоро вы снова увидите свою сестру.

– С-сука!!!

Витек забился в путах, но петля только сильнее затянулась на горле, заставив парня хрипеть в приступе бессильной ярости. Четверо мучителей засмеялись.

– Вах, хороший собак, – загоготал сзади Ибрагим. – Кавказский овчарка!

– Насчет овчарки согласен, – кивнул Саид. – Но, к сожалению, далеко не кавказская. И теперь это моя овчарка, брат. А чтобы никто не перепутал и – главное – чтобы она сама не забыла, чья она, необходимо поставить клеймо.

– Канешно, брат, – согласился Ибрагим, выходя из-за спины лежащего на боку Витька под свет автомобильных фар. – Сейчас сделим.

Ибрагим все знал заранее и загодя приготовился к финалу. В левой руке у него была горящая паяльная лампа. В правой – металлический прут с блямбой на конце, которую он поворачивал в струе огня так и эдак – то ли для лучшего нагрева, то ли для пущего устрашения связанной жертвы. Блямба и так уже сверкала огненной каплей, готовая вот-вот стечь на землю тягучей струйкой раскаленного металла.

– Сейчас, брат.

Капля стремительно приблизилась к правому плечу Витька и вонзилась в него комком раздирающей боли. Витек дернулся, укусил себя за губу, захлебнулся струей собственной крови и потерял сознание.

* * *

...Руки Ибрагима были по локоть в крови. Снова и снова он втыкал в живое мясо раскаленное железо, ковыряясь в ране и вытаскивая из нее своим прутом белые веревки сухожилий. Плеча уже не было – был живущий своей жизнью шевелящийся спрут, состоящий из боли, невыносимой настолько, что она, как ни странно, стала привычной. Тело – отдельно, боль – сама по себе, а правого плеча – просто нет, и все тут.

Но гораздо большие мучения доставлял Саид. Он сидел на корточках и длинной травинкой щекотал лицо Витька. То в ноздрю залезет, то по лицу проведет омерзительно медленно, так, что почесаться охота – сил нет, а никак – руки за спиной связаны. И их, рук, кстати, тоже нет – затекли и потеряли чувствительность. А может, дружки Саида отпилили их на фиг? Тогда почему перевернуться не получается? И руки – пусть отпиленные, но хоть то, что осталось, из-за спины не вытащить?.. Да и бес с ними, с руками, только бы Саид прекратил эти муки адавы и травинку свою убрал!!!

От боли, от бессильной злобы, от всего вместе взятого, что навалилось за последние два дня, Витек крепился, крепился – да и заревел, со слезами и соплями, словно отшлепанный воспитательницей детсадовский спиногрыз. И тут же потому, что перед вражьими рожами такую вот слабость показал, сам на себя озверел и оттого совсем уж белугой залился.

И от собственного рева проснулся.

Ибрагима не было. Не было и Саида со звероватыми земляками. Железной палки с тавром тоже не было в пределах видимости. Было утро, роса, осенний лес вокруг и проклятая травинка в самой что ни на есть ноздре.

Витек нелитературно выматерился, осторожно повернул голову, откусил травинку, выплюнул ее и прислушался к себе.

Били его часто. Кто много дерется, тот много и получает в ответ. И во дворе, и на татами, и в армии, и вообще по жизни. И главное после того, как очухался после тяжких побоев, это прислушаться повнимательнее – как там они, части тела – целы или не совсем? В запарке боя часто и не поймешь, что сломано, а что просто поболит да перестанет. Адреналин боль глушит. А после в себя придешь, дернешься неловко, потревожишь и без того растревоженное – и снова выключишься. И потом, может, и вообще не включишься. Так в армии капитан советовал – афганский волчара, морда в шрамах, как у Виннету, злой, психованный, но порой дельные советы давал.

Руки из-за спины вытаскиваться не хотели. Значит, все-таки связанные. Спасибо, хоть петлю на шее перерезали, звери.

«Не хотели, чтоб ценный должник в отключке задушился...»

Витек стиснул зубы и осторожно перекатился на спину. Все равно загорелось огнем до этого более-менее терпимо саднящее плечо, заныло добросовестно побитое остальное тело. Из желудка поднялся тошнотворный ком и запросился наружу. Витек тот ком за минуту-другую на волю выпустил, после чего с полчаса сидел, привалившись спиной к ближайшему дереву, отплеываясь кислым в окружающую флору и рассматривая красные круги перед глазами.

Круги постепенно рассосались. Рассматривать более было нечего, надо было выбираться отсюда. Следы от протекторов «ниссана» в размытой дождем земле указывали, в какую сторону следует выбираться.

Веревки на руках наверняка отсырели – помимо утренней росы, помнится, вчера еще и дождик накрапывал. Сырые узлы развязывать – дело гиблое, рук Витек не чувствовал и потому

решил, что тереться запястьями о деревья вслепую не стоит, толку будет немного – только еще больше изуродуешься. Потому со второй попытки встал он на ноги и потрохал на первой скорости вдоль отчетливых следов от колес Саидова «ниссана» – и на том организму спасибо, что хоть в этом не отказал.

Путь оказался недлинным. Почти сразу лес кончился, и след от протекторов вражьей тачки уперся в шоссе.

– Слава те, Господи, – пробормотал Витек.

Серая лента шоссе плавала в рассветном тумане. Справа из тумана показалась машина.

Голосовать было нечем. Витек заорал «Эге-гей», но ор сорвался и получился писклявым, а водила только поддал газу и промчался мимо, обдав Витька каскадом вчерашнего дождя, обильно плеснувшего из асфальтовой выбоины.

– Ясно, – сказал Витек, по-собачьи отряхивая лицо. – Чего ж тут неясного. Ну и хрен с вами.

Он сделал два шага, выбрал на асфальте место посуше, осторожно опустился на колени, потом так же осторожно завалился на наименее побитый бок.

– Вот так, – сказал он грязной полосе разметки, убегающей от лица к непривычно близкому горизонту. – Что хотите, то и делайте.

Следующая машина притормозила, потом, рискуя свалиться в кювет, медленно и осторожно объехала лежащее поперек дороги тело и, вильнув задницей на мокром асфальте, рванула от греха подальше.

– Ну не сука? – простонал Витек.

Красные пятна постепенно возвращались. Сознание потихоньку готовилось к новой отключке...

– Ты чего, парень? Ты живой?

Кто-то осторожно трогал Витьку за плечо.

– Дохну, – хрипло сказал Витек.

– Ну ты это погоди, – сказал кто-то, осторожно переворачивая Витьку с боку на живот. – Ого! Кто ж тебя так?

– Друзья.

– Ясно.

Сзади слышалось шуршание одежды. Потом запястий Витьку коснулся холодный металл, и по обеим сторонам Витькова тела упали его руки.

– Хорошие у тебя друзья. Крепко вяжут, – сказал кто-то, переворачивая Витьку обратно.

У «кого-то» было немного квадратное лицо, коренастая фигура в темно-коричневой потертой замшевой куртке и безумно модные в этих местах ботинки «Экко», которые можно было купить только в Москве за нереальные по здешним меркам финансы. И потертая под стать куртке «лохматая» «Нива», на крыше которой был привязан веревками выдавший виды диван.

– А т-ты кто такой? – выдавил Витек.

– Меня Андреем зовут, – представился мужик в замше, пряча тускло блеснувшее лезвие под куртку куда-то в область поясницы. – И сами мы не местные. Давно обосновался?

– С неделю, – буркнул Витек.

– Н-да. Неделя – это срок, – кивнул мужик. – В больницу тебе надо, парень. Ну, пошли, что ли? Давай помогу.

Замшевый был здоров, как буйвол. Он легко, одной рукой приподнял Витьку, фрагментарно перебросил через себя и поволок к машине. Витьку ничего не оставалось, как вяло перебирать ногами вхолостую, имитируя независимое, мол, «я сам иду, и чужая помощь нам без надобности».

Ходить таким образом было несложно даже в Витьковом состоянии. Правда, на боку у замшевого под курткой торчало что-то твердое и острое, по ощущениям похожее то ли на

рукоять ножа, то ли просто на какой-то штырь. Это твердое неприятно елозило по побитым ребрам, но Витек возбужать не стал – да и вряд ли получилось бы. Не до разговоров было – пусть уж волокут как хотят. Да и глупо возбужать насчет удобств, когда тебе, можно сказать, жизнь спасают...

«Нива» с диваном приближались. Побитый жизнью аппарат, много буераков повидавший... Но – машина!!!!

Еще с детсадовского голопузого возраста имелась у Витька тайная мечта – собственный автомобиль. И пусть не «Брабус» с абээсами да аэрбэгами, но – чтоб сам за рулем, чтоб дорога под колеса ложилась, и все ненужное, лишнее – там, за бортом, в другом мире...

Как и любой россиянин, собственной машины не имеющий, Витек неплохо разбирался в предметах своих мечтаний.

«Везет мне что-то в последнее время на подержанные внедорожники и на всякий разный подкрученный люд», – подумал он.

Ему вдруг стало неловко. За свою беспомощность, за грязную куртку, за то, что вот так, ни с того ни с сего какой-то незнакомый дядька прет его на своем горбу к машине, помочь собирается. А чем потом расплачиваться? Да и в больницах нынче бесплатная только дистиллированная вода.

– Вы... это... не надо.

– Чего «не надо»? – удивился замшевый, сгружая Витька на капот «Нивы».

– Ну... это... в больницу там. Спасибо, что развязали. До дому вот довезите, а то сам не дойду. Тут недалеко.

– Как скажешь, – пожал плечами Андрей. – Ну, садись. Давай подсоблю.

– Спасибо, я сам.

С «я сам» Витек явно погорячился. Кисть руки он на ручку машины положить-то положил, а вот открыть дверь оказалось делом непростым. Пальцы не слушались и были абсолютно безжизненными, словно щупальца мороженого кальмара в прозрачном холодильнике универсама.

Андрей подошел и молча помог открыть дверь и загрузиться в машину. Витек был готов сгореть от стыда, но его спаситель, лишь бросив взгляд на синие распухшие полосы, охватывающие запястья Витька, выдал резюме:

– Не переживай. Сухожилия с виду вроде как целы, завтра уже пальцевать будешь, как настоящий правильный пацан. А пока с этим придется повременить.

Витек хотел возразить, что, мол, он не из тех и что как раз те-то его и отделали. Но тут некстати пришла мысль, что если он не из тех, то значит, и пацан он неправильный. Следующая мысль о том, что в настоящий момент это соответствует действительности, радости не прибавила. Тогда Витек справедливо решил, что думать – это вообще дело неблагодарное, и просто расслабился, наблюдая, как справа проносится лес, в котором он сегодня чуть не остался навеки...

...До дому оказалось, действительно, недалеко. Тем более на машине с московскими номерами. Мимо поста ГИБДД пролетели на ста двадцати, въехали в город, раз поворот, два поворот, три...

– Тебе куда?

– Да вот...

– Понятно.

Город замшевый знал весьма прилично. И водил свою побитую колесницу по узким улочкам, как Илья-пророк свою по радуге. Профи, одним словом. Витька от такой езды с непривычки аж укачало. И от боли в организме снова плющить начало что называется не по-детски. И ком тошнотворный вернулся некстати. И – надо ж такому случиться – тормознул мужик

перед Витьковым подъездом вроде б плавно, вжав мягко в податливое сиденье случайного своего попутчика – и...

– Мать ты моя, женщина!!!

Витек медленно вытащил голову из коленей, не зная, куда девать глаза.

– Извините...

– Да уж, – философски вздохнул замшевый, отворачивая нос. – Маленько не дотянули.

А насчет больницы ты, парень, зря отказался. У тебя, похоже, сотрясение.

– Тряпка есть у вас? Я подотру.

– Да ладно. Что с тебя с побитого взять? На вот.

Мужик открыл бардачок и вытащил из него две зеленые американские купюры.

– Сейчас отлежись, а потом все-таки доктора вызови.

Он протянул деньги Витьку.

– Не надо.

– Бери, парень, пока дают, не ерепенься. Все равно мне считай на халяву достались. А у меня примета – на новом месте надо с хорошего дела начинать. Это уж после – как получится. Считай, что в долг даю. Потом отдашь как-нибудь.

«Ну и ладно, – мелькнула мысль в голове у Витька. – Будет долг до кучи сто восемьдесят тысяч двести долларов».

– Спасибо.

Витек открыл дверь и осторожно, по частям вылез из нехорошо пахнущей «Нивы». Перед тем, как захлопнуть дверь, обернулся.

– А когда деньги будут, как мне вас найти, чтоб отдать?

Мужик хмыкнул.

– Жизнь, парень, она спиралью заворачивается. Как-нибудь на новом витке пересечемся – рассчитаемся. А теперь давай-ка топай до дому. Мне машину срочно в мойку надо, а то я тут от вони окуклюсь.

* * *

Каждый знает, что жизнь – штука разноцветная и полосатая, как занзибарский флаг. Особенно у нас. То черная полоса, то так – не пойми какая. Нормальное это явление – разноцветность для России-матушки. Пора б уж привыкнуть. Но все ж, однако, когда вот треснет она, жизнь то есть, кулаком по темечку, встанешь порой столбом и стоишь, глазами хлопая, будто неожиданность какая случилась. А какая неожиданность? Закономерно все. Не Занзибар ведь, а места родные, до боли знакомые...

В квартире был разгром. Сломанный стул посреди комнаты, чайник на полу валяется, занавеска оторвана, осколки вазы...

Вазу было жалко. С малолетства Витек ее помнил. Стояла себе на шкафу столько лет, никого не трогала, и не разбил ее никто до сих пор. А как разобьешь? Шкаф-то матерый, довоенный, толкай, не толкай – не шевельнется.

А за шкафом была кровь. Витек нагнулся и осторожно поскреб ногтем почти засохшее пятнышко. То, что это кровь, он понял сразу. Без крови такой шкаф сотрясти – дело сложное. Видимо, головой Гальку приложили. Она деваха здоровая, так просто бы не далась. Ну да, вон и зеркало на дверце шкафа треснуло, и пятно бурое опять же, под трещиной.

– Ничего, Саид, ничего. Мы еще с тобой на эту тему пошепчемся, – прошипел Витек сквозь зубы.

Из зеркала на него смотрел жуткого вида человек. Спутанные волосы, разбитые губы, ворот у куртки разорван, рукав на трех нитках держится, сам грязный, как свиномать.

Бомж бомжом. Вот только глаза не бомжовые. Злые глаза...

Глазами сверкать и зубами скрипеть – дело нужное. Адреналина нагоняет, характер развивается, кровь по телу быстрее бежит. Викинги вот говорят помимо всего вышеперечисленного с той же целью еще и края щитов грызли перед своими разборками. У них, видать, в организмах не было проблем с ксилитом и карбамидом, да и вообще здоровья было поболее, чем у далеких потомков.

А Витька от избытка адреналина снова замутило, да так, что он как стоял, так и сел прямо на пол.

«Вот те и раз. Похоже, действительно, сотрясение. Если так дело дальше пойдет, не то что с Саидом разбираться и сестру вызволять, собственную задницу от пола фиг оторвешь».

Требовался врач. А потом – все остальное. На все про все в активе имелось ровно двести долларов.

Вы когда-нибудь видели врача за двести долларов? Вероятно, это какая-то адская смесь интеллекта, типа Авиценны, Парацельса и Пирогова в одном флаконе. Может, у них там, на Диком Западе, и принято докторам по две сотни зеленых за вызов отдавать, но для русского человека это, мягко говоря, пижонство.

В соседней квартире за стенкой жил студент второго курса медицинского училища Сева Франкенштейн, обладатель больших очков, важного вида, копны волос, заплетенных в косички-дреды, «Справочника фельдшера» тысяча девятьсот девяностого года выпуска и должности помощника патологоанатома в городском морге, которой он и был обязан своим прозвищем. С помощью этих составляющих Сева за символическую плату часто оказывал местному населению всякого рода услуги лечебного характера, в том числе к патологоанатомии отношения не имеющего.

Судя по характерному запаху из розетки, будущий фельдшер был на месте. Витек протянул руку, взял отломанную ножку стула и швырнул ее в стену, тут же скривившись от боли в плече.

Слышимость в доме была отличная. Реакция воспоследовала незамедлительно.

– Вы чо там, охренели все?! – прогундел из-за стены недовольный голос.

– Севка, зайди, дело есть, – крикнул Витек.

– Да иди ты! Только с ночной пришел, только раскумарился. Позже зайду.

Витек поднатужился и засветил в ту же цель фрагментом спинки стула.

– Сволочь ты, Витек, – сказал обреченно голос из-за стены. – Сейчас буду.

– Дверь открыта. И аптеку свою захвати, не забудь.

– Понял.

Спустя некоторое время Сева, слегка похожий движениями и мутноватым взглядом на киношного зомби, уже хлопотал над Витьком. Он сосредоточенно уложил пострадавшего на диван, вытащил из принесенной сумки с красным крестом набор каких-то блестящих инструментов и, степенно разложив его на уцелевшем стуле (надо думать, больше ради придания солидности своему статусу, нежели для дела), принялся священнодействовать.

– Так, глазные яблоки в стороны отведи.

– Яблоки? Глазные?

– Угу.

– Сильно сказал. В какие стороны? В разные?

– Идиот, – пожал плечами Франкенштейн. – Направо посмотри. Теперь налево. Так. Теперь на палец смотри. Ясно. Тошнит? Голова кружится?

– Не то слово.

– В череп били?

– Куда только не били.

– Ясно. А это что?

– Твою мать! Айболит недоделанный! Ты чо делаешь? Ты куда пальцы суешь?

– Исследую раневую поверхность. Давай куртку снять помогу... Ну, ни фиги себе!

Сева присвистнул и вытаращил глаза. Туман в них на несколько секунд рассеялся, но после неотвратно стугнулся вновь до прежней консистенции.

– Чего там?

– Ожог, причем нехилый. С орнаментом. Хотя... На латинскую S похоже. Лежачую. Витек криво усмехнулся.

– Оно и есть.

– Чего «оно»?

– Ничего. Много будешь знать, до диплома не дотянешь. Лучше скажи, долго еще у меня башка будет гудеть, как церковный колокол? И блевать больше уже нечем.

Сева сделал ответственное лицо.

– Ну, дней за десять, думаю, оклемаешься.

Витек откинулся на подушку.

– Хреново. Надо максимум завтра.

– Чего завтра?

– На ноги встать.

– Ты с дуба рухнуло, позвоночное, – убежденно сказал Франкенштейн и для наглядности покрутил себе пальцем у виска. – Ты на себя посмотри – на тебе живого места нет. У тебя с затылка шкуры клочок отодран вместе с волосами, висит на соплях, сейчас пришивать будем. Сотрясение – сто процентов, на плече ожог третьей степени и синяков на теле, как пятен у леопарда. Так что десять дней минимум, и то моли Джа, чтоб осложнений никаких на мозги не случилось. Кстати, с таким ожогом в больнице по закону полагается противошоковая терапия неразбодяженной наркотой – так что ты подумай, может, лучше в больницу? Я бы вот, например, даже не думал...

– Дай куртку.

– Чего? Ты куда собрался, псих?

– Да куда я не собрался. Куртку дай, говорю.

Сева пожал плечами и протянул болезному соседу требуемое. Витек порылся в кармане и вытащил зеленую сотню.

– Сосед, ты как хошь, но мне надо завтра.

Сосед задумчиво почесал дужку очков.

– Ну, при таком положении вещей можно что-нибудь придумать. Но сначала надо на плечо повязку соорудить и шкуру обратно к башке пришить.

– А ты сможешь?

Сева Франкенштейн самодовольно хмыкнул.

– Если ты думаешь, что намного сложнее труп, то сильно ошибаешься. Вся сложность в том, что ты живой и, скорее всего, будешь дергаться. С трупами гораздо проще.

– Еще немного, и со мной как раз сегодня и было бы проще, – проворчал Витек. – Делать нечего, шей, реаниматор. Только это... А я тут от боли не скончаюсь?

– Лидокаин спасет отца русской демократии, – важно произнес Сева, доставая из принесенной сумки шприц, ампулу и кривую иглу.

Несмотря на свое психоделическое состояние, кожу Сева пришил быстро и практически безболезненно.

– Ну и как? – спросил Витек.

– Как валенок, – механически ответил Франкенштейн.

– Чего «как валенок»?

– Ощущения, как будто валенок шьешь.

– Да мне насрать на твои ощущения. Как результат?

– Как в аптеке, – флегматично отозвался Франкенштейн, привычно проигнорировав соседское отношение к его ощущениям. – Думаю, через недельку швы с башки снимем – и будет как новенькая.

На Витька неожиданно вдруг навалилась усталость. Он понял, что еще немного – и он просто отрубится, словно безнадежно севший аккумулятор.

– Ты, сосед, думай, а я посплю пока, – сказал он. – Сносит – сил нет.

– Давай-давай, конечно-конечно, – пробормотал сосед. – А насчет денег – не беспокойся. Тут и на лекарства, и на пожрать хватит, и даже останется на это самое...

Чего и на что у Сева останется, Витек уже не слышал. Он как-то очень резко отключился от действительности и провалился в непроглядно-черный омут сна. А Сева Франкенштейн, Саид, Ибрагим и еще какие-то люди что-то там говорили и кричали, стоя на краю того омута, но это было уже совсем неважно.

* * *

Завтра не получилось. Не получилось и послезавтра. Только на третий день Витек немного пришел в себя и перестал держаться за стены при передвижениях до санузла и обратно. И пальцы на руках вроде как шевелиться начали. Все это время Сева добросовестно опекал побитого соседа, попутно безбожно транжиря его финансовый запас.

– Глюкозу надо? Надо! Глицерин надо? Надо! Соки надо? Надо! Врача кормить надо? Врача кормить – это в нашем случае самое необходимое. Так что раскошеливайся.

– А может, не надо?

– Что, врача кормить не надо?!

– Да нет, это без вопросов. Ну, может, хотя бы соки – хрен бы с ними, а?

– А кому надо, чтобы завтра?

– Завтра уже было.

– Давай-давай, не жмись, это только у коммунистов медицина была бесплатная.

– Потому они капиталистам страну и продули.

Три дня Витек вынашивал планы мести и возвращения сестры. Перед глазами рисовались красочные сюжеты, напоминающие американские боевики – со стрельбой, слезоточивым газом и черными фигурами в пуленепробиваемых шлемах с крупной надписью «ОМОН» на широких спинах. Или, на худой конец, сам Витек с АКСом наперевес и почему-то обязательно в дембельском голубом берете.

– Бред это все, – авторитетно заявил Франкенштейн, когда Витек поделился с ним своими соображениями. – У твоего Саида небось вся ментовка куплена на корню – тебя же еще и привлекут, типа, ты магазин поджег и все такое. А одному против танка переть с голыми руками – это, сам понимаешь, одним сотрясением не отделаешься. А башка – это тебе не клок скальпа, ее обратно не пришьешь.

Был еще и третий вариант, но в него верилось меньше всего. Вернее, не верилось совсем. Ну, мало ли кто что там сказал, проходя мимо.

А на четвертый день позвонил Саид.

– Здравствуйте, Виктор.

Витек молчал. Знал: сейчас если даст волю эмоциям, то все. И сестры не вернешь, и самого найдут вскорости где-нибудь на свалке с дыркой в башке. А слов без эмоций для Саида в голове Витька не имелось.

– Полагаю, вы меня узнали. Сразу попрошу прощения – мои ребята немного перестарались, общаясь с вами. Но до меня дошли сведения, что вы чувствуете себя несколько лучше. И потому предлагаю вам встретиться завтра на том же месте, где мы с вами беседовали в последний раз. Сами понимаете, я имею в виду не лес, а переулок под аркой.

Витек скрипнул зубами.

– И, будьте любезны, прихватите с собой документы на квартиру. Мы как раз присмотрели для вас комнату на окраине... хм... нашего независимого государства. Итак, жду вас завтра в тринадцать ноль-ноль. И попрошу не опаздывать. Да, чуть не забыл. Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны, чтобы не вводить посторонних в курс наших взаимоотношений. В противном случае я не завижуду ни вам, ни вашей сестре. Всего хорошего.

Витек осторожно положил на рычаги мокрую от пота трубку.

– Кто звонил? – осведомился Сева, захлопывая дверь холодильника.

– Саид.

Сева Франкенштейн застыл на месте с пакетом молока в руке.

– И чо?

– Завтра в тринадцать ноль-ноль он забирает квартиру.

– И чо? Отдашь?

– Не знаю, – деревянно сказал Витек.

Сева осторожно отхлебнул из пакета.

– Дык... эта... А жить-то где будешь?

Витек опустилсЯ на стул, поставил локти на стол и уставился на грязную плиту, залитую засохшими последствиями Севиных кулинарных экспериментов. По плите тяжело ползали два сытых таракана, обалдевшие от неожиданной халявы. При Гальке кухня сияла стерильной чистотой, и насекомые в ней не водились по причине отсутствия пропитания и гостеприимства со стороны хозяйки. Хозяйка немилосердно истребляла тараканов специально отведенной для этих целей тряпкой. Сейчас тряпка по-прежнему лежала на подоконнике, аккуратно сложенная вчетверо. Еще хозяйкой сложенная.

– Мочить я его буду, Сева, – сказал Витек.

– Кого?

Франкенштейн уже понял кого, но ему было страшно. А когда страшно, нужно страх глушить. Что-то делать нужно. Говорить, например.

– Саида.

– Ох ты!

Сева медленно поставил на стол пакет.

– Вить, слышь? Ну, ты там подумай, может, все обойдется, а?

– Ты о чем?

– Да нет, это... Вить, ты вроде как оклемался уже? Может, я тебе больше не нужен?

Витек оторвал взгляд от плиты.

– Ты иди домой, Сева. Спасибо за все. С меня причитается... потом.

– Ну, я пошел? Это, Вить, если чо надо будет...

Витек снова уставился на плиту. Сева Франкенштейн потоптался немного на месте, потом развел руками, сделал лицо типа «все под Джа ходим» и вышел из квартиры, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

Сосед ушел – проблема осталась.

«Ишь, как шустро смылся, паразит, как жареным запахло, – подумал Витек. – Оно и понятно – кому охота за чужие проблемы свою задницу подставлять. Джигиты народ горячий, в запарке задницы перепутают и не ту отстрелят. Доказывай потом в чистилище, что не верблюд и что медучилище заканчивать надо».

Но сосед – соседом, и бес бы с ним. Помог – и спасибо. И так за четыре дня почти двести долларов умудрился прожрать, маленько до полного финиша не хватило. Как услышал про «мочить», так сразу и смылся. Что и требовалось доказать.

На самом деле «мочить» Витек никого не собирался, хотя и жутко хотелось. Да и как «мочить», когда вокруг Саида постоянно целый вооруженный аул кучкуется? И проблему не решишь, и сам пропадешь ни за что, и сестру погубишь. Несмотря на горячий норов, кулаки и каратэшно-десантный опыт, мыслить трезво Витек умел. Да и чем «мочить»? Стамеской? Или ножом кухонным? Воспаленный бред пьяного автора бестселлеров серии «Черная кошка».

Вариант с заявлением в милицию во всей красе разрисовал Франкенштейн. Прав, Айболит очкастый, на все сто прав. Дохлый номер.

Друзья-знакомые? А что друзья-знакомые? Такие же работяги. Бьются за место под солнцем, да только, похоже, что все приличные места уже давно заняты.

Бежать из города? Куда? А сеструха как же?

Мужик на «ниве»? Да ну, чушь собачья. Оно ему надо? «Здрасьте, вы меня помните? Я вам еще машину облевал?»

Еще был мужик, который копия Шварценеггера. Вон она, визитка, валяется под столом. Как упала на пол, так никто поднять и не удосужился. Да и зачем поднимать? Валяется – и пусть себе дальше валяется. Станет посторонний качок впрягаться в чужие сани? И ради чего? Да уж. Видать, действительно придется нести Саиду документы. И до конца жизни у него рабом быть, оставшуюся гору деньжищ отрабатывать?

«Хороший собак...»

А может, попробовать?

Витек слазил под стол и достал визитку.

Entertainment club Pagoda. Stas Navin. Proprietor.

Витек вздохнул.

Клуб Pagoda был элитным заведением, таинственно возникшим за чертой города на невысоком холме у берега озера на месте старого интерната, закрытого еще в совковые времена.

Стоял себе тот интернат нагромождением аляповатых строений, давно и подчистую разворованных местными жителями, стоял, дряхлел, разваливался потихоньку, и вдруг в один прекрасный день – раз!

И нет кучи унылых серых зданий. Как корова языком слизала. В два дня снесли четыре трехэтажных корпуса с кучей разных других построек меньших габаритов, как будто их и не было.

И закипела работа на месте развалин. Со стороны казалось, будто это не наши совковые трудяги на стройке возьмется, а биороботы на модных батарейках работают-работают-работают и днем и ночью со скоростью невообразимой, возможной лишь при наличии очень страшного кнута и очень жирного пряника.

Два!

На месте руин буквально за несколько месяцев вознеслось к небесам пятиэтажное здание с здоровенными перегородками между этажами, смахивающими на квадратные сомбреро, которые надевают на выпускников американских колледжей в день получения дипломов. К зданию из города вела специально проложенная асфальтовая дорога, шириной и качеством исполнения превосходящая центральную улицу города. Судя по слухам, на первом этаже того здания расположился вестибюль с магазинчиками и громадный тренажерный зал для подкрученного люда со всевозможным хитроумным оборудованием. На втором – дискотека для «золотой» молодежи, на третьем – вроде как казино – для родителей той молодежи, на четвертом – ресторан и для тех, и для других. О том же, что было на пятом этаже, из Витьковых знакомых и посетителей почившего в бозе «Каравана» кто что говорил, но доподлинно не знал

никто. Да и про все остальное слухи ходили разные, причем часто весьма и весьма противоречивые.

Причина отрывочности и беспорядочности сведений была незамысловата. Клубная карта (а по-русски, право на вход, а также на покататься и на поплавать в бассейне) стоила три тысячи долларов в год. Все остальные блага цивилизации – за отдельную плату. Из вышеупомянутых знакомых Витька мало кто такие деньги за год вообще зарабатывал. А уж в руках, да чтоб сразу поддержать – и подавно.

К тому же на входе в сие престижное место злобствовал лютейший фейс контроль, нередко по своим каким-то соображениям отметающий даже тех, у кого подобные деньги имелись.

Говорили, правда, что красивых девушек с их бойфрендами порой на дискотеку пускали бесплатно – но это было уже из области утешительных легенд для ущемленного жизнью пролетариата.

И вот сейчас, по всей видимости, предстояло отправиться в этот рай для миллионеров с ворохом собственных проблем.

– Бред, – сказал Витек вслух сам себе. – Выпрут тебя оттуда, Витя, поганой метлой. И правы будут. Потому что не фиг. Каждый Витек знай свой шесток.

И снял трубку.

На другом конце провода ответили сразу.

– Развлекательный клуб «Пагода», здравствуйте, – с придыханием сказал мягкий девичий голос.

От этого голоса у Витька сразу зачесалась простата.

– Я... мне этот нужен... Стас Навин?

– Стас Навин, – укоризненно поправил голос. – Как вас представить?

«Я тебя уже представил, милая. Так представил!!! И эдак!!! Ух! А вот тебе меня в таком виде точно представлять не надо...»

– Так как вас представить?

– Я Вите... Виктором меня зовут.

– А вы по какому вопросу?

В волшебном голосе начали прорезаться металлические нотки. Похоже, люди, обычно звонившие в клуб, разговаривали несколько иначе. Но Витек уже частично справился с самовольной простатой.

– Передайте ему, что это тот парень, у которого он молоко покупал. Он мне еще тогда помог. И визитку свою дал.

– Стас? Молоко? – В голосе девицы послышалось неподдельное изумление. – Вы не бредите, молодой человек?

Но к Витьку уже вернулась привычная наглость. Которая, как известно, второе счастье.

– Слышь, мочалка, делай, чо сказано! «Бредишь», блин! Я тебе щас забрежу – под стул укачишься вместе с телефоном.

Такое обращение, видимо, было более свойственно постоянным обитателям клуба.

– Сейчас, сейчас, – засуетился голос, обретя утерянное придыхание. – Одну минуту.

В трубке зазвучала приятная музыка.

«А я там дров не наворотил? – пришла запоздалая мысль. – Если у нее все остальное такое же, как голос, тот амбал, который Стас, натягивает ее там, небось, по полной программе. Сейчас эта секретутка ему настучит, он меня к себе вызовет и там прямо в кабинете и порвет как Тузик грелку. Ему это – раз плюнуть, особенно сейчас, когда я только-только слегка оклемался. Хотя, Бог не выдаст...»

Музыка кончилась.

– Але, вы слушаете? – промурлыкал голос. Так обычно мурлычет голодная пантера в телевизоре, которой показали жирный кусок мяса.

– Слушаю, – мрачно ответил Витек.

– Стас вас ждет у себя прямо сейчас. Как долго вы будете добираться?

Витек прикинул – автобус раз, автобус два, там пешком минут пятнадцать...

– Через час буду точно.

Сказал, бросил взгляд на куртку, сиротливо висящую на вешалке...

– Нет, через полтора.

– Ждем вас. Счастливого пути.

Витек повесил трубку.

«А порвет – и бес с ним, – подумал он. – Хрен редьки не слаще. Как-никак наш человек, не заграничная сволочь из бывшего СССР. Все не так обидно. Была не была».

И сел пришивать рукав к куртке.

* * *

При ближайшем рассмотрении клуб Pagoda оказался зданием из стекла и бетона, причем стекла было намного больше. Этакий небоскреб, похожий на стилизованную елку с бурятской шляпой наверху, отчего на фоне заката здание при достаточной доли воображения могло показаться острием широкого многоуровневого гарпуна, медленно вонзающегося в тускнеющее яблоко солнца.

Несколько мрачноватое впечатление усугублял расположенный перед клубом и занимающий существенную площадь сад камней, смахивающих на зубы динозавра, натканные в землю хаотично и на первый взгляд бессистемно.

Рядом с входом в здание был воткнут самый существенный булдыган неправильной формы в два человеческих роста высотой, с которого вниз стекала вода, наполняющая небольшое искусственное озеро, в котором подозрительно шевелилась какая-то водоплавающая тварь неместных габаритов. То, что не занято было садом камней и водопадом, представляло собой парк с наманикюренными карликовыми деревьями. Все это хозяйство вместе со зданием, включая дефилирующий по территории отряд секьюрити монгольской внешности, было обнесено металлическим забором из декоративных копий в два человеческих роста длиной.

Непосредственно к решетке примыкала автостоянка, забитая иномарками.

За кованые ворота забора Витька пустили после продолжительных переговоров и тщательного фейсконтроля. Фейсконтроль узкоглазого привратника изначально не удовлетворил, и он долго гундосил в рацию на непонятном языке, бросая на посетителя подозрительные взгляды.

«Ишь, набрали иноверцев, – лениво подумал Витек. – Зыркает, иго монгольское. Постреливает глазенками, типа, хозяйский хлеб отрабатывает, жути нагоняет. Забыл, поди, как мы в свое время таких вот жутких да на Куликовом поле...»

Но пустить сильно побитого на лицо и более чем невзрачно одетого пришельца все же пришлось. Витек, предварительно все же обласканный металлоискателем и похлопанный по фигуре узкими, но сильными ладошками (отчего у него слегка сбилось дыхание), потопал по мощенной гладким булыжником дорожке, попутно дивясь на невиданные растения, похожие на зеленые шары, разбросанные по парку.

У входа в здание другой секьюрити, похожий на первого, словно близнец, повторил процедуру обмахивания-похлопывания – хотя за это время мимо прошли трое солидных мужиков лет по сорок, на которых никто не обратил внимания, словно их не существовало – после чего Витек наконец был пропущен внутрь гигантского стеклянно-бетонного гарпуна.

Внутри перед гостем моментально нарисовалась высокая миловидная девушка с тренированной улыбкой, миндалевидными глазами а-ля Лада Дэнс и фигурой Афродиты.

– Прошу за мной, – сказала девушка, и Витек послушно поплелся в кильватере у Афродиты, которая не оборачиваясь уверенной рысью цокала впереди, виляя роскошной задницей – не завлекая посетителя, отнюдь – больно надо лоха кадрить. Просто, видимо, таким вот сексуально-эротическим манером здесь ходил весь персонал женского пола. Марку заведения поддерживал.

И, кстати сказать, надо отдать должное – персонал был под стать заведению! Если не обращать внимания на портящих общее впечатление секьюрити и всяких там носильщиков-гувернеров-или-как-их-там-еще, обладающих в подавляющем большинстве либо шкафообразными телесами, либо рысьими взглядами раскосых глаз, то персонал был просто роскошным...

Только вот на встречу с Витьком выслали девицу не иначе как со скамьи запасных. Фигура, конечно, соответствующая, такое под строгим рабочим костюмом не скроешь, как ни старайся. Но какая-то слишком уж деловая попалась Афродита. Узел на затылке, штукатурки на морде килограмм, и сама морда официальная до тошноты – хотя, похоже, миловидная, но под слоем макияжа не разберешь, что к чему. Ну, и глаза, конечно, ничего... Но, положи руку на сердце, к брюнеткам Витек всегда относился прохладно. На вкус на цвет, как говорится... Словом, скамья запасных – есть скамья запасных.

А вот играющий состав был как на подбор. То есть вкусу вполне соответствовал.

Две шикарные блондинки с сумасшедшими бюстами и неестественно длинными ногами... скучали в гардеробе.

«Это у них здесь такие телки пальто принимают???»

Еще одна – копия американской актрисы Шарлиз Терон – уныло протирала салфеткой сверкающую стойку безалкогольно-протеинового бара. При виде мужика, переваливающегося немного впереди Витьковой Афродиты, девицы как по команде оживились и засияли каучуковыми улыбками. Но мужик, одетый несмотря на осень в легкий спортивный костюм, не соблазнившись ни баром, ни гардеробом, нырнул за сверкающие впереди стеклянные двери раздевалки тренажерного зала.

Там еще было много всего-разного в вестибюле – игровые автоматы, какие-то микромагазинчики с макроценниками в витринах, серебристый «лексус» на медленно вращающейся платформе, обмотанный лентами и шарами, – но Витек как устался на королеву бара, так вдруг как-то разом потерял из виду остальную окружающую реальность.

– Нам сюда.

Афродитоподобная путеводительница остановилась у лифта и нажала кнопку.

– Прошу вас.

Витек вышел из ступора, оторвал взгляд от клона Шарлиз Терон и вошел в лифт.

– Ну, ни фиги себе!

Кабина лифта была цилиндрической и выполненной почти целиком из прозрачного пластика. Лишь одна четверть этого стакана представляла собой сплошное ростовое зеркало. А за остальными тремя четвертями была видна шахта из серого камня, по которому струился бесконечный водопад. В лучах невидимой подсветки под струями воды камни переливались, сверкая золотыми и серебряными прожилками.

– Скока ж такое стоит? – восхитился Витек. – А в камнях что, правда золото?

Его вопрос молча проигнорировали. Но от этого молчания Витек почему-то почувствовал себя полным идиотом. И разозлился.

«Ишь, колченогая, ответить в падлу. Деловая больно...»

На руке его сопровождающей блеснул серебряный браслет с изображением глаза, заключенного в треугольник, обращенный вершиной книзу. На панели лифта, расположенной на краю зеркала, в ряд шло несколько пронумерованных кнопок. Вверху панели над кнопками было выдавлено изображение усеченной пирамидки с парящим глазом над ней. Глаз был тоже в треугольнике, только вершиной вверх. Александра подняла руку и совместила глаз на браслете

с глазом на панели. Сбоку от пирамидки в застекленном окошке загорелась надпись: The god to whom we trust. Девушка нажала на кнопку с цифрой «5». Лифт дернулся и плавно поехал вверх.

Шшуххх...

Желудок мягко прижало к кишкам. 1, 2, 3, 4 – замелькали на табло цифры цвета долларовой банкноты. На пятом этаже лифт остановился, так же осторожно вернув желудок на привычное место. Двери открылись.

– Прошу за мной.

– А то не ясно, чо мне делать, – буркнул Витек.

– Извините?

– Извиняю.

* * *

Афродита поджала губки, сделала три шага и остановилась перед дверьми, похожими на вход в бункер. Сзади мягко закрылись двери лифта.

Витек со спутницей оказались в некоем подобии каземата. Откуда-то с потолка слышалось громкое шипение.

«Газовая камера, что ль? – подумал Витек удивленно. – Я-то ладно: одним больше, одним меньше – никто и не почешется. А вот чем Афродита хозяевам не угодила?»

– Чего там шипит-то? – осторожно спросил он. Афродита снисходительно хмыкнула.

– Очистка, увлажнение, ионизация воздуха, привезенного снизу. Система приводит его в соответствие с воздухом в кабинете хозяина.

– Понятно, – сказал Витек. – Чего ж тут непонятного. Запахло послегрозовым лесом. Тяжелые, видимо, бронированные двери мягко разошлись в стороны.

Пятый этаж был... кабинетом? Или квартирой, если это можно было бы так назвать. Огромное открытое пространство целого этажа было нагромождением всего, чего только может пожелать душа человеческая. Бассейн с волнообразно выполненными перламутровыми берегами и небольшим островом посередине, на котором росли три настоящие пальмы. Гигантская кровать с золотыми рогатыми чудовищами по краям резной спинки, огромный экран на стене с заставкой, изображающей Афродиту (не Витькову спутницу, а богиню), выходящую из пены морской. Вместо стен с трех сторон – прозрачные стекла, которые – Витек ясно помнил – с улицы выглядели абсолютно черными. Лишь одна стена была стекляннно-непрозрачно-черной, такой же, как снаружи. Были еще какие-то мелочи, но это было основное, что оставил в памяти Витька первый взгляд. Потому что взгляд второй скользнул по стенам, остановился – и окаменел.

К нему грациозной походкой направлялась большая черная кошка. Длинный хвост ритмично двигался туда-сюда. Желто-зеленые глаза, разрезанные черными поперечными линиями зрачков, смотрели не мигая, гипнотизируя и приковывая к месту.

– Сяпа, назад, – неуверенно сказала Афродита и сама шагнула назад.

Сяпа и не почесался, только недвусмысленно облизнулся, продолжая свое текучее движение по направлению к людям.

Для того чтобы достигнуть желаемого, пантере нужно было либо обойти, либо перепрыгнуть изгиб бассейна шириной примерно в полтора метра. На краю бассейна имелась небольшая лужица воды, и пантера, сделав очередной шаг, слегка макнула в лужицу лапку, похожую на черную меховую колотушку. Макнула, отряхнула лапу брезгливо – и на секунду задумалась: прыгнуть или все ж таки обойти неприятное препятствие...

Секундной паузы было достаточно.

– Чо стоишь, дура!!! – заорал Витек не своим голосом, схватил в охапку Афродиту и вместе с ней пулей влетел в бассейн, обдав черного зверя каскадом брызг. Зверь истошно мяукнул

и сиганул куда-то за край поля зрения Витька, одной рукой с невероятной скоростью гребущего к пальмовому острову. В другой руке он держал за волосы Афродиту, брыкающуюся теперь уже в кильватере у Витька.

Острова он достиг за считанные секунды. Ухватился за что-то, торчащее из земли – то ли корень, то ли ветка какая, – подтянулся и одним мощным движением частично выдернулся из воды сам и выволок на сушу голову слегка захлебнувшейся Афродиты.

– Вот таким образом, – сказал он, лежа грудью на искусственной траве острова, отплевываясь и переводя дыхание. – Щас выберемся – и, считай, полдела сделано. Та падла черная воду не любит и сюда не полезет. А мы пока тут перекантуемся.

– Эт-т точно, – задумчиво сказал кто-то сзади. – Сяпа воду не любит. Он сейчас отряхнется и к тебе в гости перепрыгнет.

От неожиданности Витек выпустил Афродиту, и она, освободившись от непрошеной опеки, канула на дно. Однако резво оправилась, вынырнула и хорошо поставленным кролем поплыла назад. Только сейчас Витек сообразил, что все это время она царапала и кусала его за руку, отчего та, смоченная водой, теперь саднила отчаянно.

«Вода-то соленая. Как в море».

Над ним пронеслась черная молния и неслышно приземлилась в метре от лица.

«А вот это пи...дец», – подумал Витек и закрыл глаза.

– Сяпа, фу, – сказал веселый голос сзади.

Сяпа подошел, понюхал голову Витька, послушно сказал «Ф-фу!» и ретировался.

Витек открыл глаза и обернулся.

На краю бассейна стоял тот самый, бугрящийся кошмарными мышцами шварцеобразный мужик, голый по пояс. Талия его, тонкая, как у девушки, с квадратными кубиками пресса была обмотана цветной татуировкой, изображающей узкоглазого дракона, сжимающего в одной из четырех лап что-то, похожее на шар. Из одежды на мужике были только черные широкие штаны от кимоно с белыми иероглифами по бокам. Да висела на бычьей шее цепь белого золота, а на том месте, где у православных людей положено быть кресту, болтался треугольник из того же материала и с таким же глазом, как и у Афродиты на браслете.

Мужик задумчиво наблюдал за выходом Афродиты из бассейна, порой переводя взгляд на аналогичный сюжет работы Боттичелли, переливающийся на гигантском экране. Впечатление усугублялось тем, что мокрое платье плотно облепило роскошную фигуру.

– Похожа, похожа, ничего не скажешь.

– Шеф, этот придурок... – заверещала претендентка на лавры богини любви и красоты.

– Да видел я все, – отмахнулся мужик. – Свободна.

Афродита одарила дрейфующего у острова Витька испепеляющим взглядом и пошлепала к выходу, оставляя на полу мокрые босые следы. Лаковые туфли на высоких каблуках остались на дне бассейна.

Мужик перевел взгляд на Витька.

– Ты кто?

– Я? Я – Витек.

– Ну, если Витек, то вылезай, говорить будем, – сказал мужик. – Заодно и выясним, чего ты тут у меня в бассейне делаешь.

Витек покосился на пантеру, которая к тому времени уже закончила отряхиваться и вылизываться, как обычная домашняя Мурка, и теперь сидела у ног хозяина эбонитовой статуей. Хозяин перехватил взгляд Витька.

– Вылезай, вылезай. Сяпа теперь не тронет. Пока я не скажу.

Витек подчинился. У ног мужика из воды торчала никелированная лесенка, коей Витек и воспользовался, обрушив на каменные плиты пола каскад воды, вытекающей из каждой прорехи его многотрадной куртки.

Мужик отошел в сторону, продолжая разглядывать Витьку, как патологоанатом кадавра перед вскрытием.

– Где я тебя видел?

Тон у мужика был как у комиссара на допросе врага народа.

– В палатке, – буркнул Витек. – Ты у меня молоко покупал.

«Ничего себе, пригласили в гости!»

В голове зрело острое желание послать ко всем чертям этого качка вместе с его понтами, секретаршами и пантерами.

– Точно, вспомнил... Стало быть, мы с тобой уже на «ты»?

– Ты на «ты», ну и я на «ты».

– Молодец! – неожиданно рассмеялся мужик. – Храбрый, однако.

Он резко ткнул пяткой в пол – и солидный кусок этого пола с жужжанием разъехался в стороны на две половинки. Из его разверстого нутра, словно ракета из шахты, выполз огромный бар с батареей бутылок внутри. Таким же манером по бокам бара выехали из разъехавшихся плит два мягких кресла с резными подлокотниками и спинками, увенчанными драконьими головами.

– Присаживайся, – предложил мужик. – Кстати, Стас – это я, – представился он, но руки не подал. – Считай, что познакомились. Так с чем пожаловал?

– Палатку ту сожгли, – сказал Витек, осторожно опускаясь в податливую мягкость кресла.

– Я ж предупреждал, – пожал плечами Стас. – Ты чего пьешь?

– Ничего.

– Что так?

– Не люблю.

– Эт-т хорошо, – сказал Стас, сливая молоко из пакета и ссыпая розовый порошок из черного ведра в большой кувшин, извлеченный из бара. – Ну, сожгли – и чего?

– Палатку ту на меня повесили. Мол, я драку учинил, людей не уважил, из-за меня и сожгли.

– Так, – кивнул Стас. Он водрузил кувшин на подставку и нажал кнопку. Внутри кувшина завертелся розовый смерч. – Все правильно. Потом, небось, морду набили и на бабки поставили.

– И сестру забрали. Сказали, деньги вернешь – сестру обратно получишь.

– Сестру – это плохо.

Стас внимательно следил за смерчем внутри кувшина. И вдруг резко перевел взгляд на Витьку. Сейчас у него и у сидящей рядом пантеры были одинаковые глаза.

– А ты куда смотрел, когда сестру уводили?

– Никуда я не смотрел! – взвился Витек. – Домой пришел – ее нету. И вообще неясно, почему это на меня всех собак навесили?! Это ты ж их там в палатке всех отлупил!

– А ты хотел, чтоб на меня навесили? – изумился Стас.

И расхохотался.

Смеялся он с полминуты, громко и от души, аж слезы на глазах выступили. Витек сидел, смотрел на веселящегося хозяина клуба и тихо свирепел, мучаясь выбором – надеть сейчас на голову Стаса пластмассовый кувшин с розовым торнадо внутри или просто встать и уйти.

Стас отсмеялся, вытер слезы, взглянул на Витьку и, стерев улыбку с лица, посоветовал:

– Ты о последствиях подумай.

– О каких последствиях? – выдавил из себя Витек.

– Того, что ты собирался сейчас сделать. И, кстати, на будущее учти – в разборках между лохами и нелохами отвечают лохи. А в контексте данной проблемы ты для тех побитых друзей и для их хозяев – лох стопроцентный, с которого и спрос. А вот с меня спросить за что-то в этом городе любому крутому мэну будет весьма затруднительно.

Стас оторвал свой гипнотический взгляд от глаз Витька и снова занялся блендером. А Витьку вдруг как-то резко расхотелось злиться, драться и гордо уходить. Словно Стас своим взглядом высосал из него всю злобу. Чудеса...

– И много денег хотят? – как ни в чем не бывало спросил Стас.

– Двести тысяч, – хмуро ответил Витек. – Сто восемьдесят плюс наша квартира.

Стас присвистнул.

– Я так понимаю, двести тысяч не рублей... Так. Кстати, тот сарай вместе со всем барахлом внутри от силы полтинник стоил. И как хозяина звать?

– Саид.

– А-а, понятно, – скучно протянул Стас.

Он выключил блендер, разлил по здоровенным стаканам розовую жидкость, бросил в стаканы по соломинке и один из них протянул Витьку.

– Пробуй.

– А это чего такое? – осторожно спросил Витек.

– Протеин с молоком и клубникой.

– Проте... что?

– Белок. Основная пища культуристов. Про клубнику, я думаю, ты уже слышал.

«Издевается, гад, – подумал Витек, принимая стакан. – Хрен с тобой, издевайся. Мне б свои проблемы решить, а там гори синим пламенем и ты, и протеин твой».

– Ну, и чего ты от меня хочешь?

«Вот тебе и раз...»

– Ну... это... Сестру вернуть хочу.

Стас задумчиво помешивал соломинкой свой коктейль.

– Сестру – это хорошо, – медленно произнес он. – Человек должен потворствовать своим желаниям. Только знаешь что, Витек, давай так. Сейчас ты мне четко и без всяких экивоков обозначишь, чего ты больше всего хочешь от жизни на данный момент времени в данной точке пространства.

Витек подивился такой резкой метаморфозе. Только что был Стас этакий бандит – мафиози местного масштаба по лексикону и по повадкам – и вот, на тебе, «в данной точке пространства...»

Удивился, а потом призадумался.

А действительно, какое оно, это самое сильное желание?

Ухмыляющаяся личина Саида нарисовалась в воображении.

Витек скрипнул зубами. При воспоминании о Саиде потухшая под взглядом Стаса злость вернулась мгновенно.

– Грохнуть бы его на фиг, чтоб землю не коптил.

– Кого?

– Саида.

– Нормальное желание нормального человека, – пожал плечами Стас. После чего отставил в сторону свой стакан, порывшись в баре и, вытащив оттуда необычной формы револьвер, положил его рядом с блендером. Потом покопался еще и присовокупил к револьверу два пластмассовых цилиндра с пулями.

– Иди и грохни, – спокойно сказал он.

Витек чуть стакан не выронил. Густой протеин застрял в горле.

– Это... как? Это... я?

– А кто ж еще будет твои проблемы разгребать? – удивился Стас. – У всех сейчас своей головной боли по горло. Я тебе помогаю потому, что некоторым образом к этой истории имею отношение. Помог тебе раз, вот, помогаю и второй. Чем могу.

Витек тупо смотрел на револьвер. Не то чтобы ему не приходилось видеть оружия. В армии насмотрелся по самое «не хочу». Он медленно вникал в то, что предлагалось ему сейчас этим оружием сделать.

– Я не возьму.

– Не бери, – хмыкнул Стас, протягивая руку к оружию. – Тебе квартиру когда отдавать? Или отдал уже?

– Нет еще, – буркнул Витек.

– Значит, скоро отдашь. Ничего страшного. А остальные деньги отработаешь когда-нибудь. Может быть. Каким-нибудь местом. Или сестра отработает. Всеми местами сразу.

– Я передумал, – сказал Витек.

– Твое право.

Стас протянул Витьку оружие.

– Револьвер роскошный, эксклюзивный. Главное – надежный. Французский «Лефоше». Несерийный, сделан по индивидуальному заказу. Кастетные накладки на стволе и рукояти. А вот тут нажимаешь – из рукоятки стилет выскакивает.

Револьвер холодил ладонь. Пальцы, словно в капканы, легли в отверстия кастетной накладки.

– Сомневаешься? – хмыкнул Стас, катая донышко своего стакана по крышке бара. – Это нормально. Это инстинкт самосохранения. То есть каждая тварь на свете жить хочет и, соответственно, не хочет делать того, что подвергает ее жизнь опасности. Но на самом деле это «не хочу» полнейшая туфта и томление духа. И на эту тему хорошая легенда есть.

«Мне сейчас только сказок не хватало», – подумал Витек. Но Стас его мнением интересоваться и не думал, и потому Витьку ничего не оставалось, как слушать, потягивая через соломинку из стакана вязкую жидкость, непривычную ни запахом, ни вкусом, ни с виду.

– Жил черт-те когда царь Ксеркс, и задумал он поход против греков, кажется. Собрал тот Ксеркс под это дело нереальное войско. Вышел утром из палатки – а она на холме стояла – и аж сам прибалдел малехо. Народу под холмом – море, до горизонта земли не видать, все люди. И тут ему в голову мысль пришла, что через сто лет ни одного человека из этого моря по-любому в живых не будет.

Стас замолчал.

– И чего? – глухо подал голос Витек, не отрывая взгляда от смертоносной игрушки, удобно угнездившейся в ладони.

– С Ксерксом-то? Да ничего. Прибило его с той мысли, и отменил он поход. Потом вроде одумался и все же попер на греков. И по ушам получил. Но не в этом суть. Суть в том, Витек, что через сто лет ни тебя, ни меня, ни твоего Саида просто не будет – и все. Да какие «через сто»? Раньше, намного раньше. Так что какая разница – через сто лет или завтра?

«Умный, блин, легенды по памяти шпарит, – с неприязнью подумал Витек. – А про Хуан Ши-Гуна не слышал. Хотя... Кто про него вообще слышал, кроме тех, кто ту книжку издавал?»

И неопределенно хмыкнул.

– Ксерксу, конечно, было виднее. Да только вот кесарю – кесарево, а слесарю...

Стас усмехнулся, порылся в баре и, достав откуда-то из глубины маленький пакетик, бросил его Витьку.

– Держи, ниндзя. Сам я уже этим не пользуюсь, а тебе может пригодиться. Принимать за час до убийства по одной штуке в течение всего курса молодого бойца.

В пакетике лежало несколько голубых таблеток.

– Что это? – спросил Витек.

– Колеса правды, если тебя устроит такое объяснение, – хмыкнул Стас. – С них на правду прет независимо от того, нужна она кому-нибудь в таком виде или нет. Но последние испыта-

ния показали, что именно в нашей стране именно такая правда большинству населения нужнее всего.

Стас взял пакетик. На таблетке было выдавлено изображение патлатой головы в кепке без козырька.

– А это кто на таблетках нарисован?

Стас вздохнул.

– Дремучий ты парень, Витек. Это Че Гевара.

– Чо?

– Не «чо», а Че. Пламенный революционер, символ движения... хммм... куда-нибудь.

– Не, – сказал Витек. – Куда-нибудь мне не надо. Мне конкретно надо проблему решить.

– А решение любой проблемы и есть в движении куда-нибудь, – сказал Стас. – Вот предположим, что встанешь ты сейчас с кресла, выйдешь отсюда, займешь у кого-нибудь денег и уедешь в Тель-Авив. Насовсем. Что станет с твоей проблемой?

– Зачем это мне – и в Тель-Авив? – настороженно спросил Витек.

Стас с сомнением посмотрел на Витьку.

– Да, пожалуй, с таким фейсом в Тель-Авив тебя не возьмут. Может быть, только в ЮАР.

– Тель-Авив, ЮАР...

Витек слегка набычился.

– Что-то ты, Стас, не о том говоришь. Я, значит, в ЮАР, а Гальку кто выручать будет?

– В ЮАР тоже не возьмут, – констатировал Стас. – Возьмут только в поликлинику для опытов... Короче, до свидания, юноша. Бери что дают. Или не бери, но по-любому – аревуар, то есть удачи в начинаниях, – сказал он, поднимаясь с кресла. – Александра отведет тебя обратно.

Отъехала в сторону черная стеклянная панель, и оттуда как по команде – словно стояла да подслушивала – возникла Афродита-Александра в другом платье, с сухими волосами и в новых туфлях.

«Александра, ишь ты. Красивое имя», – подумал Витек. Потом посмотрел еще раз на револьвер и засунул его в мокрый карман куртки. Подумал немного – и сунул туда же пакетик с таблетками.

Стас не прощаясь повернулся к Витьку спиной и направился к черной панели, из-за которой только что появилась Александра. Витек невольно засмотрелся на крутой изгиб мощных мышц спины, начинающихся у крыльев цветного дракона на талии и латинским V расходящихся вверх. Под левой лопаткой была еще одна наколка. Круглый «инь-ян» необычной расцветки, пробитый самурайским мечом. Обе половинки символа равновесия сил мироздания были черными, с двумя мелкими белыми точками вместо положенной черно-белой симметрии.

Стас сделал несколько шагов, потом вдруг притормозил и обернулся.

– Слышь. А почему ты себя «Витьком» обозначаешь?

Витек недоуменно поднял брови.

– А как мне еще себя обозначать?

– Ну... Виктором, наверно. Алкоголики у магазина так друг друга зовут – Витек там, Сашок, Васек...

Он неопределенно покрутил пальцами в воздухе. Витек стравил воздух через зубы. «В поликлинику, для опытов... Ну, гад!» Вновь волной нахлынула долго сдерживаемая ярость. Сейчас он с трудом сдерживался от того, чтобы одним рывком не перепрыгнуть расстояние, отделяющее его от почки Стаса. Как раз туда, где лапа дракона за штаны цепляется, – р-раз каблуком ботинка, чтоб дух вон. И никакие мышцы не помогут, благодетель, мать твою за ногу. Почка – она завсегда почка.

Пантера, направившаяся было вслед за хозяином, что-то почувствовала, обернулась и зашипела.

– Хотя... Витек и Витек. Пусть Витек и останется. Саша, чего стоишь, проводи товарища до выхода. Сяпа, за мной.

Он потрепал пантеру по вздыбленной холке и неторопливо удалился за стеклянную панель. Зверюга пару секунд подергала еще верхней губой, пошипела, посверлила Витька злыми желтыми лазерами, потом медленно развернулась и последовала за хозяином. Сама собой задвинулась за необычной парой черная панель.

Витек встал с кресла, которое тут же уехало обратно в пол. Створки каменного люка мягко сомкнулись за ним. Пол и пол, никогда и не подумаешь, чего в него еще там напихано.

Он подошел к панели, за которой скрылись Стас с пантерой, постоял немного, вглядываясь в черноту непрозрачного стекла. Панель и не думала шевелиться. Витек постучал по ней костяшкой согнутого пальца. Звук утонул в легкой на вид конструкции, словно она была чугуновой.

«Интересно, как она распознает, кто хозяин, а кто так себе, в гости пришел? И бар в полу... Похоже, этот Стас Бэтмена пересмотрел лишку...» – мелькнула мысль у Витька в голове. Мелькнула – и пропала. Не до пола было, не до панели и не до их хозяина. Другие мысли засвербили-заерзали под черепушкой. И все – о правом кармане и о той французской хреновинке, которая в нем сейчас притаилась.

– Да и плевать, – громко сказал Витек, отгоняя мерзкие мысли. – Будь что будет. Ксеркс с ним со всем.

– Прошу за мной, – процедила наблюдающая за его телодвижениями обсохшая Александра, на работе, видимо, вынужденная соблюдать и соответствовать.

Витек немного повеселел.

«Да уж. Если б не соблюдать и не на работе, небось, вцепилась бы ты мне в морду, подруга, на всю глубину накладных когтей. А ведь несправедливо, однако. Я ж из лучших побуждений. Спасал вроде как и все такое».

– Ты это... Извини, что ли, – сказал он паре Александриных ягодиц, перекатывающихся туда-сюда перед его носом. Девушка фыркнула не оборачиваясь и ничего не ответила.

За спиной Витька и его сопровождающей с презрительным «Пшшш!» закрылись стальные двери. Александра нажала на кнопку вызова лифта.

– А знаешь чего, – весело сказал Витек. – Я тебя чего-то сразу про себя Афродитой назвал. Картину эту, что там на экране, я где-то видел. Ну, где телка, на тебя похожая, только блондинка, из воды выходит. Ну, это... в смысле, девушка то есть. Афродита. Богиня древнегреческая. А потом ты... ну, когда из бассейна вылезала... Ну прям копия.

– Паш-шел ты...

– Да ладно тебе. Я ж как лучше хотел.

– В следующий раз хотя в другом месте, ладно?

– Ладно, – хмыкнул Витек. – А тебя часто мужики с богиней сравнивают?

Александра на секунду замерла, потом опомнилась и посмотрела на Витька.

– Это что, новый прием съема девушек? Разрыв шаблона?

– Чего разрыв? – удивился Витек.

– Ничего, проехали. По сравнению со мной твоя Афродита просто жирная свиномать. К тому же, извини, Витек, но ты не в моем вкусе.

– А, ты об этом... Да не, ты мне тоже не особо. Я брюнеток не люблю, мне больше светленькие нравятся. Так что я не о разрыве, я о картине. Похожа, мол. Да и вроде не особо она там жирная...

Александра аж застонала от возмущения.

– Слушай, заткнись, а?!

– Ладно, понял, не вопрос...

В вестибюле по-прежнему народу было немного.

– Все, дальше сам дорогу найдешь, – сказала Александра, возвращаясь в лифт.

Витек бросил взгляд в вестибюль и ринулся обратно к лифту.

– Слушай, Афродита, будь человеком. Скажи, как вон ту девчонку в баре зовут?

Александра ехидно усмехнулась.

– Что, жениться надумал? Бомжевать надоело? Срочно требуется хоть какая-нибудь прописка? Деревенька моя мне тесна и тосклива?

– Какая прописка? – возмутился Витек. – Может, это первая любовь? И вообще, зачем мне прописка, мы мэстные.

– Ага, по тебе сразу и видать, что местный... Ее Настасьей зовут. Сходи, попробуй. Только она, по-моему, тоже лимита.

Витек не стал отбредиваться, просто по-английски повернулся спиной к лифту и Александре и потопал к бару.

За стойкой по-прежнему скучала белокурая копия Шарлиз Терон. Обычно Витек слегка пасовал перед такими девушками, да и, честно говоря, такие редко забредали в рабочие районы города. Но сейчас в крови бурлил адреналин и бесшабашный кураж кружил голову. Последний день камикадзе, одним словом.

– Привет, – сказал он, взбираясь на высокий стул.

Девушка оторвалась от созерцания стойки, смерила глазами Витькову куртку и вернула глаза на место.

«Все мы одна семья, – подумал Витек, вспоминая собственные недавние сидения за прилавком. – Вот только мух здесь нет и никогда не будет».

– Мне коктейль. Протеиновый.

Девушка сморщила лобик и подозрительно уставилась на Витьку.

– Какой фирмы?

– На твое усмотрение, Настенька, – вальяжно сказал Витек.

Настенька хмыкнула и, встав со стула, заправила стоящий на стойке блендер розовым порошком.

«Клубничный», – с ужасом подумал Витек. Только сейчас он понял, что в животе у него – полный абзац, будто корову проглотил. Стасов коктейль оказался жутко сытной штукой. При виде готовящейся новой порции желудок страдальчески съежился, отчего выпитый ранее протеин подступил к горлу.

Витек проглотил комок – и решился.

– Насть, я не умею красиво говорить, поэтому скажу, как есть. Завтра меня, наверно, убьют, поэтому сегодняшним вечером я хочу быть с тобой. У тебя когда смена заканчивается?

Настя обернулась. В ее широко раскрытых глазах было удивление.

– В девять заканчивается, – сказала она.

Витек посмотрел на часы у входа.

– То есть через пятнадцать минут. Я тебя у камня подожду. Который здоровый у входа.

– Подожди, – пожал плечами Настя. – С тебя двадцать долларов. Но у камня не надо.

– Почему?

– Там в бассейне крокодил живет. Генкой звать. Он хоть и беззубый, но чего-нибудь отщипнуть может запросто. Хотя можно и у камня. Ты подумай, может, оно и к лучшему? Жить будет легче, никого хотеться не будет.

– Вы все здесь на язычок такие? – проворчал Витек.

– Ха! – хмыкнула блондинка. – Это я еще белая и пушистая.

Она выключила блендер и поставила кувшин перед Витьком.

– На, пей свой коктейль. И встретимся через десять минут на автостоянке. Двадцатку-то гони.

«Мама! – подумал Витек, выкладывая на стойку требуемое. – Да я за двадцать долларов...»

«Мама!!!» – подумал Витек вторично. Потом мысленно зажмурился и опрокинул кувшин в себя. Не пропадать же добру...

* * *

Настя ушла утром. Проснулась, зевнула, похлопала несмытыми вечером накладными ресницами (не до глупостей было), потянулась сладко всем своим великолепным телом, словно кошка, потом отбросила одеяло, встала с кровати и стала одеваться.

– Завтракать будешь? – позевывая, спросил разбуженный ее потягиваниями Витек.

– А у тебя есть чем? – равнодушно спросила Настя, натягивая юбку.

Действительно, завтракать было нечем. А в свете предстоящих сегодня событий, может быть, и незачем. Тем более что недоученный фельдшер Сева Франкенштейн сожрал все, что только можно было сожрать.

– Ну, может, кофе? – неуверенно предложил Витек. Наличие кофе тоже было под вопросом.

Настя сморщила носик, что должно было означать отказ.

– Ну, не хотите – как хотите.

Витек еще немного понаблюдал за стриптизом наоборот, потом все-таки решился задать мучивший его вопрос.

– Слушай, а почему ты... ну, вчера со мной... это самое...

– Согласилась трахнуться?

– Ну да...

Настя пожала плечами.

– Хотя один мужик нормально подошел и нормально попросил. И то, что с разбитой мордой не комплексовал, – это подкупает. Остальные же только глазками масляными ощупывают и одно и то же гундосят: «Девушка, можно с вами познакомиться...» Надоело.

Она закончила одеваться, надела туфли, взяла со стола сумочку, скривилась брезгливо, щелкнула с кожаной ручки дремлющего таракана и направилась к двери.

Витек удивленно смотрел вслед девушке. Что это, живая иллюстрация к поговорке «вместе проведенная ночь не повод для знакомства»?

– Насть...

Девушка подергала ручку двери.

– Только не начинай, ладно? Как у тебя тут открывается?

– Колесико замка крути в обратную сторону. Слушай, а может, мы как-нибудь еще?..

– Все у тебя не как у людей.

Настя открыла дверь, шагнула было за порог, потом остановилась и обернулась.

– Когда ты сам, Витек, начнешь крутиться *не в обратную сторону*, тогда заезжай в клуб, поговорим. Только не заходи, а заезжай, ладно? Я, конечно, девушка романтическая, но пешком через весь город больше ходить не буду.

И ушла...

Ночь кончилась. За окном хмурилось очень позднее утро.

И снова пришли мысли.

На часах было одиннадцать.

Два часа до смерти. Вот только чьей?..

Вам приходилось убивать? Спросите того, кому приходилось, – как это? В кино-кино-видеобоевиках все просто. Бах! И одним негодяем меньше. Или не одним. Они там мрут пач-

ками, сотнями, мириадами. Кажется, если собрать и посчитать всех, погибших в книгах и на экране, то не хватит всего населения планеты.

Но там, в боевиках, на придуманных сценах умирают придуманные люди. Актеры, которые после выстрела и судорог потом встают, стирают с одежды легкосмываемое пятно и готовятся ко второму дублю. И быстро забываются и зрителем, и самим автором, потому что это очень легко – убивать придуманных людей.

Спросите у того, кому приходилось убивать непридуманного, – как это в первый раз? «Во второй будет легче», – скорее всего, ответит тот, кому приходилось. Или ничего не ответит. Потому что нормальному человеку это всегда почему-то трудно...

На тумбочке возле входной двери зазвонил телефон.

Хорошо ему. Позвонили – работаешь, не позвонили – балдеешь. И вся забота. Был бы он живой, телефон, понял бы, что не жизнь у него, а лафа райская.

Но он не живой, и нет у него ни стыда ни совести. Дребезжит истошно, сволочь, надтреснутым мявом, будто кота за гениталии тянут. А так охота перед таким жутким делом поваляться в постели, потащиться, может, в последний раз. Подушку, духами женскими пропахшую, понюхать...

Витек чертыхнулся, встал с кровати, подошел к тумбочке и снял трубку.

– Да.

– Доброе утро, Витек.

Витек промолчал. Взгляд сам собой скользнул по стене и остановился на оттопыренном кармане куртки, висевшей на вешалке.

– Ты не забыл о нашей сегодняшней встрече?

Голос Саида на другом конце провода был насмешливо-высокомерным. От былой наигранной вежливости не осталось и следа. Видимо, ему надоело упражняться в красноречии и светских манерах.

– А мы теперь на «ты»? – спросил Витек.

Саид рассмеялся.

– Со своими собаками я обычно на «ты». Ты ведь теперь моя собака. Так, засекай время. Ровно через час придешь к арке, отдашь документы на квартиру. И прихвати с собой большую сумку с каким-нибудь тряпьем. Пойдешь сегодня в одно место, отнесешь кое-что.

– А тряпье зачем?

– Сверху товара положишь, бестолковый ты мой. Остановят, спросят – скажешь, белье в прачечную несу.

Ты теперь часто в прачечную ходить будешь. Кстати, сестра тебе привет передает.

Витек скрипнул зубами.

– Ей тоже.

Саид рассмеялся снова.

– Обязательно передам. Короче, шевелись. И чтоб без фокусов.

«Ту-ту-ту», – протяжно заплакала трубка. Витек осторожно, словно кобру, положил ее обратно на рычаги. Посмотрел на нее задумчиво, потом почесал прилепленную к телу пластырями марлевую повязку, под которой внезапно зазудело плечо. Оно так вот зудело иногда. Заживало.

«На хороший собак все быстро заживает... Так. Значит, через час. Торопится. Вроде вчера на час дня назначал...»

– В гости к Богу не бывает опозданий, – тихо, хрипло и глухо пропел за соседской стенкой Высоцкий.

Витек криво усмехнулся и, подойдя к вешалке, вытащил из кармана куртки револьвер. Откинул барабан, вытащил из кармана патроны...

На пол упал пакетик с таблетками.

«Принимать за час до убийства...»

Витек поднял пакетик и с сомнением всмотрелся в три кружочка, содержащих в себе какую-то подозрительную Стасову «правду».

«Может, ну их на фиг? Но, с другой стороны – почему бы и нет? Стас-то вроде как помог в первый раз, а то бы точно забили бычары до смерти. Глядишь, и во второй раз не навредит».

Он открыл пакетик, высыпал в ладонь таблетки, бросил их в рот, разжевал, проглотил – и только после этого вспомнил, что Стас советовал принимать «по одной до убийства».

«Теперь-то уж чего? Теперь-то уже поздненько метаться. Не блевать же перед мочиловом в туалете. Не романтично оно как-то», – рассудил Витек. После чего, зарядив револьвер, достал из-за шкафа спортивную сумку с кимоно, перчатками и утяжелителями для рук и ног, подняв облако слежавшейся пыли. Так она и лежала там, за шкафом, сумка эта, с самого ухода в армию и до сего времени. Сестра не трогала. Знала – святое.

Знала – да не все. Это когда уходил – святое было. Сейчас – так, вещи из прошлого. От мистики и легенд об энергетических ударах и летающих ниндзя, коими в избытке пудрили мозги подвальные тренера, осталась только вот эта слежавшаяся пыль. И сумка. Там, в армии, быстро разъяснили, что почему...

Витек не спеша оделся, положил револьвер в карман, чтоб полегче нести было, выбросил из сумки утяжелители, закинул ее на здоровое плечо и открыл дверь.

* * *

Под ногами шуршали листья. Дубовые, с ровно, словно резцом художника, обрезанными волнистыми краями; кленовые, вызывающе растопырившие желто-зеленые пальцы... В городе любили деревья, и их ровными рядами были засажены многие улицы и аллеи. Ковер опавшей листвы застилал тротуары очень быстро, и метлы дворников не успевали справляться с этим ковром.

Красивых листьев было много. Правда, были среди них и еще какие-то – мелкие, подгнившие, уродливые и скрюченные, затесавшиеся по случайной природной недоработке в роскошное покрывало осени и теперь прилипающие к обуви прохожих бесформенными чернорыжими кляксами.

«Уроды есть везде», – подумал Витек – и подивился сам себе. Надо же, вроде бы сроду не обращал внимания на всю эту поэтическую дребедень. Ходил себе мимо год за годом, а тут – на тебе – листья, деревья... Хотя, сестра рассказывала, в детстве вроде какие-то там гербарии собирал... Но мало ли кто как чудил в детстве...

Навстречу Витьку шли парень с девушкой. Он что-то рассказывал, помогая себе обеими руками, она заливисто смеялась, закидывая голову назад. В руке девушка держала букетик из нескольких кленовых листьев.

«И этого у меня не было, – удивился Витек. – Познакомились, пузырь винища раздавили – себе рюмку, ей – остальное – и в койку. И вся любовь. А чтоб вот так, ничего не делая, просто гулять – не было...»

Внезапно его качнуло.

«Вот те на...» – удивился Витек.

Пространство перед лицом смазалось, словно невидимый художник провел по нему плохо вымытой кистью. Фигуры девушки и ее парня смазались, став серыми силуэтами на фоне серой ленты улицы, словно забором огороженной нависшими громадами зданий. Лишь листья в руке девушки пульсировали изнутри багряно-красным, того и гляди готовые прорваться и хлынуть на землю кровавым потоком. И медленно ползли к ним со всех сторон черные от сажи цветки сакуры в надежде омыться и очистить себя от скверны.

«Я всегда знал, что они живые», – подумал Виктор. И ничуть не удивился тому, что сходит с ума. Оказывается, те, кого люди считают сумасшедшими, просто живут в своем мире, в котором никто не удивляется тому, что у цветов и листьев есть своя жизнь и свои желания.

Но видение длилось недолго. Нерадивый художник махнул своей кистью в другую сторону, мир вздрогнул – и вернулся в привычное русло. Виктор сморгнул и проводил взглядом парочку, свернувшую за угол.

Всему в этом мире есть объяснение. Например, врачи говорят, что если человека часто и сильно бить по голове, у него случаются глюки. А еще у человека бывают дела, которые надо сначала сделать и лишь потом ломать голову над тем, что происходит с ним и с окружающим его миром.

Дорога свернула к арке.

Под аркой курил Ибрагим.

– Вах, какой сюрприс, – сказал Ибрагим и выплюнул бычок. – Сумка зачѐм принес?

– Саид сказал, – безразлично сказал Витек. У него из головы упорно не шли те мертвые листья в руке у девушки, наполненные пульсирующей кровью, словно в каждом из них билось в агонии маленькое сердце.

– Открывай.

– А?

Витек сейчас не совсем понимал, чего от него хотят.

– Сумка открывай, блять! Чего встал? Твой мама сыктым, сюда дай! Э?! Сумка дай сюда, сказал!

Ибрагим не вписывался в картину осени. Он много и громко говорил, и у него плохо пахло изо рта. И именно сейчас, когда на Витька почти снизошло что-то очень большое, важное, с детства до боли знакомое, Ибрагим с его ненужными словами и запахами был совсем не в тему.

Ибрагим шагнул вперед, схватил сумку и дернул на себя. Витек равнодушно разжал пальцы и отпустил ручки. Не ожидавший столь легкой победы Ибрагим качнулся назад и на секунду потерял равновесие.

Это неправда, что секунда – очень короткий отрезок времени. Он более чем достаточный для того, чтобы достать из кармана вторую руку и ударить человека стволом револьвера в горло.

– Твой рот... хрррр!!!

Ибрагим выпустил сумку, схватился за кадык и опустился на землю. Но он уже мало интересовал Витька. Под аркой не было листьев – там был только голый асфальт, а это было неправильно. Осень манила Витька своим увядающим великолепием. Он шагнул вперед, но что-то помешало ему сделать следующий шаг.

Витек посмотрел вниз. Ибрагим хрипел. Держась свободной рукой за горло и сверкая выпученными глазами, другой рукой он цеплялся за его ботинок. Витек поморщился, потом нагнулся и размашисто ударил Ибрагима кастетной накладкой в висок.

Ибрагим дернул ногами и затих. Витек высвободил ботинок из скрюченных пальцев и пошел вперед, к свету.

А впереди, конечно, была осень. Впервые за всю сознательную жизнь Витьку захотелось написать стихи. Прекрасные, как сама умирающая природа.

– Документы принес? А Ибрагим где?

У выхода из арки была не только осень. Там были еще какие-то люди, также не вписывающиеся в окружающий ландшафт. Одного из них Витек откуда-то знал, причем знание это не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Напротив, присутствие этого человека напрягало и мешало просто смотреть на столь долгое время недоступную ему красоту.

– А сумка где? Это... ты что, совсем...

Он почувствовал, он почти почувствовал то волнующее, щекочущее ощущение счастья из далекого-далекого, давно забытого детства. Но ему мешали. Как же ему мешали!..

Он медленно поднял руку...

Почему-то рука казалась вооруженной большим ластиком, который стирал со сказочно красивой картины уродливые черно-рыжие пятна...

В револьвере кончились патроны, но пятна все равно корчились, пачкая желтые листья красным. Это раздражало. Витек подошел, выщелкнул из рукоятки стилет и ударил. Пятно затихло. Витек двинулся к следующему.

– Стоять! Не двигаться!! Брось оружие!!!

Голосов было много. Витек удивленно оглянулся, но так ничего понять и не успел. На него стремительно надвинулся черный силуэт, потом в голове взорвался огненный шар и – так до конца и не понятое откровение рассыпалось в пыль.

Последнее, что он увидел, падая лицом вниз, – это был стремительно набегающий знакомый лысый затылок Саида с выходным отверстием мягкой револьверной пули. Отверстие было похоже на морскую звезду, в трещинах лучей которой еще слабо пульсировало что-то бело-красное и пока живое.

И наступила ночь.

* * *

Утро было душным и тусклым, как в давно не мытом аквариуме. Витек разлепил глаза, шевельнулся и застонал.

– Ты б лежал и не дергался, а то ж кони двинешь, – посоветовали справа.

Витек послушался и дергаться перестал. Действительно, почти сразу стало немного лучше, если это можно так назвать. А в общем и целом было плохо. Так плохо, что захотелось обратно, в то беспамятство, откуда он только что вынырнул.

Болело все, что только могло болеть. Руки, ноги, ребра, спина...

– Это тебя ОМОН принимал. Или СОБР, – сказал голос справа. – Тебя как внесли – я сразу просек, что не отделение. Когда отделение принимает, человек пятнистым, как камуфляж, не бывает. Так, дадут пару раз по почкам – и ладушки. Короче, не свезло тебе, парень. Конкретно не свезло.

Витек пересилил боль и повернул голову.

Справа, на железной, сваренной из металлических полос кровати, прислонившись спиной к зеленой бугристой стене, сидел крупный, бритый наголо мужик в спортивном костюме.

– А все же лучше тебе не дергаться, – повторил мужик.

– Сам разберусь, – прокряхтел Витек. Потом стиснул зубы, подтянулся и тоже сел.

– О, наш человек, – удивился бритый. – Так за что тебя так?

Боль во всем теле была тупая и какая-то... привычная, что ли? За последние дни Витька так много били, что организм, похоже, потихоньку начал к этому делу адаптироваться.

– Где я? – спросил Витек.

– О! – снова удивился бритый, да так, что брови у него задрались кверху и кожа на лбу собралась в кучу мелких складочек, отчего хозяин лба стал похож на бульдога. – В ментовке, где ж еще. В ИВСе.

– Это что?

– Чего «что»? – не понял бритый.

– «Ивсе» что такое?

– Не наш человек, – констатировал бритый. – Не «ивсе», деревня, а ИВС. Изолятор временного содержания.

– Временного? Это значит, скоро отпустят?

Бритый раскатисто расхохотался. Ржал он долго и зычно, так что в металлической двери открылось окошко. В окошке обозначилась голова в фуражке и заорала:

– Да потише вы там, е-мое. Как не в тюрьме прям сидят, а в комнате смеха.

Бритый ржать перестал, вытер выступившие слезы и уставился на Витьку, как Иван-царевич на говорящую лягушку.

– И откуда ж ты такой свалился, а?

Витек набылчился и отвернулся.

– Да ладно тебе, братуха, не прими в ущерб, – примирительным тоном сказал бритый. – Просто приколы отмочил – хоть стой, хоть падай. Ты хоть поясни – мент, что тебя сюда приволок, правду сказал или обратно порожняк прогнал?

– Насчет чего? – глухо спросил Витек.

– Насчет тебя. Что ты четырех хачей в глухую замочил.

Витек откинулся на собственную свернутую комом куртку и зажмурился. Значит, все правда. Значит, это был не сон, а просто короткое замыкание мозгов.

Все помнилось очень смутно, будто и правда все происходило во сне. Ибрагим пытается вырвать сумку, собственная рука с револьвером – полуреально, как в китайском привокзальном игровом автомате со стрелялкой – вроде бы и сам все делаешь, а вроде – кто-то другой, к тебе отношения совсем не имеющий. Потом листва и контуры распростертых на ней тел, из-под которых красными медленными лужами расплывается кровь, расколотый затылок Саида... И красота неземная вокруг, и восторг безумный от этой красоты, и чей-то *голос* в голове, и обрушившаяся после темнота, в которой не было ничего, кроме этого *голоса*, декламирующего до слез прекрасные стихи, которые теперь, как ни сился, уже не вспомнишь...

– Правда, – сказал Витек.

– Ну, ты даешь! – восхитился бритый. – Достали небось круто, а?

– Долг навесили, сестру украли, – механически ответил Витек.

– Не, ну ты в натуре пацан духовитый, – не успокаивался бритый. – Тебя как звать?

– Витек.

– Уважаю. А я Афанасий. Чего смотришь? Родители так называли. И не из-за пива – пива тогда такого не было, а в честь путешественника Афанасия Никитина. Не промахнулись родители, – хмыкнул Афанасий. – Так вот до сих пор по лагерям и путешествую. Да... Дык это, я чо говорю. Ты теперь, главное, не менжуйся. Тебя под такую статью, небось, на пожизненное на остров Огненный определяют. Там тебя родня тех хачей, скорей всего, не достанет. А вот если куда в другую зону – тогда хреново. Как пить дать вычислят. И тогда, как говорится у классиков, перо в бок и мясо в речку.

Витьку говорить не хотелось. Он лежал, закрыв глаза, и рассматривал темноту. Но не было того *голоса* в этой темноте. Был лишь голос бритого Афанасия, назойливо жужжащий в ушах.

– Конечно, от братвы тебе всегда и везде уважение будет. Как ни разложи, на беспредел ты достойный ответ дал. Тем более, говорят, что по сто пятой второй сейчас вышку отменили.

Витек открыл глаза.

– Сто пятая вторая – это что?

– Статья УК, – оживился Афанасий. – Убийство с отягчающими. От восьми до двадцати. Или пожизненное. Или вышак. Твоя статья то есть.

– То есть мне здесь минимум восемь лет сидеть? – медленно спросил Витек.

– Почему здесь? Здесь так, что-то типа предбанника. Щас они там со статьей по-быстрому определятся и на тюрьму тебя повезут. Хотя чего там особо определяться – и так все ясно. В тюрьме в одиночке с полгодика попаришься под следствием – и в зону.

– Или к стенке.

– Или так, – кивнул бритой головой Афанасий. – Но это – вряд ли. У нас менты нынче на Запад равняются, а там мочить нашего брата не положено. Там эков воспитывать полагается. Это скорее черные в хате на тюрьме или на этапе тебя грохнуть попытаются. Так что не зевай, братуха.

Витек молча приподнялся с кровати, свесил ноги, подождал, пока перестанут кружиться перед глазами грязно-желто-коричневые плитки пола, потом встал и направился к крану, торчащему из стены над дыркой в полу.

– Отлежался бы малешко, – неуверенно сказал Афанасий.

Витек не ответил. Он открыл кран и подставил голову под струю ледяной воды.

Постепенно кожа затылка от холода потеряла чувствительность – только неснятые швы слегка саднили – но и в голове, и в остальном организме стал намечаться порядок. Дырка параша перестала плавать перед глазами туда-сюда, боль в теле притупилась и ушла на второй план. На первом плане осталась одна-единственная мысль.

Маленькая дверца, врезанная в большую металлическую дверь камеры, опустилась вниз.

– Хорош купаться, – строго сказала голова в фуражке, обозначившаяся в проеме дверцы. Под фуражкой имелся довольно крупный нос сизовой расцветки. – На выход.

– С вещами? – со своих нар поинтересовался тезка великого путешественника.

– Было б с вещами – я б сказал, – огрызнулась голова, открывая большую дверь. – Руки за спину.

Витек закрыл кран, мотнул головой, отряхивая воду с волос, и чуть не упал. Предательский пол снова качнулся в сторону на манер палубы тонущего корабля.

– Давай, давай, пошевеливайся.

Голове было на Витьку наплевать, у нее с полом проблем не было. У нее были проблемы после вчерашнего, судя по мутным глазам и характерному амбре, разносящемуся по камере из-под фуражки. Принадлежала голова сержанту субтильного телосложения с замашками средневекового вивисектора маркиза де Сада. Он ловко заломил руки Витьку за спину и, туго защелкнув наручники, довольно жестко воткнул ему между лопаток конец резиновой дубинки.

– Вперед!

Вдоль недлинного тусклого коридора, выкрашенного в веселенький канареечный цвет, черными заплатами на стенах были наклеены двери с глазками, огромными замками и такими же, как и у Витьки в камере, окошками, предназначенными, вероятно, исключительно для засовывания туда голов в фуражках.

«Тогда б круглыми их делали, что ли, – подумал Витек. – В смысле, окошки, а не головы».

Он усмехнулся собственным мыслям.

– По сторонам не смотреть! – скомандовал последователь маркиза, снова сунув Витьку демократизатором в позвоночник.

Коридор кончился. Дверь за поворотом коридора была обычной, фанерной, обшарпанной, со следами неумелой реставрации по контуру. Из двери торчала крашенная под золото китайская ручка, вживленная, видимо, недавно с целью облагородить пейзаж и уже успевшая местами облупиться.

– Лицом к стене! – скомандовал конвоир Витьку. Потом, сощурившись, смерил его взглядом сверху донизу и, не найдя более, за что бы применить к арестованному свое резиновое орудие пытки, крикнул досадливо и, открыв дверь, просунул туда фуражку.

– Арестованного доставил, триц капитан, – доложил он.

– Заводи.

В кабинете было тесно. Стол, стул, еще стул, шкаф и десять квадратных метров площади.

У окна спиной к вошедшим, лицом к окну стоял плечистый мужик. Если бы Витек уважал классиков, возможно, он бы подумал, что со спины «триц капитан» здорово смахивает на пушкинского каменного гостя, на которого кто-то шулки ради напялил милицескую форму.

Но Витек классиков не читал и потому подумал: «Что-то мне шибко часто в последнее время стали встречаться нехилые плюхи и здоровые кабаны. А ментовская форма ему идет как корове декольте. Ему б футболку в обтяжку – как раз будет Стасу двоюродный братан. Или компаньон по лагерным путешествиям для моего соседа по камере».

– Садись, – не оборачиваясь, сказал мужик. Витек принял это на свой счет и сел на стул, привинченный болтами к полу. – А ты, Мартынюк, учти, – продолжил капитан, – еще раз услышу, как ты арестованных шпыняешь, – получишь по полной программе.

– А вы мне не начальство, – дернул острым подбородком вверх Мартынюк.

– Не начальство, – согласился мужик. – Я с тобой как мужчина с женщиной побеседую.

По праву сильного. Как ты – с ними.

На впалых щеках конвоира проступила нездоровая бледность.

– Разрешите идти?

– Иди, – кивнул мужик. – Только наручники с него сними.

– Так ведь... – попытался сопротивляться Мартынюк – и осекся. Похоже, спина капитана излучала особые флюиды, подчиняясь влиянию которых, конвоир, скрипнув зубами от бес- сильной ярости, подошел к сидящему на стуле Витьку, сдернул с него наручники, повернулся и почти бегом выскочил за дверь.

Капитан молча продолжал смотреть в окно. Молчал и Витек, уставившись рассеянным взглядом в V-образную спину капитана.

«Интересно, что же они такого жрут, что их так распирает? Ну Стас-то понятно. Коктейли там всякие по двадцать баксов за стакан. Может себе позволить, одним словом. А на ментовскую зарплату-то как оно получается? Спросить, что ли? Да нет, не стоит. Живо объяснят, что в несколько ближайших пятилеток то, что кушают они, лично мне вряд ли светит. И что жрать теперь я буду исключительно хлеб с водой. Хотя это по-любому объяснят, спрашивай не спрашивай. От меня-то точно теперь ничего не зависит».

Поток несвязных Витьковых мыслей внезапно прервался оттого, что капитан медленно повернулся и уставился на Витька, удивленно подняв брови.

С полминуты в кабинете висела тишина.

– Так... Стало быть, тебя Виктором зовут, – прервал затянувшееся молчание капитан. – Ну здорово, Виктор.

Это был тот самый мужик на «Ниве», который несколько дней назад спас Витьку жизнь, привезя его домой и дав денег на лечение. Только сейчас на нем вместо поношенной замшевой куртки был форменный костюм милицейского офицера.

Витек рассеянно кивнул.

– Понятно, – сказал капитан, садясь за стол. – Значит, вылечился, болезный?

Витек неопределенно пожал плечами.

– Да вроде как...

– Ну, если «вроде как», то позволь тебе искренне посочувствовать, – сказал капитан. – И пожалеть о том, что время нельзя вернуть назад и сейчас мы с тобой, увы, не на проселочной дороге. Придется тебя сильно расстроить. Потому что тогда твои дела были намного лучше.

Витек молчал. О плачевном положении своих дел он догадывался. Сосед по камере про- светил.

– Так что, Виктор, – продолжал капитан, – сегодня сразу по прибытии переводом из Москвы назначен я следователем по твоему делу. Имя мое ты знаешь, фамилия моя Мака- ренко, и встречаться мы теперь с тобой будем весьма часто.

Капитан, немного наклонившись над столом, тяжело посмотрел на Витька.

– И стало быть, друг ситный, сейчас ты мне как на духу расскажешь, как это тебя вдруг угораздило троих человек на тот свет отправить.

– Троих? – переспросил Витек.

– Именно троих. Ибрагим... Знаешь такого? Ага, вижу, что знаком. Так вот, он сейчас в больнице. Полагаю, уже пришел в себя после того, как ты его приласкал. Живучий оказался товарищ. И это еще одна причина, по которой тебе особо скрытничать не стоит. Помощь следствию и чистосердечное признание смягчают вину и учитываются на суде, а вот кровная месть и приговоры южных товарищей по ее поводу не смягчаются ни под каким видом.

Витек подумал немного, прикинул кое-что – и рассказал все. Вернее, почти все. В его рассказе отсутствовал только Стас Навин с его клубом, пантерой и девочками. Да и то правда – стоит ли рассказывать каждому встречному следователю, пусть даже спасшему тебе жизнь, о других людях, немного ранее сделавших то же самое?

Следователь слушал, на автомате ловко вращая между большим и средним пальцами руки цилиндрик дешевой авторучки и сверля Витка тяжелым взглядом. Бланк протокола лежал перед ним на столе в первозданном, девственно чистом виде. Видимо, авторучка служила капитану только в качестве тренажера для пальцев.

Витек закончил. В кабинете повисла тишина. Только слышно было, как отрывисто шелкает авторучка о ладонь капитана да тупо плюхается об оконное стекло какое-то разжиревшее за лето сонное осеннее насекомое.

Наконец, следователю надоело делать из авторучки вентилятор, и он воспользовался ею по назначению. Опустив руку на бланк протокола, он начал машинально на нем что-то рисовать.

– Это все? – спросил он, не прерывая своего занятия.

– Все.

– А револьвер где взял?

– Нашел.

– Заряженный. Угу, – кивнул следователь. – И полная запасная обойма к нему, естественно, рядом валялась.

Витек пожал плечами и принялся рассматривать дырку в линолеуме.

– А второй пистолет где? Или что там еще у тебя было?

Витек непонимающе уставился на следователя.

– Вот и я не понимаю, – сказал Макаренко. – Саид убит револьверной пулей. А двоих его друзей словно из пушки сорок пятого калибра отстрелили. У одного дыра в груди с его голову, а второй вообще без головы. Словно ее топором снесло.

– Нашли? – безразлично спросил Витек.

– Что нашли?

– Голову.

– Нет.

– Ну, значит, и Аллах с ней, – вздохнул Витек. И вновь удивился своему внутреннему спокойствию. Конечно, немного интересно стало ему, куда же все-таки та голова делась. Но лишь совсем немного. Ровно настолько, чтобы забыть о ней через мгновение.

– Ты хоть знаешь, какой срок тебе светит, остряк-самоучка?

Витек продолжал молчать.

– Значит, знаешь. Ну, если ты все знаешь, то не смею больше задерживать.

Витек медленно оторвался от созерцания пола и поднял глаза на следователя.

– А можно вопрос?

– Спрашивай, – пожал плечами Макаренко.

– Как вы узнали... ну, что мы там...

– Про разбор ваш? Да сосед твой, доброжелатель обкуранный, прибежал в отделение, глаза в кучу. Говорит, друга убивают. Из лучших побуждений, одним словом. Только время стрелки вашей указал неправильно. Еще б немного – и не успели.

Витек криво усмехнулся и хрустнул кулаками, отчего заныли не до конца зажившие запястья и засвербило обожженное тавром Ибрагима плечо под так и не снятой повязкой.

«Сева Франкенштейн сдал, зараза!»

– И хорошо, что успели, – сказал следователь. – Сейчас бы земляки убитых тебя на ремни резали. Еще вопросы будут?

Витек молчал. Какие еще могут быть вопросы?

– Ну, если вопросов нет... Мартынюк, проводи арестованного.

Вошел Мартынюк, всем своим видом выражая оскорбленную невинность. Вывел Витька за дверь и зло рванул за собой китайскую дверную ручку, так что с нее осенним листом слетел существенный клоч позолоты.

Макаренко хмыкнул, спрятал за пазуху ручку и, встав из-за стола, подошел к окну.

За окном сгустился вечер и шел дождь. Скучный, ленивый осенний дождь, похожий на длинные серые куски бесконечных проводов, падающих с неба. За этой мутной завесой метались смазанные тени машин и одинаковые силуэты людей, вечно спешащих куда-то.

«И так – всю жизнь, – пришла мысль. – Одно и то же. На работу, с работы, семья, дети... Вечная суета. Только зекам спешить некуда. Все за них другими решено, на годы вперед написано. Хоть парня этого возьми. Сейчас его – р-раз! – и на десяточку, а то и на все пятнадцать, пусть и прав он по-человечески на все сто. А нам – галочка. Преступление раскрыли. Премию – в карман, дело – в архив. На полку, гнить и пылиться. Вместе с жизнью этого пацана».

Макаренко отошел от окна и направился к выходу. Пора домой, работа закончена.

«Работа, – криво усмехнулся он. – Ладно, когда Чикатилу какого-нибудь, а тут...»

Взгляд его упал на собственный рисунок, и Макаренко на секунду запнулся на пороге.

На рисунке была изображена женщина, распятая на стене. И странной формы меч на полу. И костер, в пламени которого корчилась черная фигура... И хотя рисунок не был выполнен рукой профессионала, тем не менее на лице женщины читалось... облегчение. Облегчение, которое приносит страдальцам смерть.

Следователь опустил голову, зажмурился, после чего тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и резко рванул дверь на себя, сдирая с китайской ручки жалкие остатки дешевой позолоты.

* * *

– И ты повелся? Да чтоб мент человеком был? Ни в жисть не поверю. Это все мусорские прокладки, помяни мое слово. И не вздумай кому-нибудь в хате тюремной или на зоне прогнать, что мент тебе жизнь спас и, – Афанасий поднял вверх указательный палец, – подогнал капусты на лепилу. Если только на дурку вместо зоны поехать не хочешь. Ты такое лучше ментам заряди – так точно дурка тебе обеспечена. Скажут, чувак реально от переживаний кукушкой двинулся.

Афанасий валялся на железной кровати в позе скучающего Обломова и с умным видом разглагольствовал «за жизнь». Витек лежал на соседней и смотрел в потолок, особо сокамерника не слушая и крутя про себя в голове так и эдак ту самую навязчивую мысль, которая не давала ему покоя целое утро. В то же время сама мысль была относительно несложной. Сложнее было с ее осуществлением.

А что если дожидаться вечера, притвориться, что ему прям совсем уж погано от перенесенных побоев, подождать, когда Мартынюк откроет дверь, вломить ему ногой по причинному месту, переодеться в его форму, спокойно выйти из этого «ИВСа» – благо, выход он запомнил по пути к кабинету Макаренко и обратно? Там как раз чуть дальше решетка кованая с огромным камерным замком коридор перегораживает, а еще дальше – дверь, за которой выход на улицу. И не иначе ключ именно от этой двери Мартынюк постоянно с собой на поясе таскает...

А что, если ключ не от этой двери, а от камер? И зайдет ли он сам в камеру или позовет кого-то еще? Ног-то хватит всем вошедшим по гениталиям стучать?..

– Ладно, шутки шутками, но ты сам подумай, – между тем не унимался Афанасий. – Вот даже если твой такой хороший и правильный капитан тебя не закроет, то на хрена нужен в ментовке такой следак? Правильно, на хрен не нужен. И даже если у него там совесть проснется, что вообще по сути своей будет чудо нерукотворное, и он тебя с крючка сымет – то ему сверху сразу дадут по шапке, мол, ты что, паскуда, делаешь? План срываешь, показатели портишь. У них ведь как? У них, у ментов, как у шахтеров, план есть, сколько людей за месяц закрыть. И если число закрытых с планом хронически не срастается – будет твой следак не в теплом кабинете бамбук курить, а на бану вагоны разгружать. Или же вообще под Нижний Тагил поедет.

– Под Нижний Тагил?

– Ага. Зона у них там ментовская. Там совестливых мусоров нормальные мусора перевоспитывают.

– Слышь, Афанасий, – тихо сказал Витек, не отрывая взгляда от потолка. – А как сделать, чтоб Мартынюк к нам в камеру зашел?

– Так что следак твой...

Афанасий прервал свой монолог и уставился на Витька.

– Мартынюк? Это вертухай наш лоховатый?

– Лоховатый?

– Ну, – кивнул Афанасий. – Какой же вертухай такому страшному бандиту, как ты, браслеты в камере одевать станет.

– А как?

– Положено через кормушку. Ты туда сначала руки суешь, браслеты на тебя одевают и только потом тормоза раскоцывают.

Про «тормоза» Витек уточнять не стал. Не о том думалось.

– Так как сделать, чтоб он к нам зашел? – упрямо повторил Витек.

– А ты никак чистосердечное решил написать? – задушевно спросил Афанасий.

Голос его остался прежним. Но куда подевался благодушный увалень? Человек на соседней кровати изменился резко и страшно, как меняется волк, сбрасывающий овечью шкуру. На его лице резко обозначились скулы, уши, как у животного, прижались к затылку, а в прищуренных глазах появилась пустота, жуткая своим отсутствием жизни. Словно из живого лица кто-то вынул глазные яблоки и вставил холодные фарфоровые шарики.

Но Витек не видел странной метаморфозы, происшедшей с соседом по камере. Он продолжал смотреть на лампочку в центре потолка, обернутую в ржавый стальной стакан с дырками, сквозь которые сочился слабый свет.

– Да не в чем мне особо-то признаваться, – сказал он. – А сидеть столько лет неохота. Хочу вот дать Мартынюку как следует по организму, чтоб он вырубился, и в его фуражке отсюда свалить. Что скажешь?

Сбоку молчали. Витек перестал гипнотизировать похожий на дуршлаг стакан под потолком и перевел взгляд направо.

На соседней кровати по-прежнему полулежал Афанасий, почесывая пятерней слегка растерянную физиономию.

«Афоня ты и есть Афоня, даром, что блатной, – подумал Витек. – Вот уж кто деревня деревней. На морде написано, паспорт листать не надо».

– Ты точняк решил?

– Точнее не бывает.

– А чо, можно, наверно, – сказал Афанасий, растягивая в ухмылке толстые губы. – Тебе то сто пудов терять нечего. А отсюда дергать много проще, чем из тюрьмы... Только погоди маленько. Сейчас ужин будет, вертухай сменятся, а вместо Мартынюка в глухую конченный

лох заступает. С ним попроще будет. Мартынюк-то не смотри, что лошина, змей еще тот. И подождать надо. Ночью все вертухаи наши дрыхнут без задних ног, и пока они там спросонья очухаются, ты уже черт-те где будешь. Так что не пори горячку. Поужинаем, покемарим, а часа в четыре-пять я тебя растолкаю. Самое время для срыва, это я тебе говорю.

«Хоть и деревня, а мужик дельный», – подумал Витек и стал дожидаться обещанного ужина.

Время тянулось медленно, словно резиновое, и когда в металлическое окошко «кормушки» въехали две алюминиевые плошки с до боли знакомой по армии кашей «дробь шестнадцать», спать уже хотелось неимоверно.

– Так вот зачем они дырку в двери пропилили, – сказал Витек, позевывая.

– Ага, за этим. У нас она так и называется – кормушкой, – синхронно разевая пасть, отозвался Афанасий. Видимо, ему тоже порядком надоело сидеть на одном месте и учить салагу премудростям тюремной жизни.

Запихнув в себя кашу и залив это дело стаканом подкрашенной воды, гордо именуемой чаем, Витек почти мгновенно вырубился. «Только бы не проспять, – мелькнула последняя мысль. – В четыре подъем. Максимум в пять. Только бы...»

* * *

Он проснулся от того, что тусклый солнечный луч, чудом пробившись сквозь грязный плексиглас маленького окошка, перекрещенного вдобавок решеткой из толстенной арматуры, забрался под ресницы и начал назойливо ковыряться в глазу.

Витек с трудом разлепил веки.

«Проспал! Идиот... А как же?.. Афанасий же обещал...»

Соседние нары были пусты. Лежала на них только худая подушка и смятый бычок «Примы», похожий на дохлую гусеницу.

Загрохотала и откинулась дверца «кормушки», в образовавшееся прямоугольное окно всунулась суровая физиономия раза в три шире Мартынюковой. В «кормушке» поместился только хмурый волчий взгляд и козырек фуражки.

– С вещами на выход, – сказала физиономия, захлопнула дверцу «кормушки» и принялась отпирать дверь.

«Это вот это „вглухую конченный лох“?! Ну, спасибо, Афоня, насоветовал, разбудил, – горько думал Витек, идя вдоль коридора. – Такого „лоха“ вырубать, пожалуй, ноги отвалятся. Вместе с руками и головой в придачу... Будешь как эта... как ее... Ника Самофакийская?.. Ну и черт с вами со всеми. Не отсюда, так с тюрьмы или с зоны дерну. Отовсюду люди бегут. Мы еще посмотрим, кто кого. А на будущее таким Афанасиям с их советами буду прям в грызло бить, чтоб голова не шаталась».

У знакомой фанерной двери с облезлой ручкой его аккуратно тормознули и легко поставили лицом к стене – Витек не успел и «ох» сказать.

«Надо ж, как мешок с дерьмом валяет. Туда-сюда. Ну, кабан! А чего ж он наручники-то не одел? – запоздало удивился Витек. – Хотя на фигу ему наручники. Поди сбеги от такого. Блин, качаться, что ли, начать? Вон в фильмах американских все зэки там только и делают, что железо тягают. Интересно, как у нас на зонах с этим? Похоже, скоро узнаю... А Афоня все-таки сука...»

У двери «кабан» повторил вчерашние манипуляции Мартынюка, только гораздо более солидно – мощно, плавно и без суеты. Открыл дверь, просунул голову.

– Товарищ капитан, арестованного доставил.

– Заводи.

Его завели – ладонью, словно железным поршнем, между лопаток надавили. Не обидно, но и так, чтоб задержанный заодно понял, проникся и не рыпался. Хотя Витек проникся уже давно и рыпаться даже и не думал.

Он перешагнул порог.

И снова дежавю.

Десять квадратных метров, два стула, стол, шкаф и следователь. Хотя нет. Дежавю – это когда картина или событие повторяются один в один. На этот раз капитан сидел за столом лицом к вошедшему, и на этом самом непроницаемом лице проступили какие-то человеческие эмоции. Пожалуй, можно было сказать, что каменный гость в милицейской форме выглядит слегка удивленным.

И еще. На этот раз листок, лежавший на столе перед следователем, был заполнен машинописным текстом и украшен синими гербовыми печатями.

Следователь оторвался от листка и поднял глаза на Витька. С минуту он внимательно рассматривал его, словно видел впервые, потом перевернул листок и ткнул в него авторучкой.

– Распишись здесь и здесь.

Витек расписался не читая.

«Какая разница, что он там нацарапал. Сейчас тот кабан сцапает за цугундер – и чеши-ка ты, Витя, в тундру. Но ничего...»

– А теперь можешь идти.

– В тундру? – спросил Витек.

– А куда хочешь, туда и иди, – сказал следователь. – Можно и в тундру. А лучше – домой.

На Витька напал ступор. Теперь он не отрываясь смотрел на следователя. Хотелось спросить: «Как так домой?» – но почему-то не спрашивалось. Ступор, он и есть ступор.

– Да что я тебе, красна девица, – рассердился Макаренко. – Чего уставился? Сказано, домой иди.

– К-как домой?

– Ногами. Вообще-то перед тем, как подписывать документы, их читать рекомендуется. Ты только что расписался под постановлением о твоём освобождении. Сегодня утром генеральный прокурор лично звонил. Приказано тебя освободить за отсутствием состава преступления. Прикинь, а? За отсутствием состава! При том, что тебя с поличным взяли у машины с килограммом травы у ног и кучей теплых трупов рядышком. Ну, трава твоя не твоя, может, и под вопросом, но трупы-то точно твои! Нет, ну убей меня Бог, ничего не понимаю. Что у вас тут на периферии делается? Неужели на свете хоть здесь справедливость появилась? Как думаешь, Витек?

А вот думать сейчас для Витька было проблематично. Ну не было мыслей в голове – хоть убей. Одна вертелась – так себе мыслишка, сейчас уже неважная совсем. Но все ж вертелась, проклятая. И так как других мыслей не было, Витек ее и озвучил.

– Гражданин следователь.

Следователь хмыкнул, дернув уголком рта.

– А?

– А Афанасий где?

Макаренко вздохнул.

– Какой тебе «Афанасий»? Нашел благотворителя. Может, тебе еще «Блэк лейбл» подать прикажешь? Выйдешь наружу – пивной ларек за углом налево.

– Да не. Я не про пиво. Мужик со мной в камере сидел, Афанасий. А сегодня утром пропал. Его тоже освободили или как?

Макаренко нахмурился.

– С тобой? В камере? Мужик? Что за бред. В ИВСе навалом свободных камер, но даже когда свободных нет, для таких, как ты, они сразу находятся. Тех, кто проходит по сто пятой

статье, а уж тем более по второй ее части, положено в строгой изоляции держать. Поэтому что-то ты, парень, попутал.

– За идиота держите, да? – обиделся Витек. Его немного отпустило после неожиданного шока, но и радости особой почему-то не было. Как и новых мыслей, кстати. – Ну, тогда я пойду, пожалуй?

– Ну, иди, пожалуй. Личные вещи получишь у дежурного. Только уж не обессудь, но наркоту мы изъяли, – сказал следователь, собирая в кучу складки на лбу. Похоже, у него мыслей было побольше, чем у Витька, и сейчас ему было явно не до него.

Витек вышел за дверь. Конвоир отпер замок на решетке, перегораживающей коридор, дежурный вернул сумку, и Витек, окинув на прощание взглядом мрачные стены ИВСа, шагнул навстречу свободе...

Макаренко посидел немного за столом, подумал, погипнотизировал постановление, подписанное Витьком, потом поднял голову и зычно позвал:

– Кузнецов!

– А? – почти немедленно всунул голову в дверной проем шкафообразный Кузнецов.

– Ты не в курсе, что за кекс сидел вместе с этим парнем? И сидел ли вообще?

– Это с тем, который только что откинулся? Да никто не сидел.

– Точно?

– Обижаете, товарищ капитан. Я только что журнал заполнял.

– Так. Ты сегодня с Мартынюком сменился?

– Ага.

– А когда он снова заступает?

Кузнецов удивленно вскинул мохнатые брови.

– Теперь уж никогда. А зачем он вам?

Макаренко нахмурился.

– То есть «никогда»?

– Так он уволился сегодня утром. По собственному.

– Как уволился?

Кузнецов пожал громадными плечами.

– Ну, как люди увольняются? Написал заявление – и ходу. Поди проживи на нашу зарплату. Может, чего лучше нашел.

– И так вот прямо сразу отпустили?

– Ну. Да он тут всех достал, вот начальник сразу заявление и подписал.

– Понятно.

Макаренко задумчиво хрустнул пальцами. Вместе с пальцами хрустнула авторучка. Макаренко раздраженно бросил на стол треснувшую посередине многострадальную писалку, так что она завертелась юлой, свалилась на пол и укатилась в угол.

– Свободен, Кузнецов.

Кузнецов закрыл дверь.

– Хотя, если честно, ни черта непонятно, – тихо про себя пробормотал Макаренко.

* * *

Витьку тоже было ни черта непонятно, но и понимать ему ничего не хотелось.

Когда-то давно кто-то сильно умный – то ли доармейский подвальный тренер по карате, то ли афганский волчара в армии (теперь уж и не вспомнишь, кто конкретно, да оно и надо ли?) – учили принимать жизнь такой, какая она есть, и не заморачиваться по поводу, почему что-то произошло или, наоборот, не произошло, хотя должно было бы. Кажется, это называлось дзен, и его придумали в лохматые годы какие-то монахи. У монахов были, бесспорно,

светлые головы, потому что когда мыслей по поводу чего-либо случившегося (или не случившегося) нет вообще – оно гораздо легче.

Вот и сейчас Витьку было относительно неплохо. Долгов немереных больше не было, перспектива отправиться далеко и надолго самоликвидировалась, обещанные следователем мстительные земляки и родичи почившего Саида почему-то не слишком пугали, и вообще – жизнь продолжалась. А по поводу жизни – смотри выше – заморачиваться не стоило.

Правда, одна проблема все-таки была. Надо было вызволять из плена иноземного единокровную сестру. Но вот бы узнать – где тот плен находится? О своем месте жительства в прежние мирные времена Саид с Витьком не откровенничал, а сейчас на откровенность вызывать было уже некого.

«Может, по Саидовым палаткам пробежаться? Глядишь, знает кто? Или на оптовом складе народ потрясти?..»

Случаи в жизни бывают разные. И это был как раз тот самый случай, выпадающий из дзена лохматых монахов. Витек на заданном следователем автомате шел домой, погруженный в мысли по уши, хотя дома ему, в общем-то, делать было тоже нечего.

«Дзен – это, конечно, круто. Но, небось, когда на родню тех монахов наезжали, они там не сидели, свернув ножки калачиком, а сразу за нунчаки хватались. А может, обратно к следаку обратиться? Он, вроде, мужик нормальный, сразу не пошлет. Тем более что по идее это ихняя прямая обязанность...»

Он поднялся на свой этаж и повернул ключ в замке. Перешагнул порог – и тут же подпрыгнул на месте от жуткого крика, раздавшегося из комнаты.

– A-a-a!!!

Темная фигура метнулась на него из неосвещенного пространства комнаты, занеся для удара руку с ножом. Он инстинктивно отпрянул в сторону, зацепился за что-то каблуком, потерял равновесие и...

Большой кухонный нож упал на пол.

– Витенька-а-а! Родненьк-и-и-й! Ты верну-у-улся-я-я!!!

В следующую секунду он уже сидел на полу, обнимая бьющуюся в истерике сестру.

– Они... они сказали... что те могут вернуться... зе... земляки ихние... Так я тебя чуть не зарезала-а-а! Витеньк-а-а-а...

– Галька! Ну, е-мое, а! И дома! Ну ладно, ладно тебе, не реви ты уж так. Ну, все хорошо, все вернулись, все кончилось.

– Витя-я-я-я...

– Ну хорош тебе, в самом деле! Как дите, ей-богу. Пошли в комнату, что ль, а то сидим в темноте, как незнамо кто.

Он поднял с пола рыдающую сестру и отнес ее в комнату, сам при этом чуть пару раз не рухнув по пути. Многократно побитое тело настоятельно требовало покоя, а не таскания упитанных сестер по квартире. Хотя за эти несколько дней Галина похудела существенно – он почувствовал это сразу, как взял ее на руки.

Витек положил сестру на кровать и включил свет. И закусил незажившую как следует губу так, что на подбородок брызнула кровь.

Лицо сестры было сплошным синяком. Из надорванного уголка рта сочилась сукровица, перемешиваясь со слезами, струящимися из заплывших щелочек глаз.

– Кто это тебя? – замороженно спросил Витек.

Сестра прикрыла лицо ладонями. На тыльной стороне правой ладони из-под намокшего красным бактерицидного пластыря виднелся край глубокого разреза.

– Не смотри.

– Кто!!! – не своим голосом заорал Витек.

– Саид. И... и Ибрагим, – глухо простонала Галина, сотрясаясь в рыданиях. – Не кричи.

– Не буду, – сказал Витек. – Тебе в больницу надо.

– Я никуда не поеду.

Витек стоял на коленях у кровати сестры бледный, как мертвец, не в силах оторвать глаз от разреза на руке сестры, похожего на край чьей-то дьявольской улыбки, выглядывающей из-за пластыря.

– Они тебя?..

– Да, насиловали... Все время...

– Понятно.

Он зажмурился. Дальше смотреть было невыносимо.

– Галь. Ты это... Ты тогда лежи, а? Я сейчас Франкенштейна позову. Он все сделает, ладно? Ты только не плачь, хорошо?

– Какого Франкенштейна? Студента?

Галина оторвала ладони от лица и попыталась справиться с собой.

– Не ходи никуда, не надо никакого студента. Они сказали три дня вообще из квартиры не выходить.

– Кто сказал?

– Ну эти, в масках. Которые меня оттуда вытащили.

– В масках?

– Ну да. Их четверо было. Саид с Ибрагимом и своими головорезами куда-то отъехали, оставили со мной одного самого зачуханного, а меня связали. Это я позавчера бежать пыталась, так они меня... Как мужика лупили... А Ибрагим вот – ножом на руке вырезал. Медленно. Сказал – на память, чтоб не забывала, кто хозяин...

«Чтоб... не забывала... кто... хозяин...» – гулко отдалось в голове. Витьку не надо было даже снимать пластырь с руки сестры, чтобы узнать, почему край надреза был похож на улыбку...

Она снова заплакала.

Витек со всей дури саданул кулаком в стену, так что под обоями зашуршала осыпающаяся штукатурка. За стеной раздались сонные причитания.

– Вашу мать! Кого там опять черти разжигают?! Не выспаться в этом доме, ни...

– Сева! – заорал Витек.

– Витек? – нерешительно спросил голос за стенкой.

– Севка, быстро дуй сюда вместе со своей аптекой.

За стенкой засуетились.

– Да я сейчас, сейчас, только вот штаны надену...

– ...а тут они врываются. В масках. С автоматами. Четверо. Зачуханного сразу ножом в горло – тот и пикнуть не успел. Меня развязали – и в машину. Домой привезли, сказали никуда не выходить. И, мол, чтоб поосторожней. Чтоб не открывала никому. И что ты уехал, сказали. На заработки, мол, и надолго. Я сразу поняла, что они гонят, что с тобой что-то случилось... Кто ж тебя так избил-то? И где тебя носило все это время?

Вошел Сева, увидел Витьку с сестрой и сразу начал метаться, как угорелый, одновременно что-то вонючее разогревая на плите, путаясь в шприцах и бинтах и при этом треща без умолку, избавив тем самым Витьку от придумывания правдоподобных ответов на Галькины вопросы.

– Господи, да кто ж вас так? Сначала Витьку, потом тебя... Не жизнь стала, а сплошное побоище. Я, Галь, как услышал, как братуха твой по телефону...

Сева Франкенштейн перехватил Витьков взгляд и тут же плавно съехал на другую тему.

– Так вот, я и говорю. Что на свете-то делается, куда страна катится? Так же, глядишь, скоро все друг друга изувечат – одни хроники да инвалиды останутся. Вчера Кольке с третьего подъезда корефаны всю харю разворотили – пузырь они не поделили. А третьего дня...

За суетой, трепом Франкенштейна и примочками-перевязками прошел вечер и часть ночи. Сева наконец ушел, содрав напоследок с плеча Витька ненужную уже повязку (выска-завшись с умным видом: «Пусть дальше так заживает»). Сестра, намазанная каким-то на редкость вонючим снадобьем и замотанная бинтами, словно мумия, заснула, скорее всего, под действием чего-то очень нетрадиционного, с крайне ответственным видом введенного ей Франкенштейном внутривенно. Витек же, мучимый нехорошими мыслями, отвергнув предложенную не в меру заботливым соседом «помощь от всех переживаний», забылся лишь под утро. Но и утром выспаться ему не дали.

...Кто-то тряс его за плечо.

– М-м-м-м, – сказал Витек и перевернулся на другой бок.

– Вставай!

Он вздохнул горестно, перевернулся обратно и открыл глаза.

На Гальке уже не было бинтов. На ней был толстый слой пудры, делающий ее похожей на мраморную статую работы Кустодиева, если бы Кустодиев делал статуи. Под пудрой синяков не было видно, а глаза скрывали темные очки.

– Вставай, собирайся. Сейчас такси приедет.

Витек проснулся окончательно и только сейчас увидел два чемодана, стоящих посреди комнаты.

– Ты куда это собралась?

– Мы уезжаем, – не терпящим возражений тоном заявила Галька. – Если помнишь, у нас еще дом в деревне имеется.

– Дом? В деревне? Это который от родителей остался?

– Он самый.

Витек почесал указательным пальцем висок, но покрутить не решился.

– Галь, очнись! Он тогда был сарай сараем, а сейчас уж, небось, вообще на дрова рассыпался.

– Не рассыпался!

Сестра была настроена более чем решительно. Казалось, что из-под темных очков вот-вот сверкнет молния.

– Тогда строили так, как сейчас и не снилось. Он еще сто лет простоит. А, по-твоему, лучше, чтоб нас здесь на ремни порезали?

– Где-то я уже это слышал, – пробормотал Витек.

– А если слышал – давай поднимай задницу и собирайся быстрее.

Витек не пошевелился. Он сидел на кровати, свесив босые ноги, и напряженно думал.

– Ты что, глухой?

...Вам случалось когда-нибудь принимать решения? Не повседневные, типа купить или не купить ребятенку телепузика или шлепнуть или не шлепнуть по мягкому месту излишне громко верещащую супругу? А такие, которые резко и навсегда изменят вашу жизнь в ту или иную сторону? Как у богатыря с камнем и тремя дорогами? Когда воздух вокруг тебя вдруг становится гуще и тяжелее и время слегка притормаживает – тик... так... ожидая твоего решения?

Сейчас перед Витьком было всего две дороги...

– Я не поеду, – сказал он.

Воздух стал обычным, и часы снова затикали в привычном ритме.

Галька не стала кричать и переубеждать, только вздохнула и как-то неловко, надломленно села на чемодан.

– Значит, не поедешь? – только и спросила.

– Не, Галь, не поеду, – сказал Витек, утверждаясь в своем решении. Утвердился – и как-то совсем легко стало. Будто отпустило что. – Это ж если я сейчас убегу, так потом всю жизнь как заяц буду бегать да оглядываться. А я так не хочу. И не буду.

Хорошо сказал – аж самому понравилось. Без обдумываний, без «ну» и «это самое». Четко и ясно. Так, как надо было сказать.

– Я знала, что не поедешь, – устало сказала сестра. – А я вот не могу здесь больше... Уж очень сильно они били...

Она поднесла к лицу платок, но потом, видно вспомнив про пудру и очки, справилась с собой и спрятала платок обратно.

Витек нахмурился.

– Галь, ты там живи себе спокойно, ладно? Я как денег срублю, сразу тебе вышлю. И ничего не бойся. Я с них за нас уже все получил. Почти со всех...

Галина сняла очки, внимательно посмотрела на брата, потом медленно надела их снова. Хотела что-то спросить – и не спросила, вздохнула только.

На улице завыл клаксон.

– Это за мной, – сказала она.

– Я помогу, – метнулся было Витек с кровати.

– Не надо, – покачала головой Галина, берясь за тот чемодан, который был побольше. – Не хочу. Я тебя вырастила, и теперь у тебя своя жизнь. А у меня – своя.

И ушла.

«Зачем она так?» – подумал Витек. И сам тут же понял зачем. Из-за него, в общем-то, все и случилось. А сестра не простила – ни своих мук, ни его. И чьи ей были больней – еще вопрос.

На столе зазвонил телефон.

«У тебя теперь своя жизнь», – горько усмехнулся Витек. Потом встал с кровати, прошлепал босыми ногами к столу и поднял трубку.

– Это Витек? – весело спросила трубка.

– Ага, – сказал Витек. – А кто это?

– А это Стас Навин. Ты еще помнишь дорогу в клуб?

– Помню, – мрачно сказал Витек. Бросать трубку было не по-мужски, потому Витек ее не бросал, а стоял и раздумывал, как бы позакорыстее послать этого Стаса в известные места вместе с его клубом. – Я тебе вроде своего телефона не оставлял.

– А я и не твой бойфренд, чтоб мне телефоны оставлять. И ты не солистка «ВИАГры», чтобы твои координаты при желании невозможно было вычислить.

Витек аж чуть не взвыл от возмущения. Но высказаться не успел.

– Ладно, не кипятись, – весело сказала трубка. – Понимаю, что тебе, небось, жутко охота сейчас меня послать...

«Ишь ты, пророк хренов. И чего он там так тащится? Небось, его Сяпа снова кого-нибудь в бассейн загнал».

– ...Так ты это, погоди. Давай, приезжай сейчас ко мне. У меня для тебя сюрприз – закачаешься.

– Знаю я твои сюрпризы, – не приветливо сказал Витек.

– Знаешь, да не все. И вообще, ты мне за сестру должен. Это мои ребята ее вчера у черных отбили.

Витек помолчал немного, переваривая услышанное. Потом сказал:

– Через час буду, – и положил трубку.

«Вот она, своя жизнь, – думал он, спускаясь по лестнице. – И на кой я ему сдался? Надо побыстрее завязывать с такими друзьями, а то не успеешь оглянуться, как снова по горбу схлопочешь. И раз, и еще раз, и еще много-много раз».

Витек и не подозревал, насколько он был недалек от истины.

* * *

Он прошел через кованые ворота и вход в клуб как человек-невидимка. Охранники даже не перевели взгляда в его сторону, не говоря уж про похлопывания по карманам или исследования ауры металлоискателями.

А в остальном все было по-прежнему. В вестибюле гостя ждала скучающая Александра.

– Опять ты? – тоскливо спросила она.

– Ага, – почему-то радостно ответил Витек.

– Ну, пошли, – сказала она, направляясь к лифту. – И на кой ты ему сдался?

– Сам не знаю, – пожал плечами виновник трагедии. – Но ты это, не грусти особо. Больше я тебя купать не буду.

– Спасибо, добрый человек, – слегка поклонилась она. – Смотри, как бы я тебя не искупала. Или чем-нибудь тяжелым по башке не треснула.

– Тяжелым не надо. А насчет искупаться вдвоем – это я с удовольствием.

– Шустрый какой, – усмехнулась Александра. – С Настей барахтайся. Только смотри, не посиней раньше времени.

Они вошли в лифт. Александра вновь активировала браслетом английскую надпись о каком-то боге, которому доверял лифт или кто-то еще, и нажала на кнопку.

– Да ты никак ревнуешь? – удивился Витек.

– Исстрадалась вся, единственный мой. Ты себя в зеркале видел?

– А что, так плохо?

– Хреновенько, – сочувственно сказала Александра.

Витек посмотрелся в огромное зеркало лифта – ничего, вроде как синяки с портрета сходят потихоньку – и попытался пригладить вихры.

– Вряд ли поможет, – прокомментировала его усилия Александра.

– А что поможет? – спросил Витек, не подозревая подвоха.

– Пластическая операция. И лоботомия с выскабливанием рудимента серого вещества.

– Выскабливанием чего?

Но выяснять подробности было уже поздно. Лифт остановился, а в шипящей камере его спутница как-то сразу стала другой – деловой, жесткой, хранящей ледяное молчание. Витек посмотрел ей в лицо – и ему как-то сразу расхотелось трепаться. Понял – пошлет. Или, что вероятнее всего, не ответит. Ибо здесь начиналась иная зона.

Это был не тот этаж, что в прошлый раз. Витек только сейчас сообразил, что лифт шел не вверх, а вниз. Двери разъехались в стороны.

Здесь был спортзал – но спортзал другой, нежели тот, что призывно просвечивал сквозь стеклянные двери вестибюля первого этажа.

На огромном пространстве этого зала не было навороченных тренажеров непонятного предназначения.

Здесь преобладали огромные штанги и гантели, и несколько огромных мужиков ворочали их, выдыхая с каждым движением полукрики-полухрипы, похожие на предсмертные стоны раненых медведей.

Справа от входа был установлен ринг, окруженный скамьями для зрителей. За скамьями довольно приличное пространство занимали разнообразных размеров и форм боксерские мешки и толстые доски, обмотанные веревками. Какой-то парень невероятной антропометрии сейчас лупцевал одну из таких досок голыми кулаками, а она трещала жалобно и грозила вот-вот переломиться надвое.

Половина зала была перегороджена толстой стеклянной стеной. Похоже, за ней был то ли тир, то ли полигон, откуда глухо слышалась беспорядочная стрельба. Несмотря на то что стена

была вроде как стеклянной, за ней ни черта не было видно, так как стекло было мутным, в грязных разводах – то ли так было сделано специально, то ли его со дня создания никто не мыл.

Вообще, зал не отличался стерильностью. Витек, с малолетства приученный сестрой к чистоте и порядку (служба в армии только усугубила это качество), непроизвольно поморщился. Здесь стоял устойчивый запах пота, железа и еще чего-то сладковато-приторного. Это амбре начисто глушило попытки навороченной системы вентиляции облагородить атмосферу. Из предметов, напоминающих о цивилизации, только в углу зала стояло большое кожаное кресло, видимо, предназначенное для отдыха хозяина клуба в те моменты, когда тому хозяину не лень было бы тащиться в тот самый угол ради комфортного релакса.

Витек нашел глазами Стаса.

Хозяин «Пагоды» поднимал штангу на бицепс.

Гриф снаряда слегка прогибался под весом накрученных на него металлических дисков. Лицо Стаса было искажено гримасой злой боли, и страшно бугрились венами и каменным мясом его руки, грозя порвать лоснящуюся кожу.

Зрелище было жутковатым – и в то же время странно, первобытно красивым. Не было сейчас в лице Стаса ничего человеческого. Это был зверь, далекий предок, поднимающий, опускающий и снова поднимающий свой жуткий сизифов снаряд с одной, только ему понятной целью.

Витек оттянул было челюсть вниз, чтобы обозначить свое присутствие. И даже воздуха набрал, готовясь заорать сквозь грохот железа – вот он я, мол, звали? – но Александра шустро закрыла ему рот ладошкой.

– Мму? – удивился Витек.

– Нельзя, – прошептала она, тоже не сводя глаз с хозяина клуба.

– Почему? – прошептал Витек, снимая со рта узкую ладошку. Ладонка была теплой, сильной и при этом удивительно мягкой.

– Для него это момент высшего откровения. Как молитва для верующего.

– Не понимаю, – пожал плечами Витек.

Стас прохрипел что-то, попытался поднять штангу еще раз, не смог, бросил ее на пол, так что загудели перекрытия, и зло вытер лицо распухшим бицепсом.

– Теперь можно? – спросил Витек свою спутницу, но Стас уже и сам заметил посетителей и, опустившись на скамью для жимов, махнул рукой – подходите, мол.

Витек внутренне напрягся. Не любил он таких вот покровительственных помахиваний – как собачку к миске позвали. Но вспомнил сестру и, скрепя сердце, повиновался. Стас сделал обратную отмашку – и Александра, беспрекословно развернувшись на сто восемьдесят, направилась обратно к лифту.

– Пробовал? – вместо приветствия кивнул на штангу Стас.

Витек покачал головой.

– Зря.

– А зачем? – пробурчал Витек. – Чтоб мясоросло?

Стас усмехнулся.

– Ты присаживайся, не стесняйся.

Витек сел на соседнюю скамью.

– Мясо вторично. Главное – момент истины. Или ты ее, или она – тебя. Третьего не дано.

– Сейчас, я смотрю, она тебя, – съязвил Витек.

– Точно, – согласился Стас. – Но это сейчас. А еще будет завтра и послезавтра.

– Ну, подымешь ты ее завтра. И еще весу прибавишь. И снова подымешь. А цель-то в чем?

Стас отстраненно улыбнулся.

– В преодолении. Главное не цель. Главное – путь к ней. Каждый раз, когда ты на пределе поднимаешь такую штангу, ты умираешь. И потом воскресаешь вновь, чтобы снова умереть. Какая разница, кого убивать – себя или кого-то другого? Другого, кстати, намного легче. У тебя недавно была цель. Что ты чувствовал, когда убивал?

Витька слегка качнуло. Снова где-то в уголках сознания послышался *голос*, услышанный тогда в наркотическом бреде. Вернее, его далекое, едва различимое эхо. Он попытался разобрать слова – но *голос* пропал, только мелькнула перед глазами, словно призрак, тень девушки с букетом мертвых листьев в руке.

Витек зажмурился, тряхнул головой и снова открыл глаза. Он молчал, но Стасу и не требовалось ответа.

– Ты сам все понимаешь и чувствуешь. Только еще не осознаешь. Перед тем, как поднять настоящее железо, нужно много и долго качать небольшой вес, постепенно наращивая и вес, и интенсивность. Но и когда ты уже готов, всегда необходимо сделать разминочный подход с легкой штангой. Или два. Чтобы организм и мозг разогрелись, привыкли к нагрузке и не сломались на настоящей работе.

Витек слушал, но слова проходили мимо сознания. Он снова силился услышать хоть отблеск, хоть ноту утраченного только что – но *голоса* не было. Была пустота и слова Стаса.

– А чтобы осознать, нужно все прочувствовать снова... У меня тут как раз есть человек, который хочет сказать тебе пару слов. Я думаю, тебе найдется, что ему ответить.

Витек очнулся от тишины. Вдруг как-то разом прекратились в зале удары, хрипы и приглушенная стрельба за стеклянной стеной. За спиной Витька начали собираться большие потные люди. Казалось, они ждут чего-то.

И «чего-то» не заставило себя ждать.

Стас сделал едва заметное движение головой – и огромное зеркало на противоположной стене отъехало в сторону.

Из открывшегося проема вышли две фигуры. Одна – стандартных для этих мест габаритов – плечи в три раза шире талии, вторая – поджарая, порывистая в движениях, похожая этим на готовую к атаке Стасову пантеру.

Лица фигур были в тени. Они медленно двигались вперед. Широкая чуть позади поджарой, поджарая – осторожно, будто слепая, перед каждым шагом ощупывая место, куда поставить ногу.

– Memento mori, – прошептал Стас. – Помни о смерти...

Фигуры вышли на свет.

Фигурой широкой был... Афанасий. Без мешковатого спортивного костюма, скрывающего мощь перекачанного тела и дебиловато-простоватого выражения на лице, совсем недавно делавшего его так похожим на деревенского простака. Теперь это был совсем другой человек, волк, сбросивший наконец овечью маску, под которой умело скрывались доселе пустые безразличные глаза.

В правой руке Афанасий держал короткий автомат. Его левая рука лежала на плече поджарого человека, мягко направляя его движения. На голове ведомого был надет черный мешок, но человек не пытался его сдернуть, так как ствол автомата достаточно красноречиво ковырял его ребра.

Афанасий остановился и остановил человека. Перевел глаза на обалдевшего от такого явления Витьку, усмехнулся, наслаждаясь произведенным эффектом, и – сдернул мешок с головы ведомого, одновременно опуская ствол автомата вниз.

Перед Витьком стоял и шурился Ибрагим.

Но стоял он недолго. Ровно столько, чтобы привыкнуть к яркому свету висящих под потолком светильников и увидеть сидящего на скамье Витька.

– Ай-йа-а-а!!!

Протяжный, звериный вопль вырвался из поджарого тела, одновременно взметая его в воздух, словно стрелу, пущенную тетивой арбалета.

Стрела летела прямо на Витька – и не пролетела мимо. Слишком малым было расстояние, чтобы увернуться, да и, признаться, «тормознул» Витек немного, увидев вдруг ни с того ни с сего людей, которых он здесь ну никак не ожидал увидеть. Особенно Ибрагима. Где угодно – на улице, в подворотне, у себя дома, наконец, но не в самом навороченном клубе города, причем в процессе аудиенции с его владельцем.

Удар головой пришелся в грудь. Витек упал со скамьи навзничь, не больно ударился затылком о прорезиненное покрытие и сразу же ощутил жилистые пальцы на своем горле.

– Апп-х-х-а!!! А-щ-щ-а!!! – натужно – словно это его сейчас душили – хрипел Ибрагим, брызжа слюной в лицо Витька. Но то ли сил у Ибрагима оказалось маловато, то ли он решил поскорее закончить начатое, только вдруг одна его рука отпустила горло полузадушенной жертвы. Доля секунды – и в этой руке сверкнул молнией неизвестно откуда выхваченный короткий нож.

Молния метнулась к горлу Витька, но тот каким-то чудом успел ее перехватить и остановить в сантиметре от сонной артерии.

– А-щ-щ-щ-а-а-р-р-ххы-ы!!! – надрывался Ибрагим, давя всем телом на слабеющую руку Витька.

Нож медленно приближался. Вот он коснулся шеи...

И тут появился *голос*.

Он вернулся на гребне прекрасной музыки. Он говорил, но слов не было. Был упоительный запах свежести и небесной чистоты, были красные прожилки на желтом, было далекое, далекое детство и девушка, держащая в руке мертвые волосы осени.

Витек задохнулся от величия услышанного, но ему опять мешали. И он снова убрал то, что мешало. Не думая, не сожалея, так, как получилось, просто и скучно, как смахивают с любимой старинной пластинки одуревшего от «Фумитокса» комара.

– Во дает! – сказал Афанасий, почесывая переносицу стволом «Узи» и заодно пиная подальше носком ботинка упавший на пол короткий нож. – Да этот твой Витек – он же на всю кукушку напрочь отмороженный! А перо-то откуда у черного появилось, не пойму? Обыскивал же его вроде...

– Впредь лучше обыскивай, – задумчиво сказал Стас. – По-любому, Аллах теперь с ним и пророк его Магомет заодно, мир с ними обоими.

Он покачал головой.

– Хотел бы я так умереть, – медленно сказал он. – Быстро. И сразу.

...*Голос* уходил. Витек потянулся за ним всем своим существом... но прекрасная сказка опять растаяла в призрачной дымке, и снова сладковато-приторная реальность ударила в ноздри. Но теперь запах был гораздо сильнее. Витек поморщился, открыл глаза, поморщился снова и выдернул указательный палец из глазницы мертвого Ибрагима.

Запах стал тошнотворным. Витек понял, что это воняет красновато-серая жижа, вытекающая из пустой глазницы.

Что-то белесое болталось на его пальце, и Витек брезгливо вытер это об аккуратно подстриженную бороду трупа.

– Вот поэтому я и качаю железо, – словно продолжая начатый разговор, сказал Стас. – Оно – модель жизни. То, что ты испытал сейчас, я испытываю каждый день. Или ты – их, или они – тебя... Да, ребята, вы можете продолжать.

Громадные мужики, кучкующиеся сзади жожака, пыхтя и сопя, начали расходиться. Каждый как ни в чем не бывало вернулся к прерванным тренировкам. И где-то за их мощными спинами плавно скользнула и исчезла призрачная тень, похожая на силуэт невысокого худого мужчины в черном обтягивающем костюме.

Постепенно возобновились удары, выстрелы и стоны культуристов, качающих железо, и лишь Афанасий проявлял какое-то подобие эмоций, словно резиновую куклу волоча труп за ногу к зеркальной двери и то и дело дергая головой в такт восхищенному: «Не, ну гадом буду, в натуре отмороженный пацан...»

Витек встал с пола, молча отряхнулся и направился было к бронированным дверям, но потом вспомнил, что выйти отсюда не так-то просто, вернулся и посмотрел в глаза Стасу.

– И все-таки, что ты чувствовал? – спросил Стас. – В первый раз – понятно. Сначала эйфория, адреналин кипит, время замедляется, как в кино. Потом шок, как бревном в лоб приложили... А вот во второй как? Когда без таблеток? У всех оно по-разному. Во второй и в третий. Дальше – проще. Дальше ничего не чувствуешь. Вообще. Как зубы почистить... А-а, понятно, – протянул Стас. – К светской беседе мы не расположены. Ты, наверное, сейчас хочешь гордо и красиво уйти?

Витек молчал, тяжело глядя на Стаса.

– Насчет гордо и красиво – это можно устроить, – сказал Стас. – Но, к сожалению, этого никто не оценит. Всем присутствующим здесь давно все по фигу, а чьи-либо гордые жесты – тем более. А красиво, Виктор, это когда мчишься на роскошной тачке, зажав роскошным бицепсом роскошную талию роскошной телки. Знаешь, в чем пресловутый смысл жизни? Делать только то, что хочется, есть и трахать только то, что нравится. И делать для этого все, что сочтешь нужным.

Он давил на слова, неотрывно, словно кобра, глядя в глаза Витька.

– Хочешь попробовать пожить красиво? Я думаю, что хочешь. Короче, я предлагаю тебе весьма высокооплачиваемую работу. А свои приключения можешь считать своего рода проверкой на вшивость. Которую ты, кстати, прошел на ура. И еще. Я понимаю, что сейчас от чувства собственной важности тебя колбасит не по-детски, поэтому пока можешь не отвечать. Но мой маленький презент рекомендую взять в любом случае – как знак благодарности. Поскольку вместе со своими ты заодно решил и кое-какие мои проблемы. Вот. И на этой звенящей ноте разрешите откланяться.

Стас махнул рукой в сторону бронированных дверей, встал со скамьи, повернулся спиной к Витьку, давая понять, что диалог окончен, и направился к своей штанге. Появившаяся из ниоткуда Александра поднесла к стене рядом с дверьми свой браслет. Створки шлюза с шипением начали расходиться в стороны.

«Свои... приключения... можешь... считать... проверкой...»

Заныло клеймо на плече, замелькали перед глазами, как в детском диафильме, сценки-кадры, отпечатавшиеся в мозгу: лысые морды клонов в палатке; кривой разрез на руке сестры – лежащее S, копия ожога на его плече, наспех стянутое намокшим от крови лейкопластырем; ее голос: «Да, насильовали... Все время... Уж очень сильно они били...»; растянутый в дебильной улыбке рот Афанасия – «...от восьми до двадцати. Или пожизненное. Или вышак». И совсем-совсем недавнее – брызжащая слюной звериная морда Ибрагима и холод стали на собственном горле...

«Свои... приключения... можешь... считать... проверкой... считать... проверкой... считать... проверкой...»

Кричать ему не советовали. Вернее, сначала советовали – мол, будет лучше, мощнее, энергия выбрасывается, враг пугается. Но в армии отговорили – мол, не стоит. С энергией – еще вопрос, а вот друзья-коллеги предполагаемого противника обязательноотреагируют. Или же на гражданке просто народ любопытный наверняка сбежится, и все менты – твои.

Одна из лап вытатуированного дракона кокетливо скребла область левой почки. Это место Витек облюбовал еще в прошлый раз.

Он прыгнул молча.

Каблук ботинка шел точно в цель – это Витек почувствовал сразу. Но за дециметр до соприкосновения с каблуком цель плавно ушла в сторону. Нога провалилась в пустоту.

Подошвы не успели коснуться земли. Его перехватили в воздухе.

– Х-ха! – выдохнули справа – и он повис над землей как кролик, пойманный удавкой охотника.

Удавка была жесткой, как камень, горячий, с подергивающейся веной на коричневом от загара предплечье. Стас держал его захватом за горло, на всякий случай профессионально выведя на бедро, во избежание удара каблуком в колено или кулаком в пах. Держал крепко, но почему-то пока душить не собирался, хотя ему-то, в отличие от покойного Ибрагима, усилий для этого требовалось немного – только согнуть руку еще совсем чуть-чуть – и привет.

– Еще один балл в твою пользу, – раздался над ухом Витька насмешливый голос. – Я-то думал, что ты сейчас как бабуин начнешь колотить себя в грудь кулаками и требовать честного рыцарского турнира на каких-нибудь китайских палочках для риса. Похвально, юноша, удар в спину – это вполне в духе современности. Я думаю, мы сработаемся. То есть мое предложение остается в силе. А пока – всего хорошего. Но больше так скакать не советую. Я не твой недавний визави. В следующий раз тресну разок по балде как следует – сразу ходули протянешь.

Тиски разжались. Витек упал, приземлился на ноги, присел, развернулся и из приседа выпрыгнул снова, метя носком ботинка Стасу в промежность.

– А жаль, – с ноткой разочарования в голосе сказал Стас, приседая тоже и накрывая голень Витька блоком сверху. Голень врезалась в жесткую как дерево ладонь и упала вниз. Витек по инерции качнулся вперед, пытаясь сохранить равновесие, и тут ему на темечко опустился кулак Стаса. Кулака Витек не видел. Ему показалось, что на него рухнул потолок.

Он отключился сразу – в который уже раз за эту неделю.

* * *

За окном протяжно, громко и тоскливо выла сигнализация. Витек вынырнул из тяжелого киселя сна, матернулся в адрес владельца заоконного автомобиля, повернулся на жесткой поверхности, охнул, схватился за онемевшую шею и окончательно разлепил глаза.

Поверхность его ложа была жесткой потому, что он по каким-то странным причинам сегодня провел ночь на полу своей квартиры. Ну, правда, не совсем на полу. Под ним находился старенький плед и подушка, а сверху он был накрыт собственной выдавшей виды курткой. Витек почесал в затылке, с опаской покрутил головой, туго проворачивающейся на деревянной шее, – и вспомнил все.

«Хорошо, что на полу, а не в морге, – подумал он. – Интересно, чем это он меня по башке треснул? Неужели кулаком? И как, черт побери, я дома-то оказался? И почему на полу?»

Одеваться не пришлось. Неизвестные благодетели, укладывая Витька почивать, ограничились малым – раздеть его никто не удосужился. Спасибо и на этом, что хоть не так бросили, не у порога в половик завернули, а все ж таки в комнату занесли и на паркет сложили. И плед под тело отключенное подстелили, позаботились. Душевные люди.

Он поднялся со своего импровизированного ложа. Голова гудела тяжело и фальшиво, словно активированный Царь-колокол. Витек потряс многострадальной головушкой, сориентировался на местности и подошел к кровати.

Надо сказать, что кровать была единственной достопримечательностью квартиры. Огромная, двуспальная, дореволюционной работы, с коронами и вензелями, неизвестно каким макаром доставшаяся покойным Витьковым родителям. До недавнего времени на сей роскоши нежилась исключительно старшая сестра – Витек ютился на скрипучем диване, ошетилившемся геморроидальными пружинами, – и оценить по достоинству оставшееся после сестры наследство в полной мере еще не успел.

Итак, на кровати, эротично раскинувшись, спала Александра. На инвалидном Витьковом диванчике были аккуратно расстелены разорванные полиэтиленовые пакеты, на которых, в свою очередь, были сложены ее юбка и пиджак, свернутые строго по швам и уложенные друг на дружку аккуратно и симметрично, как обмундирование новобранца в армии перед какой-нибудь инспекторской проверкой. На спинке единственного стула, уцелевшего после разгрома, висели женский бюстгальтер и чулки. Створки шкафа, стоящего рядом с диваном, были распахнуты, стопки чистого белья в нем разворочены – видимо, в поисках свежего постельного комплекта.

– Лихо подруга распорядилась, – пробормотал Витек, потирая шею и задумчиво рассматривая полуоткрытое, выглядывающее из-под одеяла полушарие груди. – Мало того, что целыми днями всей своей кодлой мудохают кому не лень, теперь еще и из собственной койки выперли. Да еще и дрыхнут в ней в чем мать родила.

И заорал что есть мочи, с подвывом, пиная дореволюционный матрас:

– Это кто тут спит в моей кровати?!

Александра лениво открыла один глаз и сладко зевнула.

– Ну, мудак... – сонно протянула она и закрыла глаз обратно.

– Кто мудак? – негромко спросил Витек и пнул матрац снова – на этот раз зло и намного сильнее.

Не открывая глаз, Александра вытащила руку из-под подушки. В ее ладонке уютно пристроился маленький пистолет. Щелкнул предохранитель, и девушка ласково промурлыкала:

– Хватит пинаться, ладно? А то ногу прострелю.

– Ну не сука?.. – восхитился Витек.

– Угу, – ответили с кровати. – Кофе девушке сварю.

– И в постель подать? – язвительно осведомился Витек.

Ответа не последовало. Только шевельнулось одеяло, и грудь исчезла под кружевами, вышитыми сестрой на пододеяльнике.

Больше смотреть было особо не на что. Разве только на сопящую в кружева мордашку. Или на пистолет. Но пистолет – черт бы с ним. Бюст незваной гостьи воодушевлял Витьку намного больше. Но бюста больше видно не было, а поэтом, чтобы восхищаться чертами лица прекрасной дамы, Витек не был. Тем более что с чертами, помнится, у Насти-то было получше. Хотя, фигура, конечно...

Мучаясь размышлениями, что в девушках предпочтительнее – лицо или фигура, Витек поплелся на кухню.

– Кофе ей вари... – возмущался Витек, ковыряясь в рядах пустых и полупустых банок, заполняющих полки. – Черт, нету ни фига. Франкенштейн, скотина, все выжрал. Стало быть, хрен тебе, милая, а не кофе. Обойдетесь чайком. С утра оно и полезней будет... А ведь действительно мудак. Чего напрягаюсь? Стервь подколотная, не могла меня на диван пристроить, шмотье свое разложила. Шмотки ей дороже живого человека! «Кофе», блин... И вообще, какого черта она тут делает?

Он закинул в рот десяток таблеток цитрамона, оставленных на всякий случай медицински грамотным Севои Франкенштейном, и надолго присосался к крану, жмурясь от наслаждения. Почему-то казалось, что ледяная струя размывает тупую боль в шее и монотонное гудение в облаканной Стасовым кулаком голове.

Наконец Витек оторвался от крана, залил чайник водой, поставил его на плиту, после чего, усевшись за стол, положил лицо на руки и... незаметно для себя задремал.

– Дрыхнешь?

Витек вздрогнул и проснулся. Только что приснившийся ему роскошный бюст навис над ним во всей своей притягательной реальности.

– Кофе готов? Не слышу аромата.

Александра стояла над ним, расчесывая влажные после душа волосы.

Дорогое нижнее белье, скорее, не скрывало, а подчеркивало все выпуклости и вогнутости данного от природы и вдобавок грамотно тренированного тела.

Под рабочими доспехами, в которых Витек видел ее в клубе, конечно, угадывалось кое-что соблазнительное. Особенно после купания в бассейне. Но чтобы так...

У Витька пересохло во рту.

«Нет, все-таки фигура – это фигура», – проскрипела в мозгу корявая мысль.

– Ну, чего уставился? Кофе где?

– А я те чо, нанимался? – окрылся Витек.

– А ты танцуешь только за деньги? – насмешливо спросила Александра. – И сколько нынче стоит чашка кофе? Я заплачу.

– Знаешь что! – взъярился Витек.

– Что?

Она стояла, опершись плечом о косяк двери и скрестив руки на груди. Все знала про себя, зараза, и про фигуру, и про ноги, и про то, как оно все в совокупности с длинными черными волосами ниже плеч, ресницами и огромными глазами действует на мужиков. Вот что, значит, бывает, когда с некоторых девушек смывается деловой макияж, больше похожий на слой строительной побелки... И куда девалась бизнесвумен в строгом костюме с пучком волос на затылке? Красавица... И смотрела – мол, и чего ты сделаешь, смелый и решительный, и куда ты денешься с подводной лодки?

Витек поднялся с табуретки и шагнул к ней. И обнял... почти. Да только...

– Х-ха! – знакомо выдохнула Александра.

Витек, как таракан на булавку, насадился солнечным сплетением на маленький, но острый кулачок. Да так удачно, что только охнул, схватился за живот и медленно осел обратно на табуретку.

– Похоже, сэр, вы меня неправильно поняли, – с сожалением сказала Александра, беря с полки банку из-под чая и заглядывая в нее. – И вообще, хреновато тут у вас. Кофе нет, биде нет, манеры у хозяина – как у колхозного сторожа. К тому же чайник твой почти весь выкипел, пока ты тут щеки давил...

Витек продышался немного на своей табуретке и теперь смотрел, как Александра ловко заваривает чай и сооружает яичницу из четырех чудом оставшихся в холодильнике яиц. Причем вместо масла девушка плеснула в сковородку немного воды.

– Ну как, очухался? – спросила она между делом.

– Слушай, – задумчиво спросил Витек. – Ты мне можешь объяснить одну вещь?

– Хоть две, – милостиво разрешила Александра.

– Тогда две. С какой радости меня ваша кодла метелит почти каждый божий день? И ты в том числе?

– Воспитываем, – сказала Александра, ставя горячую сковородку на стол и уминая яичницу прямо со сковородки. – В рамках программы заботы о ближнем. Тебя, Витя, если не лупить, то как дураком был, так дураком и помрешь. Ты не обидишься, если я все съем? Жрать хочу, как барракуда.

– Правильно, – кивнул Витек. – Меня кормить не надо. Я с весны закормленный. К тому же, яичница на воде...

– Ну и молодец, – сказала Александра, ловко орудуя вилкой. – А насчет воды – это тоже от твоей дремучести. Масло – штука вредная. Особенно для фигуры. А уж то, что в ваших палатках продается...

– И второе. Ты зачем это с собой делаешь?

– В смысле?

– Ну... штукатуркой лицо замазываешь?

– А, это, – рассмеялась Александра. – Это чтоб всякие разные, – она выразительно посмотрела на Витьку, – не лезли. Кулаки на фиг об вас отобьешь, ногти переломашь, маникюрить нечего будет. Но это все лирика. На вот, держи, – сказала она, неизвестно откуда вытаскивая пачку долларов и бросая ее на стол. – Вчера Стас мне выделил двоих своих амбалов с машиной и сказал тебя домой доставить. А когда придешь в себя, премиальные вручить. В себя ты не приходил упорно, мы уж думали, что все, отпрыгался. Ну, ребят я к ихним бабам отпустила, а сама, как ответственное лицо, осталась дежурить.

– На моей кровати, – вставил Витек. Но Александра не прореагировала, продолжая уплетать яичницу и одновременно разглагольствовать с набитым ртом.

– Ну вот, как видишь, ты не помер, все окончилось хорошо, к шишке на черепе лед приложишь, позавтракать можешь в ресторан какой-нибудь съездить – тут на тыщу местных ресторанов хватит – а у меня дел сегодня по горло, почавкать могу и не успеть. Так что, милый, не обессудь.

Витек нахмурился.

– Я не возьму, – сказал он.

– Чего не возьмешь?

– Деньги не возьму.

– Ну и дурак, – безапелляционным тоном сказала она, для убедительности тыкая в его сторону вилок. – Дают – бери. У тебя сроду таких денег не было и не будет. Стас так просто никому ничего не дает. А эти деньги ты заработал.

– Заработал?

– Угу. И как заработал – неважно. Деньги не пахнут. А насчет его предложения подумай. Когда Стас работу предлагает, народ обычно не отказывается, а в ножки ему кланяется.

– Не дождется. Я кланяться не буду.

– Да кто б сомневался. Только где ты работать собираешься, гордый мой, независимый? Опять в какой-нибудь палатке сидеть? Или бутылки собирать?

– Это ты у Стаса такой умной стала? Или всегда такой была? – мрачно спросил Витек.

– С кем поведешься, от того и забеременеешь, – махнула вилок Александра. – Но вроде и без Стаса на голову никогда не жаловалась. Потому у него и работаю.

– Кем, интересно?

Александра усмехнулась.

– Секретарем-референтом по особо важным делам. Устроит?

– Устроит. А он тебя на работу тоже через шишку на макушке нанимал?

– Нет, – просто ответила Александра.

– Расскажи.

– Вот докопался, как пьяный до радио, «расскажи, да расскажи...», – пробурчала она с набитым ртом. – Ладно. Работала я... ну, скажем, в одной более чем солидной организации. Он подошел, спросил: «Девушка, у вас сейчас какая зарплата?» Молчу, делаю вид, что не ко мне. «Хотите, чтоб она была в три раза больше?» Я, как в кино: «Да кто ж ее не хочет?» Он смеется. «Приходите завтра во столько-то, обсудим», – и визитку дает. А мне что? Пришла. А он: «Вы любите японскую кухню?» «Люблю», – говорю. А он: «Тогда давайте для начала я вас свожу в японский ресторан?» Пожимаю плечами: «Давайте». Так что ты думаешь? Привез он меня в аэропорт. Откуда – не пойму, но все документы мои у него на руках, и через энное количество часов мы в Японии. Там у него свой ресторан и отель при том ресторане с видом на Тихий океан. Три дня там тусовались, отдыхали и все такое. Оттягивались, словом, по полной программе. Потом обратно на самолет, прилетаем домой, он меня привозит обратно к себе в клуб, вываливает передо мной кучу папок, ставит перед носом компьютер и говорит – а теперь ознакомься со своими обязанностями. Вот так. Устраивает тебя такая история?

– Устраивает. Так ты с ним сейчас это... до сих пор?

– «Это» – нет. Сейчас у нас чисто деловые отношения, – жестко сказала Александра.

– А «это» было только те три дня?

– А вот это не твое дело, – сказала Александра, мило улыбнувшись. Витек подумал, что примерно с такой же улыбкой эта прелесть запросто воткнет вилку ему в глаз, после чего с таким же олимпийским спокойствием этой же вилкой дожрет яичницу.

– Ясно, – сказал он. – Еще тот кекс ваш Стасик. С приветом.

– Что есть – то есть, – кивнула Александра. – А кто сейчас без приветов? Ты, что ль? Сомневаюсь.

– А чего это он там гнал вчера... Про чувство какой-то собственной важности?

Александра состроила многозначительную физиономию.

– Рассматривать чьи-то действия как низкие, подлые, отвратительные или порочные – значит, придавать неоправданное значение личности их совершившего, то есть – потакать его чувству собственной важности, – процитировала она. – Не обращай внимания. Это он когда штангу не таскает и морду никому не бьет, Карлоса Кастанеду читает. И книжки по НЛП.

– НЛ... чего?

– Нейролингвистическому программированию. Но тебе это все равно не поможет.

– Понятно... А ты, как я вижу, тоже этого... Карлсона почитываешь?

– Карлоса, – вздохнула Александра. – Бывает... Ну ладно, душеспасительная беседа окончена, – отрезала она. – И если тебе все понятно, то я пошла. Телефон клуба ты знаешь, если что надумаешь – звони.

Она встала из-за стола и, бросив в раковину пустую сковороду, направилась в спальню.

– Слушай, а все-таки, на кой я твоему Стасу облокотился? – задумчиво бросил Витек ей в спину.

– Понятия не имею, – отозвалась из спальни Александра. – Может, ему человек был нужен со стороны, чтоб Саида убрал. Если так, то по всем раскладам он сам потом должен был дать команду тебя убрать, но менты оказались проворнее. А ты в ментовке не колонулся, прошел, так сказать, тест на вшивость. Ему это понравилось, и он решил тебя к себе взять. Скорее всего так, но это только моя версия. У него в голове порой такие многоходовки крутятся... Все может быть. А что? Дух в тебе есть, кулаки есть – хреноватые пока, но это ретушируется. И теперь ты еще и кровью повязан по самые некуда. Куда ж тебе теперь, если не с нами?

Она замолчала и вышла из спальни, уже разговаривая с мобильником, затянутая в свой рабочий костюм от Версаче, снова строгая, деловая, подтянутая, с закрашенным макияжем лицом, готовая и стенограмму оттарабанить, и в душу треснуть кому потребуется, и, видимо, по обстоятельствам и пристрелить кого-нибудь, если хозяин прикажет.

– Все, пока. Меня уже ждут.

Она бросила мобильник в карман, сняла с вешалки белое кожаное пальто, небрежным, но невероятно грациозным движением набросила его на себя и шагнула к двери.

– Александра... – задумчиво сказал Витек ей вслед. – Афродита... Красиво. Тебе идет.

Она обернулась, удивленно подняла брови, потом улынулась чуть заметно и ушла, оставив после себя едва слышный аромат дорогих духов на смятой постели и немытую сковороду в раковине, ну никак не вяжущуюся с образом древнегреческой богини любви.

* * *

«Был нужен человек со стороны... По всем раскладам, он сам потом должен был дать команду тебя убрать, но менты оказались проворнее... И где гарантия, что в другой раз менты окажутся не такими проворными?»

Зеленая пачка лежала на столе, перетянутая черной резинкой, какой до эпохи развитого капитализма продавцы в магазинах перехватывали куски мороженого мяса, завернутого в про-

зрачную пленку. С верхней банкноты на Витька высокомерно смотрел американский президент, похожий на Петра Первого из школьного учебника истории.

«Дают – бери...»

Витек снял резинку и пересчитал деньги. В пачке оказалось десять тысяч долларов.

Он поднес их к лицу.

Деньги пахли. Забытым запахом из далекого детства. Старыми, давно выветрившимися духами из стеклянного флакона с рельефно выдавленным на нем двуглавым орлом.

«У тебя сроду таких денег не было и не будет...»

Действительно, такие деньги Витек видел только в кино.

«Эти деньги ты заработал...»

Витек машинально погладил слабо зудящее, почти зажившее плечо.

«Заработал... Плата за четыре трупа. И за сестру. И за себя. Интересно, нас с Галькой он почему посчитал?...»

Он сидел за столом и задумчиво тасовал купюры. Витьково «я» разделилось надвое. Одна половина требовала деньги вернуть, желательно красиво и гордо. Другая резонно замечала, что гордости и красоты, скорее всего, не оценят, а в лучшем случае еще раз дадут по шее и пинками вышвырнут из клуба. В худшем же – скормят Сяпе на завтрак...

Или беззубому крокодилу Гене. Интересно, едят домашние пантеры и крокодилы хорошо отбитых безработных продавцов? Судя по первой встрече с Сяпой, схрючат и не почешутся.

«Харашо – эта кагда нэ плохо, – напомнила зловредная половина. – Кагда живой, багатый – тагда харашо. Кагда нэт – тагда вах... Или ты, или тебя. Третьего не дано... У тебя теперь своя жизнь...»

Он представил себя в роли этакого благородного и неподкупного – и ему стало противно. Жалкая получилась картина. Как в смешном мультике про утку: «Я – черный плащ...»

– Ну и ладушки, – сказал Витек. Потом решительно собрал деньги обратно, перетянул зеленую пачку резинкой и сунул ее в карман. – Попробуем, как оно, когда красиво.

От яичницы осталась лишь грязная сковородка в раковине, в пустом холодильнике повесилась пластмассовая сувенирная мышь, и потому в смысле завтрака Витек решил последовать совету Александры...

...Завоевав большие города, западная цивилизация уверенно тянула свои щупальца на периферию. Небольшой итальянский ресторанчик-пиццерия недавно открылся на соседней улице, и пока никто еще его не сжег и даже не побил больших витринных стекол с изображениями толстых дядек в поварских колпаках, высоко поднимая колени, перетаскивающих куда-то громадные пиццы, похожие на колеса от самосвала.

Витек неуверенно толкнул стеклянную дверь.

– Добро пожаловать, – склонился перед ним хлыщ в костюме. – Желаете столик?

Витек пожал плечами.

– Я это... в общем, позавтракать.

Хлыщ поклонился снова.

– Пожалуйста. Вот этот столик вас устроит?

Витек немного обалдел с непривычки от всех этих поклонов и реверансов и, втайне жалея, что забрался в эдакие странные и незнакомые места, был уже согласен на все.

Хлыщ принес меню. В меню русскими буквами были написаны итальянские слова. Напротив слов имелись цифры в у. е., и от этих цифр Витьку стало слегка не по себе. Но потом он вспомнил о зеленой куче в кармане, и ему немного полегчало.

Гулять так гулять...

Он несколько раз ткнул пальцем в слова. Хлыщ поклонился и исчез. Через некоторое время толстенная девчушка приволокла существенных размеров поднос с тарелками и сгрузила все это дело перед Витьком, бросив при этом на него пару удивленных взглядов.

Взглядам Витек значения не придал и с энтузиазмом принялся за дело.

В первой тарелке оказались макароны с ветчиной, залитые чем-то напоминающим майонез со сливками. Во второй – так называемая пицца – круглый белый хлеб с расплавленным сыром и позавчерашней с виду колбасой. В третьей – какое-то розовое желе. В четвертой – жульен, то есть резиновые шампиньоны, тоже залитые белым...

Витек классиков не читал, но, как и известный литературный герой, не собирался оставлять в тарелке то, за что было заплачено. Решив, что, возможно, колбаса в пицце какая-то особенная, только что выглядит непрезентабельно, так про то не нам пролетариям судить, Витек с энтузиазмом принялся за дело. Но ближе к концу трапезы он почувствовал, что у него в желудке начинает происходить что-то не то...

– Какими судьбами!!!

Улыбаясь, словно Гуинплен, его столик огибал Афанасий.

– А я еду мимо, смотрю, в витрине знакомая личность пиццу трескает... Слышь, парень, ты чего это, а?

В животе Витька творилось неладное. Он бы и хотел, может быть, треснуть Афанасию между глаз. Или, на худой конец, хотя бы послать гада такого подальше. Но при всем желании свершить сии великие деяния сейчас ему было явно не под силу.

– Э, братуха, да тебе худо, как я погляжу?

Витек кивнул. Открыть рот он не решался, боясь блевануть прямо на сверкающий импортный интерьер. Глазами он искал туалет, но таковой поблизости не наблюдался. Хлыща тоже не было видно.

– Халдей! Халдей, блляха, тут есть или как?! – заорал Афанасий во все горло.

Хлыщ нарисовался незамедлительно, заранее слегка побледневший с лица.

– Что случилось? – пролепетал он, сгибаясь под тяжестью тени, падающей от Афанасия.

– Что случилось? – прогрохотал Афанасий. – Я те щас, сука, башку оторву. Ты чем моего кореша накормил, вертушка ты туалетная? Ты его этим накормил? – ткнул он пальцем в остатки пиццы. – Вот этой колбасой? Она ж старая, мля, как говно мамонта!

– Я... мы...

– Короче! Быстро води пацана в сортир, пусть проблюется как следует. И мухой ко мне! Будем решать насчет компенсации ущерба.

– Я... мы мигом...

Поддерживая Витьку под локоток, хлыщ проводил его до туалета. Извиваясь в извинениях, вручил стакан с чем-то прозрачно-зеленоватым и, услышав глухое рычание Афанасия, доносящееся из зала, убежал стремглав – только пятки в зеркалах туалетных сверкнули.

Витек ринулся к унитазу и минут пять рычал утробно и слезно, изрыгая в импортный толчок непривычные разносолы и поминая в паузах итальянских кулинаров емким русским матом. Полегчало. Он с сомнением посмотрел на стакан.

Дезинфекция что ль какая?

И выпил.

На этот раз его выворачивало в два раза дольше. Когда блевать стало больше нечем, Витек выполз из санузла на негнущихся ногах, ловя ртом воздух как свежельвовленная треска.

– Во, халдеи пидоры! – встретил его возмущенным вскриком Афанасий. Стол перед ним ломился от яств, и согнутый в подобострастную дугу хлыщ стоял одесную от Афанасия, готовясь выполнять любые прихоти сердитого бандита. – Видят, что человек в первый раз в кабак пришел, – и давай кормить отходами. Суки позорные. Давай, присаживайся, братуха.

Присаживаться рядом с Афанасием Витьку не хотелось, тем более что от вида еды на желудке опять стало тоскливо. Но он перехватил умоляющий взгляд хлыща, колебался и сел к столу. Надо было бы, конечно, хлыщу выдать порцию тумачков, но Витьку стало его немного

жалко. Дохлый он больно, такого бить – себя не уважать. Хрен с ним, пусть живет, отравитель чертов.

– Пей, братуха.

Афанасий протянул Витьку фужер существенных размеров, наполненный прозрачной жидкостью.

– Водка? – поморщился Витек.

– Пей, не спрашивай. Желудок надо продезинфицировать, а то черт его знает, что тебе эти паразиты в тарелки наклали. Еще ластами хлопнешь. Только залпом.

В словах Афанасия был определенный резон и непреклонная убежденность в собственной правоте. Витек поколебался, потом взял стакан и опрокинул в себя содержимое.

Желудок конвульсивно содрогнулся. Пищевод загорелся жидким огнем, дыхание перехватило.

– А теперь – быстро закусывай.

Афанасий заботливо протягивал Витьку кривой соленый огурец на вилке.

«И откуда в пиццерии огурцы?»

Витек автоматически подчинился. Почти сразу стало легче. В голове зашумело, по телу разлилось приятное тепло.

– Спирт – оно при отравлениях самое лучшее средство, – удовлетворенно произнес Афанасий. После чего откинул полу куртки и, выдернув из чехла на поясе большой охотничий нож, отрезал от лежащего перед ним на блюде жареного поросенка ногу и впился в нее зубами. – Ты хавай, не бойся. Это они тебя еще не знали, поэтому обслужили – как всех обслуживают. Ты бы сказал, что человек Стаса, они б тебя и накормили как человека.

– Я не ваш человек, – мрачно сказал Витек.

– Ты что, все за ИВС дуешься? – удивился Афанасий. – Так если бы я тебя тогда разбудил... Охохонюшки, Витя! Побег из-под стражи, плюс нападение на мента при исполнении, плюс твоя маленькая групповушка, побегом твоим сама собой доказанная и проштампованная... Не знаю, как там земляки тех черных, но за мента ты бы точно до суда не дотянул – на тюрьме или сами вертухаи забили бы, или в пресс-хате ссученные по наводке удавили. Так что за ИВС ты мне еще поляну должен и не одну...

– Ч-чего должен? – спросил Витек.

Окружающую реальность он уже воспринимал неадекватно. Мир приятно покачивался, наложенное в тарелке было вкусно и красиво, и что это такое, было уже совсем неважно. Витьку было сейчас от души наплевать и на Афанасия, и на Стаса и на всякие разные поляны, которые он кому-то теперь был должен.

– Да это я так, к слову. Э, братуха, да ты окосел малехо... Но это ничего, это можно иногда... А за то, что я черного на тебя вывел, ты уж не обессудь, работа такая. Нам говорят – мы делаем.

– А если б... это... тебе сказали... ик... меня пристрелить?

Афанасий рассмеялся.

– Хочешь честно?

– Н-ну... – с трудом кивнул Витек, скрипнув все еще слегка деревянной шеей.

– Вчера – пристрелил бы. Сегодня – не знаю. Стрелять в человека, с которым пил, всегда тяжело. Но я думаю, что это не твой случай. Не знаю, что там у Стаса на уме насчет тебя, но уж если он вчера тебя не грохнул, значит, по ходу, и позже не собирается. Так что давай выпьем, Витя. За то, чтобы нам никогда не пришлось друг в друга стрелять.

– Не...

– Не хочешь со мной пить? – прищурился Афанасий.

– Мне хватит, – сказал Витек. Пиццерия только-только перестала плавать перед глазами и обрела более-менее устойчивые координаты в пространстве.

– А, понимаю, – сказал Афанасий. – Поплавок мелкий. Ну, тогда я с тренером.

Он чокнулся с графином и, не поморщившись, опрокинул без малого полстакана.

– Дело привычки, – сказал он и сыто рыгнул. – Ну ты как, кишку баловать закончил? До поддатого Витька вопрос не дошел, но он на всякий случай кивнул.

– Тогда пошли.

– Куда?

– Как куда? – удивился Афанасий. – По бабам, конечно. Куда ж еще после кабака люди ходят? Хотя не кабак это, а так, не пойми что. Но тебе для первого раза сойдет...

Он почти насильно вытащил Витьку из-за стола и попер его к двери.

– А платить? – вяло трепыхнулся Витек.

– За что? – удивился Афанасий снова. – Да ты шутник, братуха, – закачаешься. Тебя тощий травил? Травил. Пусть скажет спасибо, что еще на бабки не попал. А на будущее – запомни. В нашем городе в кабак зашел – говори, что от Стаса. И по счету плати ровно половину от суммы.

– Это... скидка?

– Скидки, мил человек, бывают только с лестницы.

Они вышли на улицу. В воздухе уже явственно пахло приближающейся зимой. Не за горами были первые белые мухи.

– Скидки у лохов, Витя, – сказал Афанасий, с удовольствием нюхая воздух. – У нас – привилегии. А привилегиями надо пользоваться. Они для того и завоеваны.

– Кем... завоеваны?

– Пролетариатом, – хмыкнул Афанасий.

Он нажал на брелок, и приветственно взвыл-мигнул фарами двухместный японский внедорожник у входа.

То ли от свежего воздуха, то ли от вида иноземного чуда, но у Витьки в голове стала намечаться какая-то ясность. Все недавние обиды и горести как-то сразу забылись. Он восхищенно смотрел на автомобиль.

Когда вот такое или что-то подобное обезличенно рассекает по улицам, тогда просто. Посмотришь вслед, вздохнешь – и тут же забудешь. А когда кто-то, пусть даже мимолетно знакомый, вот так запросто достает ключи из кармана, а эдакая зверюга радостно воет в ответ... Не то чтобы завидно, но тоже так хочется. Когда-нибудь.

Афанасий перехватил взгляд Витьки и усмехнулся.

– Водить умеешь? – спросил он.

Витек кивнул.

– Права в школе получил. И в армии приходилось.

– Тогда держи.

– Чего держи? – не понял Витек.

– Ты, братуха, в натуре тормоз или притворяешься? Ключи держи. Поведешь. Я чегой-то перебрал чуток. Боюсь, ненароком столб обниму или еще чего учую. У меня это запросто.

«А я, типа, как стеклышко...»

Витек энергично потряс головой, фокусируя взгляд. Два автомобиля нехотя собрались в один.

– Может, не стоит?..

– Давай, двигай, Витя, – хлопнула его по плечу увесистая ладонь. – Один раз живем, где наша не пропадала!

«Плевать!»

Витек открыл дверцу и сел за руль. Мягкое сиденье услужливо обволокло спину.

– Ну и чудненько!

Афанасий грузно плюхнулся рядом.

– Короче. Коробка-автомат, педали, стало быть, две – газ и тормоз. Остальное – разберешься по ходу. Вперед!

Витек повернул ключ зажигания и осторожно нажал на педаль. Внедорожник тронулся, чуть ли не с места набрав приличную скорость. Тело мягко вдавило в кресло.

– О, наш человек, – одобрительно взвыл Афанасий. – Дави, Витя, педальку, дави ее, родимую!

И Витек надавил.

Машина заурчала недоуменно, но послушно рванула вперед.

Дома по бокам улицы смазались в сплошную линию. Водители попутных «жигулей» и «запорожцев», видя в зеркала приближающегося монстра, спешили поскорее убраться с дороги, как куры, гонимые расшалившимся волкодавом.

У Витьки захватило дух. Да и кто останется равнодушным, когда сбывается мечта? И пусть не свое, пусть гогочет во все горло рядом пьяный хозяин, но хоть вот так, хоть на малое время, но вообразить, что, наконец – вот оно! Сбылось! Ну, не сбылось, конечно, куда там... Но хоть чужое попробовать, понюхать нагретую кожу салона, ощутить мягкую шероховатость руля, почувствовать, врасти телом в кожано-стальное тело дорогой машины. И когда-нибудь, может быть...

– Нравится, братуха?!!

Витек молчал, горящими от возбуждения и алкоголя глазами следя за дорогой, послушно лежащей под колеса. Ответа и не требовалось. Достаточно было увидеть глаза водителя. Афанасий посмотрел направо, увидел глаза и усмехнулся.

– А нравится – так забирай!

Взгляд Витьки стал напряженным.

– Как это – забирай?

– А так. Тебе Стас сколько зелени отвалил?

– Ну... десять штук.

– Баксов? – уточнил Афанасий.

– Ну да.

– Так о чем базар? Как на духу скажу – точило не новое, но ему еще бегать и бегать. Все навороты, кондишн, салон, сам видишь, кожаный, коробка, опять-таки... Да ты на такой только к плешке подрули – любая телка и без бабла твоя.

«Настасья... Или... может, все-таки...?»

Конечно, в любом деле нужна тренировка. И если не иметь привычки закладывать за воротник, то будь ты хоть Рембо в квадрате, после полстакана чистого спирта мир изменится не в лучшую сторону. Но даже в состоянии альтернативной реальности Витек хоть и туго, но соображал. Он отогнал навязчивый образ американской актрисы, воплощенный в русской барвумен, послал мысленно нехорошим словом еще один сказочно фигуристый образ, неизвестно с какой стати нарисовавшийся рядом, и подозрительно спросил:

– Сколько?

– Грабить тебя не буду. Не по-боссяцки человека без копейки оставлять. Короче, восемь сейчас, восемь потом. Доверенность я тебе прям сейчас любую нарисую. По рукам?

Витек снова потряс головой, собирая мысли. Но мысли собирались туго, бродя под шумящим от спирта черепом по самым немыслимым траекториям.

– Ты чо как черепаха плетешься?! – вдруг заорал сбоку Афанасий. – Дави на газ!!!

Команда попала на благодатную почву. Думать не хотелось. Хотелось именно давить на газ. Витек и надавил.

Машина прыгнула вперед, как породистый скакун, получивший шпорами в брюхо.

– Считай, за скока секунд до двухсот разгонится!!! – орал сбоку Афанасий. – Раз, два...

«Виу! Виу!!!» – слышалось сзади. И почти сразу же заревел в затылок усиленный мегафоном голос:

– Водитель автомобиля номер девятьсот девяносто девять! Немедленно остановитесь!

– Не тормози! – заорал Афанасий. – Пошел он на хер!

– Приказываю немедленно остановиться! В противном случае будет открыт огонь на поражение!

– Во сука! – удивленно протянул Афанасий. – Не, ты слышал?

– Угу, – кивнул Витек.

– Ну ладно, притормози, – сказал Афанасий и полез под сиденье. – Щас посмотрим, что там за Бельмондо.

Когда он разогнулся, в его руке лежал «Узи». В громадной лапе Афанасия израильский пистолет-пулемет казался детской игрушкой.

– Слушай, а может, не надо? – неуверенно спросил Витек.

– Надо, Федя, надо, – ответил Афанасий. – В нашем городе мы фишку держим и ездим как хотим. А если кто этого не понимает, то мы ему враз тему объяснить можем. Просто и доступно.

Машина остановилась. Ее объехала белая «шестерка» с синей надписью «ГАИ» на боку и встала поперек дороги. Из «шестерки» выскочил молодой гаишник в погонах сержанта с коротким АКСу в руках и сразу метнулся к Витьку, суя раструб автомата в открытое окно дверцы внедорожника.

– Выйти из машины! Руки на капот!

Витек не успел ничего предпринять и даже не заметил, как опустело место справа от него. Видимо, Афанасий был не настолько уж пьян, как хотел казаться, если за несколько секунд успел выйти из машины, обогнуть ее сзади и, появившись сбоку от гаишника, приставить ствол «Узи» ему к виску.

– Это кто тут у нас такой смелый? – спросил Афанасий, забирая у сержанта автомат. – Ты чо, землячок, попутался или как?

Сержант осторожно скосил глаза направо.

– Ой, Афанасий Михалыч, а я вас не заметил...

– Ну да, – кивнул Афанасий. – Я вообще сам из себя весь такой незаметный...

– Да мы это... Ваша машина пролетела мимо поста, а капитан говорит, мол, на мониторе видно, что за рулем не вы. Ехай, мол, говорит, проверь...

– Ну чо, проверил? – спросил Афанасий.

Сержант сосредоточенно кивнул. Ствол израильского автомата все еще неприятно холодил висок.

– Вот и ладушки, – сказал Афанасий. – И учти, что моему другу в рыло стволом тыкать – это нехорошо. Теперь это – его тачка. Так и передай своему капитану. И пусть он до всей остальной вашей братии доведет, что почем. Усек?

Сержант кивнул еще раз.

– А теперь, – сказал Афанасий, пряча «Узи» за пояс, – быстренько взял тряпку, протер нам лобовуху – и свободен...

Странно было Витьку наблюдать, как сержант ГАИ протирает у Афанасьевского внедорожника лобовое стекло. Но факты – вещь упрямая. Гаишник протер стекло, получил обратно свой автомат, прыгнул в «шестерку» и ретировался, как сон – сон странный и малоправдоподобный.

– Вот так у нас по городу пацаны ездят, – сказал Афанасий, подходя к машине. – Ну чо, берешь?

Витек молчал, все еще переваривая увиденное.

– Ты еще думаешь? – взревел Афанасий. – А ну-ка, вылезь из-за руля. Я тебе сейчас покажу еще кое-что.

Витек открыл дверь и вывалился наружу.

«Эк меня развезло в тепле! – удивился он, мотая чугунной головой. – И как я еще машину-то вел?»

– Присаживайся, братуха, не тормози, кукушку простудишь.

Афанасий помог Витьку погрузиться на пассажирское место и сам лихо прыгнул в водительское седло.

«Во здоровья у человека, – оформилась в голове Витька вялая мыслишка. – Только что пил, как лошадь Пржевальского...»

Афанасий выдал газ до пола, но...

Впереди по ходу движения была пробка. И, похоже, пробка серьезная. Редкое явление в периферийном городе, но тем не менее порой имеющее место быть.

– О! – сказал Афанасий. – Никак один тормоз другого протаранил.

И, решительно вывернув руль машины влево, вдавил в пол педаль газа.

Автомобиль глухо рывкнул двигателем и выскочил на встречную полосу.

– Ну что, лохи? Замерим, у кого кишки толще?!

Внедорожник несся по встречке. Буйно веселился и кричал что-то рядом с Витьком безумный водитель, порой совсем отпуская руль, заражая своего пассажира сумасшедшей удалью. И Витек тоже кричал что-то шарахающимся в сторону встречным машинам, молотя ладонями по торпеде, словно играя с водителем в четыре руки барабанный марш смерти...

Сколько прошло времени? Минута? Десять? Пробка давно осталась позади. Наконец Афанасий перестал бесноваться и, свернув направо, косо через две полосы пересек шоссе и остановился у обочины.

– Ну как? Берешь точило?

Он улыбался. В надвигающейся темноте ночи его лицо исчезло. От Афанасия остались лишь шумное дыхание, запах перегара и широкий белый оскал зубов на фоне черного овала.

«Своя жизнь...»

Новая жизнь пахла своей кровью, чужим перегаром, духами Насти и смрадным дыханием Ибрагима у лица.

И мечтой. Которая в той, другой, прежней жизни никогда не сбудется.

– Беру, – сказал Витек.

* * *

Он проснулся от того, что кто-то мягко трогал его голую ступню. Витек дернул ногой, разлепил глаза, глянул смурным со сна взглядом и заорал дурным голосом. И заорешь, когда на тебя из темноты лупятся два желтых глаза, горящих на рогатом силуэте. Со сна мозг выдал – то ли домовый погостить приперся, то ли сам сатана в миниатюре. Инстинктивно Витек лягнул пяткой жуткое привидение, и оно, выкнув утробно, соскочило с кровати и ринулось в сторону полуоткрытой двери балкона.

«Ох ты, черт!»

Витек упал обратно на подушку. Сердце молотилось в груди, словно автомат Калашникова.

– Ты чего орешь? Тронулся?

– Кошак соседский в гости приходил. Напугал, зараза, – отдуваясь, ответил Витек.

– А-а. Это да. Страшнее кошки зверя нет, – сонно протянула Настя. И тут же засопела снова.

«И чего сопит, как паровоз, – с неприязнью подумал Витек, глядя на спящую рядом девушку. – Может, полипы в носу? Франкенштейна, что ль, позвать, чтоб операцию сделал? И ей польза, и студенту практика. „Страшнее кошки зверя нет...” Деловая колбаса. Жаль, что он не тебя за пятку почесал. Во бы визгу-то было».

Разжиревшая луна, бугрясь целлюлитными пятнами кратеров, тупо паялилась в окно. Сон не возвращался. Витек закинул руки за голову и уставился на гипотетический осколок древней планеты. В мутной после вчерашнего голове роились мутные мысли. Каждый знает – это бывает порой, если ночью с похмелья не отрываясь долго смотреть на луну.

«Машину купил... В рассрочку. Спьяну. Во идиот! А чем отдавать? Понятно чем. Еще четырех замочил – от Стаса десятичка. Живи – не хочу. Только долго ли?.. А, в общем-то, какая разница? Если Стас не брешет, Ксеркс вон царь был, и то нарвался. В палатке что – жизнь? Мух гонять до старости да упаковки с молоком разгружать? А тут – на тебе. И тачка, и кабак, и телка...»

Он повернул голову.

Без косметики лежащая рядом голова была... попроще, что ли. А еще от угла рта спящей головы вниз протянулась тоненькая прозрачная дорожка, отсвечивающая серебром в навязчивом свете луны. Под щекой девушки уже собралось приличных размеров темное пятно.

«Ага. А еще она во сне пускает слюни. Мило. Самому во сне не прилипнуть бы. Хотя, Шарлиз Терон, судя по „Жене астронавта”, без штукатурки на морде тоже мышь белая. Так что, слюни – не сопли, Витя, переживешь как-нибудь...»

Внизу на улице раздался звон, как от разбитой камнем лампочки. Потом что-то взвыло надрывно – и тут же смолкло. Внутри Витька шелохнулось нехорошее предчувствие.

«Машина...»

Он вскочил с постели и, на бегу натягивая трусы, ринулся на балкон.

Так и есть. Под потухшим слепым фонарем вокруг его автомобиля копошились темные фигуры.

– Твою мать!!!

Времени обуваться-одеваться не было. Витек выхватил из-под кровати бейсбольную биту – копию сгоревшей в «Караван-сарая» – распахнул дверь и в одних трусах бросился вниз по лестнице.

Вот и подъездная дверь – обшарпанная, битая и драная многими поколениями своих и пришлых алкашей.

«Спокойно, Витя, спокойно, – осадил Витек свой порыв ринуться наружу сломя голову, с криками, воплями и матюгами. – Такого вот бойкого да голосистого заточкой в бочину ткнут – и поминай как звали...»

Он осторожно приоткрыл дверь и ужом скользнул в темноту.

До машины было метров пятьдесят. Луна как раз скрылась за набежавшей тучкой, и угольная чернота ночи была Витьку на руку.

Все получилось. Он прокрался эти метры, прижимаясь к стене дома, и оказался точно за широкой спиной мужика, наконец-то справившегося с дверцей.

– Порядок, – прошептал мужик напарнику, который, затаив дыхание, следил за работой товарища. – И когда, только, падла, успел сигнализацию сменить? О, он и замки на педали соорудил! Вот тебе и лох. Минут двадцать еще провозиться придется...

– Помочь, мужики? – спросил Витек.

«А-а-а-а...» – взвилась у него в голове высокая нота.

Взвилась – и пропала тут же.

Мужики обернулись. У широкого в руке блеснуло что-то длинное типа отвертки.

Но воспользоваться своим оружием он не успел. Бита с еле слышным «ш-шухх!» рассекла воздух и попала ему прямо в лоб. Он рухнул, словно мешок картошки, даже не пикнув.

Его напарник оказался проворнее. Второго акта гуманитарной помощи он ждать не стал, поинтересоваться состоянием здоровья сотоварища тоже не удосужился – только удаляющийся топот подошв от него и остался.

Гнаться за вторым угонщиком Витек не стал. Он прислонил битку к машине и прислушался.

Было тихо. Не хлопнуло нигде окно, не взвыла собака. Не было ни ветерка, ни шороха. Ни той ноты в голове, с которой обычно начиналось...

Что начиналось?

Витек пожал плечами и склонился над телом, распростертом на асфальте.

Лица ударенного было не разобрать. Витек подумал немного, потом решился и обыскал карманы пострадавшего.

Улов оказался неожиданно богатым. Зажигалка «Зиппо», пачка сигарет «Кэмел», портмоне, какие-то ключи и... В кобуре, висящей на поясе угонщика, лежал пистолет.

«Хорошо, что я на них с гиком-визгом не кинулся, – с облегчением подумал Витек. – Лежал бы сейчас вместо этого кекса с дыркой в башке... И хорошо, что вчера хоть и пьяный в дупелину был, а к дяде Коле в автосервис не поленился заскочить».

Он щелкнул зажигалкой.

– Вот тебе... и дежавю... – медленно сказал Витек.

Это был тот самый колючеглазый клон из палатки.

Только сейчас его глаза не были колючими. Они были закрытыми, и изо рта клона не переставая – как вода из забытого крана – тонкой струйкой лилась кровь.

Луна снова выползла из-за тучи. В ее свете кровь на бледном лице переливалась черным.

Общение с Севой Франкенштейном не прошло даром. Витек пощупал шею клона. Шея была холодной и скользкой от кожного сала. И в артериях под кожей уже не было жизни.

– Да, земляк, не рассчитал я маленько, – задумчиво сказал Витек. – Ну, считай, расквитались...

...Старую солдатскую саперную лопатку, купленную невесть когда у какого-то пьяницы на рынке, Галька брала иногда с собой на кладбище, когда ходила туда навестить могилы родителей – подровнять там чего, цветов посадить... Сейчас наличие оной оказалось как нельзя кстати.

Витек утер кровь с лица трупа, побряхтев изрядно, усадил его на пассажирское сиденье, пристегнул ремнем безопасности, сходил домой за лопаткой, оделся, спустился, завел машину и тронулся в путь.

Все это проделал он неторопливо и обстоятельно, как будто всю жизнь только тем и занимался, что перевозил на собственной машине еще теплых покойников. Вспомнилось Стасово: «И все-таки, что ты чувствовал? У всех оно по-разному. Во второй и в третий...»

– Да никак, – вслух сказал Витек.

И ведь действительно – никак. Быстро все как-то получалось, по необходимости и само собой. А насчет мук совести, про которые сестра любила говорить, насмотревшись слезливых сериалов... Витек прислушался к себе. Клеймо на плече побаливало чуток, еще кое-где на туловище места ударенные давали о себе знать. Больше ничего не мучило, не свербило и даже не чесалось.

– Ну и ладушки, – сказал Витек, вырывая на пустынное шоссе. – Умер Максим – да и хрен с ним.

Труп оказался соседом беспокойным. Он то и дело норовил привалиться к Витьку и эдак интимно пристроить свою голову ему на плечо.

– А ты, часом, не голубой был при жизни, братуха? – хмыкнул Витек, пихая труп кулаком в челюсть. Тот хлопнул чем-то и перевалился в противоположную сторону.

– Так-то лучше, – сказал Витек, прибавляя газу. Прямо по курсу уже надвигалась темная полоса леса.

...Сколько лесов в средней полосе? Сколько тысяч-миллионов деревьев? И ежели кто б имел такую возможность и посчитал бы, сколько трупов лежит под ними, не отпетых, не упакованных в сосновые гробы, – со сколькими нулями была б та цифра? А если бы этот кто-то взялся и перезахоронил захороненных по обряду и по совести – то каких бы размеров было то кладбище? Да и хватило бы земли русской на все те могилы?..

Лес как нельзя соответствовал моменту. Абсолютно лысые деревья напоминали колонны в погребальном склепе. К ним как нельзя лучше подошло бы слово «мертвые». И даже не потому, что жухлой осенней листвы почти не было не только на них, но и под ними. Лес был именно мертвым, безжизненным. Это чувствовалось на уровне подсознания. И реши в этом месте прогуляться по лесу жаждущая романтики влюбленная парочка, думается, быстренько ретировались бы влюбленные отсюда, так и не поняв, отчего это у них испортилось настроение и вместо прогулки под сенью деревьев им вдруг жутко захотелось домой к телевизору, пельменям и ста – а лучше двумстам пятидесяти – граммам водочки под те пельмени.

Но Витек сюда приехал не для романтических прогулок, а по делу, как нельзя соответствующему неприветливой ауре леса.

Полная луна светила как заправский прожектор. Даже аварийный автомобильный фонарь, доставшийся от бывшего хозяина в нагрузку к покупке, не понадобился.

Яму Витек вырыл достаточно быстро. Мягкую, размоченную осенними дождями, еще не прихваченную морозами землю упруго резал штык лопаты, легко пластая дерн и мелкие белые корни кустарника.

Витек сгрузил труп в яму, посмотрел на белое лицо покойника, потом размахнулся и несколькими мощными ударами лопаты превратил его в кровавое месиво. Потом подумал, покривился немного и, решившись, двумя короткими ударами отрубил труп кисти рук. На одной из них оказалось массивное золотое кольцо.

– Извини, сосед, – сказал Витек, осторожно, чтоб не перемазаться в крови, снимая с негнущегося пальца кольцо и зашвыривая его подальше. – Так надо. Тебе теперь один хрен, а вот найдут тебя ненароком, опознают, цепочка потянется – кто, да за что... Сам понимаешь, такой последний привет с того света мне без надобности.

Потом он сложил отрубленные кисти на груди трупа ладонями вверх, вылез из ямы, принес из машины канистру, облил бензином дело рук своих, чиркнул забранной у трупа «Зиппой» и бросил ее в могилу. Вспыхнуло пламя, пожирая то, что совсем недавно было человеком.

– Вот она, бренность бытия, – задумчиво повторил Витек где-то от кого-то слышанные слова.

Он вынул из кармана трофейный пистолет, повертел его в руках, подумал и спрятал обратно. В другом кармане были ключи и портмоне. Ключи Витек свинтил с ключницы и поодиночке отправил вслед за перстнем. Кожаная ключница полетела в огонь. Из портмоне Витек достал солидную пачку денег. Подумал немного, потом деньги положил к себе в карман, а портмоне с документами и какими-то бумажками бросил в чадающее вниз пламя.

Прошло минут двадцать. Костер догорел. Внизу, в яме осталась черная, дымящаяся масса. Витек, отворачивая голову от запаха горелого мяса, быстро забросал яму землей и аккуратно пристроил сверху пласты дерна, так, что отойдешь на шаг – и захочешь – не заметишь свежей могилы.

Пистолет он закопал под приметной кривой елью на краю леса рядом с дорогой, предварительно стерев с него гипотетические отпечатки пальцев и завернув в протертый со всех сторон полиэтиленовый пакет – так, на всякий случай. Пусть будет...

...Настя так и не проснулась. Темное пятно на подушке под ее щекой стало существенно больше.

Витек удовлетворенно хрюкнул и, не раздеваясь, пошел на кухню, осторожно прикрыв за собой дверь. Там он постоял некоторое время в полосе лунного света, закрыв глаза и слушая собственное сердце, которое только сейчас вдруг ни с того ни с сего начало неистово колотиться о ребра. Потом подошел к раковине и долго мыл руки, оттирая их губкой для посуды. Ему все казалось, что на пальцах остался жир с нездоровой кожи мертвого клона.

Наконец, когда собственная кожа на ладонях начала гореть, он наклонился, плеснул водой себе в лицо, вытерся полотенцем, сел за стол и только сейчас почувствовал, как он устал.

Руки и ноги налились свинцом. Витек понял, что сил встать у него уже не будет. Он положил руки на стол, пристроил на них голову... Но, вспомнив что-то, тряхнул головой, отгоняя сон, и, сунув руку в карман, извлек из него пачку денег и положил ее перед собой в полосу яркого лунного света.

С верхней банкноты на Витька высокомерно смотрел американский президент, похожий на Петра Первого из школьного учебника истории.

Зеленая пачка лежала на столе, перетянутая посередине черной резинкой, какой до перестройки продавцы в магазинах перехватывали куски мороженого мяса, завернутого в прозрачную пленку.

Витек осторожно, словно шкурку с убитой, но еще трепыхающейся кобры, снял резинку с пачки и пересчитал деньги.

В пачке было восемь тысяч долларов.

* * *

На этот раз его снова обыскивали. Причем так, как обыскивали бы, наверное, модного террориста Бен Ладена, вздумавшего вдруг покинуть свой секретный бункер и посетить продвинутый провинциальный клуб с целью качнуть тело, измученное борьбой с мировым империализмом.

Александра, встретившая Витька у входа, была немногословна и подчеркнуто отчужденна. Она молча кивнула, проводила его до лифта, при помощи браслета активизировала кабину и так же молча удалилась, как только Витек перешагнул порог спортзала, находящегося под громадным комплексом центра. Все это время Витька не покидало ощущение, что его не сопровождают, а конвоируют. Потому и завязывать беседу не хотелось.

«Подумаешь, цаца какая. Ни слова, ни полслова, будто и незнакомы вовсе. Ну, не хотите – как хотите. Навязываться не буду».

Стас был в зале и на этот раз с остервенением молотил ростовой мешок, сшитый из грубой воловьей кожи. На мешке белой краской были нарисованы лицо и торс человека, словно крупными чирьями усыпанные белыми точками. Стас с поразительной скоростью и проворством двигался вокруг снаряда, нанося молниеносные удары по точкам кулаками, предплечьями, ребрами ладоней, голеньями, коленями...

Мешок корчился под ударами, жалобно звякали цепи подвески, и хлестко врезались в снаряд кулаки, набитые до твердости лошадиного копыта, оставляя в толстой коже глубокие вмятины.

Витек невольно залюбовался этим танцем смерти. То, что это именно танец смерти, сомнений не было. Потому как такой удар – выверенный годами тренировок, с вложением всех ста двадцати – ста тридцати килограмм литых мускулов, да еще туда, куда надо, и к тому же голым кулаком, не защищенным боксерской перчаткой или хотя бы каратистским «блинчиком», – это, скорее всего, смерть. Или страшное увечье на всю жизнь. И еще неизвестно, что хуже.

Стас нанес прямой удар предплечьем в грудь нарисованной жертвы – и одна из цепей не выдержала, лопнув с натужным звоном. Мешок провис набок. Стас с досадой пнул снаряд, матюгнувшись, повернулся, взял с рядом стоящей скамьи полотенце – и тут увидел Витька.

Витек не стал дожидаться покровительственных взмахов хозяйской длани и шагнул вперед.

Стас снова не счел нужным поприветствовать гостя.

– Люблю этот удар, – кивнул он на грушу. – Если проходит – то все. Или ребрам кирдык, или трахее. Куда попадешь, значит, тому и кирдык. И по-любому, тому, кому он прошел, звезд. А знаешь, откуда я его взял? Из тупой компьютерной игрушки типа «Мортал комбата». Век живи – век учись.

Что такое «Мортал комбат», Витек не знал и потому информацией не проникся. Хотя удар, надо признать, был впечатляющий. Стоило запомнить и отработать на досуге.

Стаса же, похоже, невниманье к его познаниям в науке набить лицо ближнему слегка задело. Он бесцеремонно начал вытираться полотенцем, не забывая подмышки и нимало не стесняясь присутствия гостя.

– Так чем обязан? – спросил он, не прерывая своего занятия тоном типа: «А не пора ли вам, юноша, по известному адресу?»

– Я Афанасию долг пришел вернуть, – скучно сказал Витек.

– Какой такой долг? – удивился Стас, нюхая полотенце и недовольно морща при этом нос.

– Я у него машину купил. И денег остался должен. Пришел вернуть, – механическим голосом говорящего автомата объяснил Витек.

– Это его табуретку на колесах, что ли? И за сколь прибарахлился?

– За шестнадцать.

– Круто, – усмехнулся Стас. – И откуда же у вас, молодой человек, позвольте поинтересоваться, такие деньги?

– Заработал, – по-прежнему безразлично ответил Витек.

Стас отложил полотенце, присел на скамью и потер лоб.

– Ну, заработал, так давай мне. Я передам.

Витек покачал головой.

– Я ему должен. Ему и отдам.

– Не доверяешь, значит?

Витек молчал.

– Не доверяешь. И правильно делаешь. Как говорил цыган в анекдоте, никому верить нельзя, самому себе верить нельзя...

И заорал неожиданно и зычно:

– Афанасий!!! А-фа-на-сий!!! Эй там, еп-перный театр, Афоню позовите кто-нибудь!

Из-за стеклянной перегородки, за которой по-прежнему глухо трещали выстрелы, словно чертик из табакерки, выскочил Афанасий в грязном пятнистом камуфляже. При виде гостя на лице его промелькнула легкая ухмылка.

– Тебе долг принесли, – сказал Стас, кивая в сторону Витьки.

– Весь? – изумился Афанасий. Ухмылку с его лица как ветром сдуло.

– Весь, – сказал Витек, доставая из кармана пачку долларов, перетянутую черной резинкой. – Восемь тысяч.

– Так, – сказал Афанасий, слегка меняясь в лице. Он взял деньги, повертел их, отыскивая что-то, одному ему ведомое, и, отыскав, с глухим «У-ф-ф!» опустил на скамью рядом со Стасом.

– Настоящие? – кивнул на деньги Стас.

– Самые что ни на есть, – покачал головой Афанасий. – Настоящее не бывает.

Он оторвал взгляд от пачки и уставился на Витьку.

– А теперь давай начистоту, парень. Что с Дрыном?

– С кем? – не понял Витек.

– С Дрыном. Это ты у него деньги отобрал?

– Эти – деньги – я – заработал, – раздельно каждое слово повторил Витек. – И вернул тебе долг. А как я их заработал – это не твое дело.

Ноздри Афанасия начали раздуваться. Сейчас он совсем не был похож на деревенского увальня. На скамье сидел матерый уголовник, реально собирающийся «мочить» вконец оборзевшего «фраера».

Но «мочить фраера» ему не дали.

Стас положил тяжелую руку на плечо Афанасия.

– Остынь, братуха, – сказал он. – Как ни крути – а Виктор прав. Хошь по понятиям, хошь по жизни.

– Так он же...

– Итак, Виктор, – перебил Афанасия Стас. – Ты мое предложение обдумал?

– Это насчет работы? – мрачно поинтересовался Витек.

– Это насчет нее.

– А у меня есть выбор?

– Честно говоря, вряд ли, – хмыкнул Стас.

– Понятно. Ну, если подлянки свои прекратите – то можно попробовать.

Стас рассмеялся.

– Подлянки? Ты о чем это, Витя?

– Сами знаете о чем, – хмуро ответил Витек. – Что ни день – не ты, так твои мордовороты как лоха обуть пытаются.

– Так лох – он для того и существует, чтоб его обувать, – вкрадчиво сказал Стас. – Это своих обувать западло.

– Я теперь свой?

– Теперь да.

– А денег своим сколько платят?

– Две штуки в месяц для начала тебя устроят? Плюс премиальные. За особые задания.

– Две штуки чем? Долларами?

– Нет, керенками.

– Если долларами, то устроит. Правда, смотря чего делать надо.

– Для начала домой иди, – сказал Стас. – Отдохни, трахни там кого-нибудь, в кабак сходи – только не нажирайся. С завтрашнего дня у тебя начнется веселая жизнь. В десять ноль-ноль будь любезен быть здесь.

Витек не заставил себя долго упрашивать.

С шипением закрылись за ним бронированные створки.

Афанасий резко повернулся к Стасу.

– Не, ну теперь ты мне скажешь, на кой тебе сдался этот валенок? – резко спросил он.

На поясе Стаса зазвонил мобильник. Стас махнул рукой Афанасию – подожди, мол, – и щелкнул трубкой.

– Да, слушаю.

– Стас! – завопила трубка. – Это Длинный! Тут такое, блин!!!... Не, ну такое!..

– Короче, – потребовал Стас.

– Ну, мы с Дрыном вчера начали...

– Подробности не по телефону.

– Ну, короче, все как ты сказал. Только, значит, вскрыли, так вылетает этот лох. Я в темноте не разобрал, но, по-моему, он Дрыну каким-то дрыном в лобешник засветил, аж треск пошел. Дрын с катушек – хлоп.

– Дрыну дрыном – это сильно. А ты?

– Ну это... он и меня приложил... так, что я еле-еле смог ноги сделать. А меня ментовской патруль через квартал тормознул – куда бежишь, зачем бежишь. Короче, пока они там все про меня выяснили, я всю ночь в обезьяннике просидел. Только откинулся – и сразу тебе звонить. Стас, это... слушай, по ходу, лох Дрына вглухую сделал – у него башка в натуре как арбуз затрещала...

Стас не дослушал возбужденные вопли, доносящиеся из трубки, и медленно задвинул назад крышку мобильного.

– Что-то типа этого я и ожидал, – задумчиво произнес он. – А вот тебе и ответ, Афоня, на все твои вопросы. Лох-то наш за неделю пятерых человек завалил. Такой лох – он дорогого стоит.

– Это точно, – сказал Афанасий. – Только что ж это получается? Он Дрына грохнул и мне же вернул мои бабки, которые я Дрыну дал за то, чтоб он мою тачку дернул и мне пригнал? У меня ж клиент заряжен, который за мое точило с ходу двадцатку грина дает! А я, выходит, твоему Вите его за восемь продал?

Стас развел руками.

– Теперь уж ничего не попишешь. Твоя была идея. Бывает.

Афанасий расвирепел.

– Да я ж еще своим гаишникам триста грин за спектакль отстегнул! Да я его..! Да он мне..!

– погоди, Афоня, охлони.

Стас похлопал Афанасия по загривку, словно хозяин брыкающегося коня.

– Ты ж все бабла влегкую срубить хочешь...

– А кто этого не хочет? – окрысился Афанасий. – Ты, что ли, не хочешь?

Стас рассмеялся.

– Ежели хочется бабла легкого да чтоб по жизни сидеть в тепле и ни фига не делать, для этого много учиться надо. Фидлера с Кортасаром читать, слова умные учить, типа там – симулякр или, скажем, дискурсы легитимации...

– Не, такой фени мне не освоить, – покачал головой Афанасий.

– Понятно. Тогда, выходит, книжки писать – это не твое. А то подумай. За книжки с симулякрами иные писатели в столице за раз по сотке косарей грина отхватывают.

– Да ну?! Не звездишь?

– Скажем, век воли не видать тебя устроит?

– Ну, блин...

– Но если с книжками никак, можно проще, – сказал Стас. – Тогда ребенка роди.

– Чего? – выпучил глаза Афанасий. – Ты чо, в натуре...

– А ты меня, Афоня, натурой не пугай, – спокойно глядя в глаза собеседнику, сказал Стас. – Я этого добра много бачив. К тому же, ты не догнал. Вот Арнольд Шварценеггер – он когда знаменитым стал?

– Когда? – спросил уже ничего не понимающий Афанасий.

– Не тогда, когда Терминатора с Конаном сыграл, а когда на экране сначала девственником стал, а потом ребенка родил. В Штатах эта тема в принципе приветствуется. Когда мужик вместо бабы шарашит и помаленьку в нее превращается. А ты не теряйся и скопируй тему. Мышц тебе не занимать, и челюстью ты на Шварца схожий. Роди спиногрыза в натуре. За это дело мужику там сразу премия выписывается. Миллион долларов. Чарли Чаплин, покойник, завещал. А там, глядишь, тоже губернатором какого-нибудь штата сделаешься.

– Угу, – хмыкнул Афанасий. – Ты меня сначала на ПМЖ в Штаты определи, а там я тебе хошь ребенка, хошь сразу Мэрилин Монро детородного возраста организую.

– Из ребра?

– Чо?

- Через плечо и на охоту. Мэрилин Монро из ребра организуешь?
- Афанасий самодовольно хмыкнул.
- Будь я ихним гражданином, я б и баб, и бабки не только из ребер – из воздуха делал. Да мне бы и грин-карты хватило.
- Ну, ты прям Гудини...
- Афанасий резко подался вперед.
- То есть ты понял то, что сейчас прогнал? – свистящим шепотом прошипел он. Рукоять охотничьего ножа словно невзначай высунулась из-под полы его куртки.
- В смысле? – неподдельно удивился Стас. – Фокусников не любишь?
- Афанасий наморщил лоб.
- Каких таких фокусников?
- Гарри Гудини был известным американским иллюзионистом.
- Стас почесал в затылке.
- Точно?
- Ну да. А в чем проблема?
- Вот черт, – почесал затылок Афанасий. – Это я попутался маленько. Не догнал, что ты не при делах. У нас в зоне Гудини машик называли.
- А при чем здесь матрацы и американский фокусник?
- Да не матрацы, а опущенных. Которые в гудок долбятся.
- Стас хмыкнул.
- Да уж. Интересные ассоциации. Но, вернувшись к теме базара, придется прийти к тому, что нету у тебя грин-карты. И пока ты не Иисус, а Афоня, пусть Витя побудет с нами, – подытожил Стас. – Подождем, присмотримся, а там и думать будем, что дальше с ним делать.
- А мне что, пешком ходить, пока ты к нему присматриваться будешь?! – взревел Афанасий.
- Ну, зачем пешком, – спокойно сказал Стас. – В гараже возьми пока белую «десятку» – и пользуйся на здоровье, пока что-нибудь новое себе не присмотришь.
- Мне?! На «десятку»?!
- Ну, уж не обессудь, братуха, – жестко сказал Стас, вставая со скамьи. – И на этом скажи спасибо. Сам лоханулся – сам и расхлебывай.
- Стас забросил на плечо полотенце и направился к огромному зеркалу, которое автоматически отъехало в сторону, открывая дверной проем.
- Понятно, – тихо пробормотал Афанасий ему вслед. – Сам лоханулся – сам и расхлебывай...
- Афанасий покатал на языке фразу, недоуменно качая головой. Фраза ему определенно не нравилась.
- Не, ну все-таки скажи – на кой тебе этот лошок уперся? – упрямо бросил он Стасу в спину.
- Стас остановился, обернулся и сказал терпеливо и с расстановкой, как объясняет очевидное учитель напроць бестолковому двоечнику.
- Я ж тебе уже все сказал, Афоня. Ежели лох за неделю пятерых завалил – он уже не лох, а мокрушник. А коли он при всем при этом живой и мусорами не закрытый – то это уже не просто мокрушник, а киллер-профессионал.
- Был бы он не закрытый, если б не твои связи в ментовке, – проворчал Афанасий.
- Это да. Но хрен бы его менты вычислили, если б он тогда, когда Саида мочил, не выл, как волчара, на всю Ивановскую. Тот мудель, который его сдал, то ли время перепутал, то ли место не то указал. То ли Витек спецам и время, и место не то назвал. А факт то, что только по вою его менты и вычислили. С кем не бывает по первости. Себя вспомни.

– Да уж, завывает он жутко, – согласился Афанасий. – Когда он того черного здесь мочил – даже меня пробрало. Я тебе и говорю – крытый он на всю голову. Валишь его надо, пока не поздно.

– Это тебе твое точило обратно очень хочется, – рассмеялся Стас. – Сказано – подождем. Валишь – это всегда успеется.

* * *

Тысячу долларов он разменял в ближайшем обменнике. Почта тоже была рядом, и десять тысяч рублей Витек отправил сестре в деревню, рассудив здраво, что ежели отправить больше, то Галка сдуру сразу же примчится обратно – мол, коли такие деньги шлет, то точно – влип братец в историю по самые уши. А может, и не примчится. Может, не отошла еще от событий недавних. Но по-любому, рисковать не стоило. Не нужно сестре всего этого – Стаса, Насти, навороченных авто, новой странной Витьковой работы...

«А мне оно нужно?»

Желудок подал сигнал снизу. Что, может, все это и не нужно, но кушать-то надо регулярно.

В старом универмаге, теперь гордо именуемом «Супермаркет», Витек, погруженный в свои мысли, на автомате купил батон хлеба, пакет сока и пару банок чего-то консервированного с красивой иностранной наклейкой на боку.

Машину свою, отбитую ночью у угонщиков и слегка ими подпорченную, Витек еще с утра сдал в автосервис. А автобуса как назло не было и в помине. Две бабки на остановке, кутающиеся в ветхие демисезонные пальто, ругали отсутствующий общественный транспорт, высказываясь громко и нелитературно.

Визгливые старушечьи голоса мешали думать и действовали на нервы. Витек нерешительно поднял руку.

Первый же проезжавший мимо «жигуль» услужливо повернул в сторону невзрачно одетого паренька.

«Пахну я, что ли, этими баксами?» – подумал Витек. Прежде, во времена хронического безденежья, поимка бомбилы в редчайших суперэкстренных случаях была делом томительным и почти безнадежным.

Старухи на остановке тут же забыли про автобус и переключились на Витька.

– Зажирели, буржуи! Напились нашей кровушки, по миру пустили, а теперь на антомобилиях разъезжают! Молодой, постеснялся бы...

Витек резко захлопнул дверь.

– Во плесень здорова выступать!

За рулем сидел жизнерадостный дедок неопределенного возраста. Можно было ему и шестьдесят дать, можно и восемьдесят, но от дедка шли почти осязаемые волны упругой энергии. Весь он был какой-то шустрый, вертлявый, не по возрасту полный сил. Не сиделось ему на месте. Казалось, сейчас выскочит дед на полном ходу и помчится рядом со своей лохматой, но ухоженной «шестеркой», чуть придерживая ее за руль, чтоб с дороги в кювет не свалилась.

– Всем недовольны, клюшки старые. Все по коммунизму тоскуют. А дело-то не в коммунизме. Им кто виноват? В молодости нарожали придурков, а те теперь в подъездах квасят на троих да у мамок пенсии воруют, когда на пузырь не хватает. Воспитывать надо было своих абортков, а теперь поздно мандеть да слюнями брызгаться. Вот у меня сын – автомойку собрал своими руками, свой бизнес открыл. Дочку я за нового русского отдал. И сам вот работаю. И не потому, что денег мало, – детям спасибо, не забывают старика, – а потому, что не привык без дела на чужой шее сидеть. Двух любовниц молодых имею – их года вместе сложить, как раз мои и будут. Я ж всю войну прошел, три дырки в организме фрицы проковыряли, желудок

мне хирурги напрочь отстригли, кишки вместе сшили – и все живой. И жить буду, потому что жить хочу, а не гнить...

Витек не любил общаться со стариками. Разные поколения – разные интересы, другой взгляд на вещи, непонимание и часто нежелание понимать... А тут слушал – и восхищался.

– Бать, а убивать тебе на войне приходилось? – спросил.

– А как же? – живо отозвался дедок. – Пяток фрицев вот этой самой рукой на тот свет отправил.

«Пяток. За всю войну. А я – за неделю».

– И как?

– Что «как»? – удивился дед.

– Ну... как оно потом?

– Потом? А никак. Ты когда клопа раздавишь – как оно?

– Никак, – пожал плечами Витек.

– Вот и здесь – никак. Клоп – он есть зверь прямо человеку противоположный. Крова-
пийца и паразит.

Дед внимательно посмотрел на Витька.

– И когда паразита давишь, думать об нем не надо. Дави и все. Понял?

– Понял, – сказал Витек.

– А если понял, то поосторожней там. Клопы – они твари кусучие, – серьезно сказал дед.

– О чем это ты, отец? – насторожился Витек.

– Да так. Глаза у тебя... наши. Люди – они не на коммунистов и социалистов делятся, а на тех, кому приходилось и кому – нет... Тебе, вижу, приходилось... И, видать, придется еще... Да ты меня, дурака старого, не слушай.

Дед снова стал веселым и беззаботным.

– У тебя кто?

– В смысле? – слегка опешил Витек.

– Ну, порода какая? – кивнул дед на пакет в руках Витька, из которого выглядывал цве-
тастый бок импортной консервы.

– Порода?

– Консервы кому везешь?

– Себе везу.

– Себе? – приподнял густые брови дед. – Хотя оно и правильно. Людям чего в консервы суют? Требуху да пащину. А в собачью попробуй какую гадость запхнуть. Псина сожрет, око-
леет – да что околет? Прихворнет – и назавтра ж хозяин той псины всю их консервную бога-
дельню в лоскуты порвет...

Витек вытащил из пакета банку, повертел ее в руках. И правда, под крупной заморской
надписью имелась надпись мелкая, наша. Настолько мелкая, что без лупы и соваться не стоит.

– Действительно, собачья, – подивился Витек такому чуду. – Может, выбросить?

– И не вздумай! – посоветовал дед. – Самый качественный продукт. И дешево и сердито.
Мои две овчарки – в смысле, не бабы, а собаки – трескают их так, что за уши не оттянешь. А
собака – она не человек. Она зверюга мудрая, абы что жрать не станет...

За разговорами Витек и не заметил, как доехали. Дед лихо тормознул у Витькова подь-
езда.

– Ну, удачи тебе, сынок.

Витек полез в карман и вытащил пятисотенную.

– Спасибо, батя.

– Не надо.

Дед отвел в сторону Витькову руку.

– Со своих не беру.

– Да ты что, отец, – обиделся Витек. – Что ж я, совсем без совести?

– А у тебя что, лишние?

– Ну...

– Вот тебе и ну, – веско сказал дедок. – Тоже мне, миллионер. Куртку себе купи новую. А деньги не транжирь. Деньги – это, парень, независимость от всяких козлов и уродов. Короче, давай, выметайся из машины. У меня и без тебя дел море...

Витек спорить далее не стал и послушно вымелся, но, закрывая дверь, незаметно уронил купюру внутрь салона.

...Консервы действительно оказались очень даже ничего. Витек еще в лифте оторвал этикетки, и не особо сведущая в кулинарных изысках Настя ничего не заметила. Так что собачий корм употребился на ужин за милую душу...

А ночью пришли они. Все пятеро.

Лунный свет мертво лился в окно, и они стояли около Витьковой кровати черными силуэтами на грани призрачного света и темноты.

Их лиц не было видно, но Витек точно знал, кто это.

Они не двигались – они просто смотрели на него, и Витек кожей чувствовал их взгляды. И лежал, притаившись, боясь пошевелиться.

И ждал.

Но они молчали. И жутко было их молчание в наполненной тишиной комнате.

Витек не видел ничего – он струнами натянутых нервов почувствовал движение.

Капля темной крови скатилась по щеке одного из трупов и, тягуче упав вниз, расплылась на подушке рядом с лицом Витька.

И тут он не выдержал и закричал.

И проснулся от собственного крика.

– Ты чо, совсем ошалел? – заполошно заорала спросонья Настя. – Псих ненормальный!!!

Витек не отвечал. Он молча смотрел на то место, где только что стояли привидения из его сна.

На языке было солоно, и больно саднила губа, видимо, прикушенная во сне. Витек протянул руку к выключателю ночника и щелкнул клавишей.

Яркий свет залил комнату, разогнав по углам ночные тени.

На его подушке ярко алело не успевшее впитаться в наволочку пятно свежей крови.

* * *

Кондуктор – толстая, убойного вида бабечка в комиссарской кожанке – подошла и воззрилась на него взглядом осатаневшей Фемиды. Витек непонимающе уставился на нее в ответ.

– Обкололся? Или просто крыша едет? – поинтересовалась кондуктор, сверху донизу сканируя взглядом фигуру Витька.

Витек все равно не понимал, чего от него хотят.

– Деньги платить будем? – ласково спросила Фемида, прожигая Витька насквозь глазами водянистыми, как у селедки.

Витек медленно полез в карман и достал оттуда двадцать долларов.

– Точно обкололся, – удовлетворенно констатировала Фемида. – Щас довыпендриваешься. Вот доедем до конечной – наряды милиции сдам. И даже не пытайся смыться. Здесь тебе не Америка. Двину раз – мало не покажется.

Народ в автобусе заинтересованно завертел головами. Витек, двигаясь рвано и бестолково, как сомнамбула, снова залез в карман и вытащил оттуда пригоршню мелочи.

– Давно бы так, – зло сказала кондукторша, сгребая мелочь с его ладони и не считая сыпая ее к себе в сумку. – А то все строят из себя...

...Он так и, не заснул, больше прошлой ночью.

Мертвецы стояли в мутной полосе лунного света. Их неподвижные силуэты не шли у Витька из головы все утро. И ничто не могло прогнать из головы эту жуткую картину...

Он не знал, куда и зачем едет. Только вот если лежать, спрятав лицо в подушку, они начинали давить сильнее. Не приближаясь. Да и как может приблизиться тот, кого нет? Витек два раза заставлял себя оторвать от подушки голову и посмотреть.

Рядом с кроватью никого не было. Но в то же время они были. Давили грудь, корежили что-то внутри, выдавливая из легких собачий скулеж и молча подталкивая к окну.

– Иди туда, – беззвучно шептали они. – Открой окно. Сделай один шаг – и все кончится...

Он не помнил, как сорвался с кровати, как оделся, как доехал до клуба. Он немного пришел в себя только тогда, когда Стас довольно сильно ткнул ему кулаком в грудь.

– Ты опоздал, – жестко сказал Стас. Потом заглянул ему в глаза.

– Так, так, – пробормотал он себе под нос после непродолжительной паузы. – И, похоже, помимо всего прочего у тебя едет крыша.

В первый раз в жизни Витьку не захотелось ударить в ответ. Ему было все равно.

Стас задумчиво смотрел на Витька.

– А я все ждал, когда оно начнется, – сказал он. – Это только в плохих романах какой-нибудь продавец пирожных ни с того ни с сего вдруг заделывается крутым мокрушником. Косит всех налево-направо вандаммовскими «вертушками» в прыжке, пьет водку как лошадь, курит как паровоз, и все ему по барабану... В жизни у всех оно обычно начинается после второго или третьего раза. А ты вишь какой неординарный оказался... Аж после пятого накрыло. Они приходили?

Витек молча кивнул.

– Они ко всем приходят, – хмыкнул Стас. – И тогда присутствуют два варианта развития событий. Короче, все то же самое, что и с живыми. Или ты их, или они тебя. В последнем случае существовать далее будешь в номере с мягкими стенами и приходящими злыми санитарями...

Ну что ж, братуха, – хлопнул Стас Витька по плечу. – Теперь, значит, будем тебя лечить. Не хотел я тебя к этому делу подтягивать, да, видать, придется. Как говорят индусы, совпадения не бывает, ибо все события в твоей жизни предначертаны и расписаны наперед. Причем на обратной стороне лба. Пошли.

Он направился к стеклянной перегородке, пересекающей надвое громадный спортзал. Витек постоял немного на месте, потом равнодушно пошел за ним. Слушать Стаса было лучше, чем слушать их.

– Я называю это аквариумом, – кивнул Стас на тоже стеклянную входную дверь, заляпанную с обратной стороны грязно-зелено-бурыми разводами. Впрочем, такими разводами была вымазана изнутри вся когда-то, видимо, бывшая прозрачной стена.

Стас взялся за ручку, заметно напрягся и открыл дверь. Дверь оказалась толщиной сантиметров в двадцать.

– Заходи, – кивнул он Витьку, придерживая дверь.

Витек вяло повиновался.

Это был полигон.

С настоящими, побитыми пулями засохшими деревьями, парой изуродованных очередями одноэтажных бревенчатых домов и большими кучами разнообразного габаритного мусора, разбросанными там и сям и тоже носящими следы усиленной огневой подготовки. Стальные шины от колес грузовиков, какие-то толстые деревянные щиты с грубо намаляванными на них фигурами, куски бетона и фрагменты кирпичной кладки... Это был хаос, напоминающий фантастические картины будущего после ядерной войны. Но это был на удивление упорядоченный хаос. Словно кто-то заранее продумывал, куда и как поставить тот или иной обломок с какой-то одному ему ведомой целью.

– Мой сад камней номер два, – усмехнулся Стас. – Многофункциональный тир. Стрельба и метание ножей по живым и неживым мишеням не отходя от кассы.

Он пошел дальше и завернул за угол изрешеченного пулями дома. Витек, словно привязанный, последовал за ним.

За домом, валяжно развалившись в антикварном кресле, сидел Афанасий, машинально выстукивая ногтями неслышный вальс на рукоятке своего «Узи». В его лапище автомат казался предметом мелким и несерьезным, пригодным только разве что для массажа подушечек пальцев или сосредоточенного ковыряния стволом в носу.

Рядом с креслом, заполненным мощным телом Афанасия, находилась пара кресел пустых аналогичного возраста и конфигурации. У ног Афанасия стояло эмалированное ведро, накрытое крышкой. В таких ведрах домохозяйки солят капусту на зиму и ходят с ними к колонке за водой, когда таковую отключает домоуправление в связи с очередной аварией.

Афанасий был занят тем, что с глубокомысленным видом созерцал стену многострадального бревенчатого строения, напротив которой он, собственно, и расположился. Витек еще успел вяло подумать, мол, с чего бы это у матерого бандюгана такой умный вид – вроде бы не буддист и на последователя Хуан Ши-Гуна не смахивает даже отдаленно.

Он сделал еще несколько шагов вслед за Стасом – и увидел причину мечтательных взоров Афанасия.

В стену дома были вбиты восемь мощных альпинистских костылей, образующих два больших квадрата. К вершинам квадратов были крепко привязаны руки и ноги двоих человек, похожих своими позами на космонавтов, которых забыли снять с тренировочной центрифуги.

Один из распятых был бизнесменом с головы до привязанных к костылям ног. Классическим «новым русским», какими их любят изображать в карикатурах «Московского комсомольца». Толстеньким, маленьким, грозным, наверное, в своих владениях и отчаянно испуганным сейчас, с залысынами на голове и золотыми запонками на помятой шелковой рубашке, выглядывавшей из рукавов кожаного пиджака, слегка выпачканного, побитого и порванного силами лихого Стасова воинства. Понятное дело, что не пиджак лупцевали Стасовы люди, а того, кто был внутри. И лупцевание сие было добросовестным и основательным, ибо по виду хозяина пиджака было ясно, что он уже готов на все – хошь Коньком-горбунком на четвереньках вприпрыжку да по кругу сотню верст нарезать по пересеченной местности полигона, хошь языком до блеска бриллиантового отполировать пыльные прыжковые ботинки Афанасия, включая ребристую каучуковую подошву.

Второй распятый был худощавым молодым человеком с лицом, старательно ухоженным дорогими косметологами. Настолько ухоженным, что это наводило на определенные мысли. Он тоже был хорошо одет. Черный костюм от Армани, черная рубашка той же фирмы, черные дорогие ботинки. Набриолиненные волосы молодого человека, когда-то старательно зачесанные назад, теперь скорбно свисали смоляными сосульками по обеим сторонам гордо откинутой назад головы. Глаза пленника горели неестественным кокаиновым огнем, метая в сторону медитирующего Афанасия почти ощутимые молнии. Гневные слова клочкотали в горле распятого, но кожаный кляп, ввернутый в рот по самые гланды, не давал им вырваться наружу.

– Присаживайся, – невозмутимо кивнул Стас Витьку на крайнее кресло, сам опускаясь на центральное и закидывая ногу на ногу. – Как тебе натюрморт?

Витек неопределенно пожал плечами.

Ему было никак. Ему было наплевать и на Стаса, и на его натюрморты. Он чувствовал, что еще немного – и он провалится в какую-то другую реальность, и в данный момент реальность теперешняя была непривычно-отстраненной, словно он действительно сидел в аквариуме и сквозь прозрачное, но толстое стекло смотрел на окружающий мир. Беззвучные голоса шептали, звали куда-то, шелестели в голове, но голос Стаса был, безусловно, громче всех других голосов, и только это еще удерживало Витьку на самом краю пропасти.

Однако картина была слишком уж неординарной, и искорка интереса все ж таки промелькнула во взгляде Витька.

– За что ты их так? – тусклым голосом спросил он.

– Хороший вопрос, Виктор, – ответил Стас. – А как их надо было иначе?

Он наклонился и поднял крышку ведра.

– Взгляни.

Витек послушно перевел глаза – и вздрогнул.

В ведре лежала отрубленная голова маленькой девочки, голубыми застывшими глазами удивленно смотрящая сквозь Витька куда-то очень далеко, в высокий потолок спортзала. Розово-бурый от крови бант мертвой бабочкой присох к ее щеке, закрывая краем треть глаза, и Витьку вдруг захотелось смахнуть с лица девочки жуткое шелковое насекомое. Он нагнулся – но Стас рывком усадил его на место и резко закрыл крышку ведра.

– Их работа, – кивнул он на распятых. – Эта худая тварь поставляла детей твари жирной и таким, как он. А потом, когда жирный с ними наиграется, он детишек фасовал по частям и или закапывал, или топил. А может, в котлеты определял. У него в Москве ресторан свой имеется в качестве неосновного бизнеса...

Лицо черного человека побагровело. Он напрягся, как штангист перед рывком, и с утробным звуком изрыгнул кляп. Кожаная, пропитанная слюнями тряпка, видимо, оторванная от пиджака жирного, дохлой жабой шлепнулась под ноги Стаса.

– А ты! – захлебываясь наконец-то вырвавшимися на волю словами заверещал распятый. – Ты что, чистенький?! Такой же, как все, живоглот! Иисус Навин хренов! Робин Гуда из себя корчишь? Так и скажи – долю тебе не предложили, вот ты и изгаляешься! Сколько ты хочешь?! Пятьдесят штук? Сто?..

Афанасий медленно встал со своего места и лениво махнул автоматом, словно сгонял с лица молодого человека надоедливую муху. Голова распятого резко мотнулась влево, с глухим стуком впечаталась в стену и безжизненно упала на грудь.

Афанасий укоризненно покачал бритой башкой, посмотрел на валяющийся у ног Стаса слюнявый кляп, скривился, одним движением оторвал от пиджака бизнесмена другой карман, старательно свернул его в трубочку и ловко ввернул в безвольный рот молодого человека, потерявшего сознание от страшного удара стволом автомата.

Лицо Стаса перекосила брезгливая гримаса.

– Такой же, как все, – зло сплюнул он. – Ишь, пидор гнойный, разговорился.

Другая реальность, шипя мертвыми голосами, отступила на задний план. Витек повернул голову и посмотрел на Стаса.

– А он не прав?

Но Стас уже взял себя в руки. Его не так-то просто было вывести из себя.

– Конечно, прав, – сказал он. – Только со своей колокольни. Знаешь, Виктор, один неглупый иностранный парень по имени Карлос сказал, что существующий мир есть не что иное, как его описание. То есть любая общепринятая истина истиной не будет, если ее описать по-другому...

– А мне Ленин больше нравится, – встрял в монолог Стаса Афанасий. – В статье «Как реорганизовать Рабкрин» он написал: «Было бы ошибкой думать...»

Афанасий громко и заливисто засмеялся над собственной шуткой.

– Ты что, книжки никак читать начал? – удивился Стас.

– Не-а. В отрывном календаре было. В юмористическом.

– Тогда понятно, – кивнул Стас. – Только на эту тему у Экклезиаста лучше: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

– А мне вся эта заумь по хрен, – зевнул Афанасий. – И вообще, по-моему, ты, Стас, в натуре заморачиваешься. Грохнули б давно этих кексов, в бетон закатали – и по бабам. А то Ленин, Экклезиаст... Так и самому себе собственную кукушку свернуть недолго.

Стас ничего не ответил и повернулся к Витьку.

– Так вот, насчет описания мира. Взять того же Робин Гуда, о котором упомянул вон тот юноша бледный со взором горящим. Тот Робин с фамилией, которая в переводе означает «хороший», несомненно, личность в высшей степени романтическая, героическая и априори достойная уважения. Защитник угнетенных, экспроприатор экспроприаторов и все такое. А с точки зрения тогдашнего правительства графства Йорк – бандит, душегуб, по-современному руководитель организованной преступной группировки. И где истина?

Витька почему-то заинтересовала тема. Он даже ожил немного.

– А этот... Иисус?

– Иисус Навин? Из той же серии. Библейский полководец, который, несмотря на то что Бог сказал ему тщательно хранить и выполнять закон, который завещал Моисей, – то есть заповеди, и «не убий» в том числе – вырезавший море народу для того, чтоб евреям комфортно жилось в Земле обетованной. Кстати, Бог Иисусу усиленно помогал, в ходе одной битвы даже остановил заходящее солнце, чтоб протеже мог при свете без помех докромсать очередную партию аборигенов. Короче, с точки зрения христианства, клевый был царь во всех отношениях. А с точки зрения его жертв? Но если честно, сам тащусь от этого Навина. Реально был крутой и отмороженный чувак. Я, кстати, потому и фамилию его себе взял. Уважаю... Кстати, у древних викингов – по тогдашним меркам, отнюдь не тупорылых дикарей, судя по их культурному наследию и песням скальдов, от которых и сейчас многие народы тащатся, – был интересный метод воспитания воинов. Сначала ребенок должен был убить цыпленка. Причем, голыми руками. Потом курицу тем же способом. А потом – раба. Ребенок – раба. Голыми руками. Причем с точки зрения викингов, это отнюдь не было дикостью. Это было нормой жизни. Формировался боевой дух будущего воина, необходимый в битвах за новые земли. Неудивительно, что они завоевали Англию.

– Но так ведь можно все оправдать, – растерянно проговорил Витек.

– Именно, – усмехнулся Стас. – Только не оправдать, а объяснить. Оправдываются виноватые. В твоём случае ты убивал только по необходимости. И убивал кровопийц и уродов. А иначе сейчас бы гнил в земле сам. Если помнишь со школы, Пересвет – схимник! То есть наиболее аскетичный и близкий к Богу монах, убил Челубея – и потому герой народный вот уже шестьсот с хреном лет.

– Но и Челубей вроде убил Пересвета... – неуверенно сказал Витек.

– Правильно понимаешь. И он тоже герой. Только с точки зрения своего народа.

Витек опустил локти на колени и обхватил руками голову. Голова была легкой и пустой, как футбольный мяч. В ней не было ничего. Ни одной мысли. И чужих голосов там, кстати, тоже не было.

Толстый бизнесмен с ужасом глядел со своей стены на сидящую перед ним троицу. И хотя кляпа у него во рту не было, а веревки, под весом тела глубоко, до мяса врезавшиеся в кожу, причиняли невыносимую боль, он за все золото мира не решился бы раскрыть рта. Он чувствовал всеми своими измученными болью, просящими о пощаде нервами – скажи он хоть слово, обрати на себя внимание – и все. О нем вспомнят и не помилуют. И сейчас, пусть даже вот так, висая на стене, он хотел жить и тянул мгновения, отдаляя страшную минуту.

– А как же Бог? – тихо спросил Витек.

– Это ты опять насчет «не убий»? – небрежно поинтересовался Стас. – Снова придуриваешься? А как насчет всего, что я тебе только что говорил? История любой религии, в том числе и христианства – это море крови, включая крестовые походы и костры инквизиции. Почитай Библию на досуге, например, ту же книгу Иисуса Навина. И что? Десятки тысяч людей, убитых

руками христиан. «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов и овец, и ослов истребили мечом». Это цитата. Непонятно только, чем им ослы-то не угодили?

– А ты часом не сатанист? – осторожно спросил Витек.

– Вряд ли, – рассмеялся Стас. – Признаться, Ла-Вея с Кроули читать приходилось, но и там бреда предостаточно. Так что, Витя, исходя из того, что кумиров себе создавать не стоит, единственный мой судия не Бог и не Сатана, а я сам. И мои ошибки – это мои ошибки, которые я сам признал ошибками. На которых я учусь и которых стараюсь не повторять.

Витек подумал, что сейчас Стас высокопарностью речей, произносимых высоким штилем, здорово смахивает на покойного Саида. Случайно ли?

– Но ведь у других людей может быть другое мнение... – попробовал возразить он.

– А на чужое мнение мне глубоко положить, – сказал Стас. – Прислушиваться стоит лишь к тем людям, которые добились в жизни большего, чем ты. И то добились вещей, которые ценны для тебя, а не для кого-либо другого. Но только прислушиваться, а не воспринимать их слова как руководство к действию. Только я таких на сегодняшний момент в поле своего зрения не обнаруживаю...

Афанасий скучал отчаянно. Он уже устал зевать и выразительно поглядывать на часы. Наконец, он не выдержал.

– Пацаны, ну поимейте совесть-то. Кончайте порожняки гонять, а? Жрать уже охота – сил нет. Щас с голодухи у жирного ляжку оттяпаю и зажую на раз-два-три.

– Милости просим, – хмыкнул Стас. – Приятного аппетита. Но Афанасий прав, – вздохнул он. – Пора нам заканчивать душеспасительные беседы. Кукушке полегчало?

– Чему? – недоуменно спросил Витек.

– Головушку, головушку попустило? Мертвяки шебуршиться перестали?

Витек машинально потер виски кончиками пальцев.

– Да вроде бы...

– Ну и ладушки, – весело подытожил Стас. – Тогда быстренько кончай с этими – и поперли в ресторан. Там сегодня Артавазд знатные свиные ребрышки организовал – пальчики до локтей оближешь.

Ребрышки – это было, наверное, неплохо: желудок уже подавал сигналы о необходимости присутствия в нем чего-то подобного. Только первую часть Стасовой фразы Витек не совсем понял.

– С кем кончай? – спросил он.

– Как с кем? – удивился Стас. – С этими.

Он кивком головы указал на распятых.

Жирного бизнесмена била мелкая дрожь. Хотя в помещении было достаточно прохладно – в спортзале ощутимо работали кондиционеры – трясущиеся капли пота скатывались по его лицу на воротник рубашки, потемневший от впитавшейся в него влаги. Он судорожно и бес толково сжимал и разжимал пальцы рук, будто пытался дотянуться до вбитых в стену костылей, хотя, даже если бы ему это и удалось, вряд ли что-то изменилось бы в его судьбе.

Парень в черном еще не пришел в себя после удара Афанасия, и только еле слышный хрип, прорывающийся из его рта сквозь кляп, свидетельствовал о том, что он еще жив.

Теперь Витек понял все.

– Нет, – твердо сказал он. – С меня хватит.

– Странно, – ровно произнес Стас. – А мне показалось, тебе это нравится. Похожим голосом кричат только во время высшего кайфа. Например, при оргазме. Или когда берут действительно крутой вес и крышка улетает в космос. Но твой крик был гораздо круче.

– Я тогда... кричал?..

– Было дело, – хмыкнул Афанасий.

...*Голос*. Прекрасный, словно музыка сфер. Словно глас божества, снизошедшего с небес... Значит, это был просто собственный первобытный, дикий вопль убийцы, всем телом впитывающего жизненные силы только что умерщвленного врага...

– В общем, так, – сказал Стас, поднимаясь с кресла. – Хрен с тобой, золотая рыбка, не хочешь – не надо. Но тогда я их отпущу. Пусть и дальше трахают детишек, а потом делают из них фарш. Только теперь это будет на твоей совести.

Витек уже тоже был на ногах и теперь медленно переводил взгляд с одного распятого на другого.

Это было жалкое зрелище. Бизнесмен смотрел на него, как раненый заяц на охотника, медленно поднимающего ружье. С его отвисшей губы вниз через подбородок протянулась нитка слюны, медленно расширяя границы темного пятна на рубашке. Витек стоял и смотрел, и сейчас ему больше всего на свете хотелось, чтобы муки этого человека прекратились раз и навсегда.

– Это правда? – тихо спросил он.

Бизнесмен молчал. И смотрел, трясаясь и не мигая. Только к темному пятну на воротнике прибавилось того же цвета пятно, стремительно расползающееся по брючине.

– Они говорили правду? – так же тихо повторил вопрос Витек, делая шаг вперед.

Глаза бизнесмена вылезли из орбит. Он вдруг заверещал тонко и неестественно, задержался, словно марионеточный паяц – и внезапно резко обвис на своих костылях, выпучив глаза и закусив до крови почти половину вывалившегося наружу языка. Но боли он уже не чувствовал. Теперь ему было все равно.

– Надо же, – удивленно качнул головой Афанасий. – Сдох. Со страху.

– Точно сдох? – не менее удивленным голосом спросил Стас.

– Что я, жмура не видел? – оскорбился Афанасий. – Во дает дядя Витя. Прямо в реале палач какой-то. От одного его вида люди дохнут.

Витек не слышал слов Афанасия. Его живое воображение рисовало картины. Вот парень в фартуке, наброшенном поверх костюма от Армани, ножовкой по металлу отпиливает голову еще живому ребенку, а жирный, преисполненный собственной значимости бизнесмен безразлично морщит нос и воротит сытое рыло от неприятной сцены – мол, мог бы уж и не при мне...

«Когда паразита давишь, думать об нем не надо. Дави и все...»

Витек равнодушно отвернулся от трупа бизнесмена. Может быть, все было и не так, но невинные не умирают от страха. Невинные до последнего отстаивают свою правоту, даже если надеяться им уже не на что.

Парень в черном костюме медленно приходил в себя. Витек подошел к нему, взял за подбородок и вытащил у него изо рта кляп.

– Это правда? – вновь повторил он свой вопрос.

– Что? – спросил парень, морщась от света и головной боли. – Ты кто такой? Какого хрена тебе надо?

– Они сказали, что ты убивал детей. Это так?

Парень сухим языком облизал разбитые губы и скривился от боли.

– А не пошел бы ты на хер, – посоветовал он Витьку.

Витек медленно положил ему руку на грудь, взял его пальцами за торчащий пикой кадык и слегка нажал.

– Я задал вопрос, – тихо сказал он. – Где ответ?

– Тебе, падла, скоро вопросы будут задавать, – прохрипел парень, дергая кадыком и пытаясь сглотнуть. – И спросят по полной, не сомневайся...

Витек нажал чуть сильнее.

И немного не рассчитал.

Адамово яблоко парня в черном костюме хрустнуло, словно перезрелый орех, и острый край сломанного хряща скальпелем взрезал трахею.

Распятый дернулся, пару раз сипло попытался втянуть в себя порцию воздуха – и умер, вжавшись затылком в бревенчатую стену и распялив тонкогубый рот в последнем беззвучном крике.

– Вот и ладушки, – тихо сказал Афанасий, выщелкивая из гнезда автомата магазин. – Молодец, Витек. Пять баллов пацану за поведение и лишняя порция ребрышек.

– Был Витек, а стал палач-отморозок, – задумчиво произнес Стас себе под нос.

– Талант, – кивнул Афанасий. – Кто-то картины пишет, кто-то пузырь духом из горла выжирает, а этот народ мочит. Интересно, а что с ним будет, если ему, например, зарядить, что ту девчонку из ведра не эти кексы покоцали, а кто-нибудь другой?

– Я бы не рискнул, – после паузы сказал Стас. – У него и так крыша на одном гвозде держится – того гляди сорвется. И кого той крышей прихлопнет – еще вопрос.

– Так, может, все ж таки его замочить? Если крыша у него такая опасная. Я б этих жмуриков с самого начала одной очередью за секунду уделал. И без всякого балагана на два часа и не жрамши.

– Так без балагана жить неинтересно, – пожал плечами Стас. – А насчет Вити – я ж тебе говорил, всегда успеется. Посмотрим.

Витек неподвижно стоял у стены и не отрываясь глядел на труп, словно ожидая чего-то... Бледный, сам похожий на мертвеца.

– Ну-ну, ты лучше сейчас на него посмотри повнимательнее, – пробурчал Афанасий, поправляя магазин автомата, торчащий из бездонного кармана камуфлированных штанов. – А то досмотришься. Ночью подкрадется, пальчики на дыхале сожмет – и писец. Или без пальчиков. Крикнет невзначай погромче – и привет. Потом вычисляй, сколько у него гвоздей в крыше осталось.

Стас рассмеялся и хлопнул Афанасия по плечу так, что тот слегка присел.

– Что-то пугливый ты стал, Афоня. Не бойсь, прорвемся. А Витя, я думаю, нам еще пригодится.

– Может быть, и так, – с расстановкой произнес Афанасий. – А может быть, и иначе. Знаешь, Стас, пусть Витя тут пока на своих жмуриков полюбуется, а ребрышки подождут малехо. Пойдем, покажу-ка я тебе кое-что. Пока не поздно.

– Ну пошли, – хмыкнул заинтригованный Стас. – Витек, слышь? Побудь здесь, мы скоро...

Витек не слышал. Он стоял, закрыв глаза, и пытался понять, как это так получается, что люди – пусть мразь, негодяи, подонки, но все же люди – умирают порой не только от его прикосновения, но даже от взгляда. Кто он такой? Или что он такое?

Ответа не было. Лишь где-то в дальнем уголке сознания тихо шелестела ветвями черная сакура, потревоженная то ли невидимым ветром, то ли неслышным шепотом неземного голоса...

Пост видеонаблюдения напоминал пульт управления ракетным комплексом. Множество огромных мониторов занимали три стены зала, по размерам схожего с теннисным кортом. Повинуясь взгляду Афанасия, четверо операторов в форме охраны комплекса покинули вертящиеся кресла и чуть ли не строем оставили помещение.

– Дисциплинка у тебя, – хмыкнул Стас.

Афанасий не ответил. Вместо этого он извлек из кармана флешку и, воткнув ее в ближайший порт ближайшего компьютера, пробежался пальцами по клавиатуре.

Картинки на мониторах, демонстрирующие жизнедеятельность посетителей и персонала в самых отдаленных уголках модного клуба, мигнули и пропали. Вместо них одновременно на всех экранах появилось неаппетитное изображение двух изуродованных трупов, лежащих

на прозекторских столах. Грудная клетка одного из них была разворочена, словно внутри нее разорвалась динамитная шашка. У второго трупа начисто отсутствовала голова.

– Узнаешь? – спросил Афанасий.

– Вряд ли, – хмыкнул Стас. – Ты нас познакомить решил?

– Смейся-смейся, – буркнул Афанасий. – Пистолет Витьку ты дал?

– Ну я, – сказал Стас, перестав веселиться.

– А заряжал чем?

– Солью, – огрызнулся Стас. Допрос Афанасия начал действовать ему на нервы.

– Оно и видно, – сказал Афанасий. – Это Витек из твоего пистолета по прищяжи Стаса пострелял. Как тебе?

Стас молчал. Его лицо сейчас напоминало маску каменного сфинкса с резко очерченными скулами.

– А теперь очень внимательно посмотри на это.

Картинка на мониторах сменилась. Гортанное «Ай-йа-а-а-а!!!» плеснуло из динамиков.

На Витька смазанной стрелой летел Ибрагим. Камера, закрепленная в верхней точке стены, показывала происходящее сбоку.

Удар головой... Два человеческих тела сплелись в клубок, в руке одного из них блеснул нож...

– А теперь притормозим процесс.

Пальцы Афанасия шустро пробежались по клавиатуре. Про себя Стас отметил, что для бригадира братвы туповатый на его взгляд уголовник больно шустро управляется с компьютером.

Движение тел на мониторах замедлилось, а после вовсе остановилось. Послушное манипуляциям Афанасия изображение увеличилось, сфокусировалось... Стас увидел, что нож Ибрагима на четверть клинка вошел в шею Виктора.

– Не понял, – пробормотал Стас.

– Я тоже не понял, – кивнул Афанасий, доставая из кармана продолговатый предмет. – Думал, подрезал черный нашего Витю тогда. Потом пригляделся – а шея-то у него целехонька, ни шрама, ни царапины. Смотри.

Предмет в его ладони щелкнул, выплунув лезвие ножа. Клинок оружия был обломан на четверть.

– Может, об пол сломался? – предположил Стас. – Или уже был сломанным?

– Видео отмотать? – спросил Афанасий. – Целехонькой была выкидуха, пока в шею нашему Витьку не воткнулась. А потом он заорал. Помнишь, всех нас как током по нервам шибануло?

– Ну, типа того, – согласился Стас. – Орет он жутко.

– Не только орет, – сказал Афанасий, тыкая в клавиатуру.

На мониторе возобновилась замедленная съемка. Медленно раскрылся рот Витька, жутко остекленел взгляд... И словно повинувшись этому взгляду, вдруг заметно ослабили пальцы Ибрагима, сжимающие сломанный нож, и тело его... приподнялось над полом. Немного, всего на несколько сантиметров. Впрочем, достаточных для того, чтобы лежащий на полу парень протянул руку к лицу своего врага...

– Дальше ты знаешь, – сказал Афанасий. – Это я еще не смотрел запись, как он нашего сегодняшнего барыгу уделал. Того, первого. Который типа от страха скончался. Чует мое сердце, если запись как следует просмотреть...

– А зачем? – осведомился Стас.

– Что зачем? – не понял Афанасий.

– Зачем ее рассматривать?

– То есть как?

В глазах Афанасия застыло недоумение.

– Это ж что получается...

– Получается, что, когда он орет, вражья сила дохнет, – оборвал его Стас. – А как она дохнет, тебе какая разница?

– То есть как «какая разница»? Твой Витек убивает то ли криком, то ли взглядом, то ли черт-те чем, а тебе это до фонаря?!!

– Точно, до него, – согласился Стас. – Пока он выдает результат, мне плевать, каким образом он это делает. Пусть хоть иголки в кукол втыкает, хоть в полете их с метлы фаерболами расстреливает. Главное – результат. И пока что этот результат меня устраивает. Так-то, Афоня.

Стас хмыкнул, похлопал бригадира по плечу и вышел из операторской.

– Понятно, – негромко сказал Афанасий ему вслед. – Тебе главное результат. А мне главное – самому не стать результатом воплей твоего выкормыша.

Но Стас его уже не слышал.

Часть вторая

По следу тени

Был снег. И луна. И больше ничего вокруг. Всюду, насколько хватало взгляда, лежала белая, идеально ровная пленка, где-то там, у горизонта, сливающаяся с черной, идеально ровной пленкой, покрывающей небо. Казалось, будто земной шар кто-то неизмеримо большой взял небрежно, словно апельсин, очистил до сверкающей белизны, но после, передумав, упаковал его в черный мусорный полиэтилен и выбросил на помойку мироздания.

В маленькую дырочку в черном мусорном мешке осторожно заглядывала луна. Непонятно только, зачем ей это было надо? Но, может быть, там, наверху, в другом мире было слишком мало белого? И потому она упорно не отрывалась от дырочки. Мигала проносящимися теньями облаков, плакала от напряжения мутным предрассветным туманом, но все равно смотрела не отрываясь на идеальную белизну земли.

Земля была белой. И от этого было беспричинно жутко. Случается такое – иногда просто очень страшно, а отчего – непонятно. И зашуганное непонятным сознание бьется изнутри о костяные стенки черепной коробки и верещит неслышно, постепенно меняясь от ужаса, утрачивая логику, мыслительные способности, все человеческое, и ты чувствуешь, как со стоном распрямляются в твоей голове извилины и как ты медленно сходишь с ума от этой бесконечной белизны.

Хотя при желании можно все объяснить. Есть причина этой всепоглощающей жути. Здесь не за что зацепиться глазу, нет знакомых форм, нет предметов, нет теней, нет ни малейшего намека на жизнь, на реальность... Реальность чего? Хотелось сказать «происходящего»... Но нет. Здесь ничего не происходит. И ничего не произойдет. Никогда. Глупо говорить о реальности и о происходящем. Слово «происходящее» подразумевает течение времени. Но как можно говорить о времени в мертвом царстве застывшего ледяного безмолвия?

Легче просто сойти с ума, чем знать, что ничего и никогда больше не произойдет. Будет только вечная ночь, вечный снег и вечная дырка наверху, сквозь которую, вероятно, и луне скоро надоест пялиться вниз, и она уйдет по своим делам, оставив этот унылый черно-белый мир гнить там, куда его заслуженно выбросил неизвестный Кто-то...

Макаренко тряхнул головой, отгоняя странные мысли, вызванные, скорее всего, жестоким утренним недосыпом.

Слева лежало поле. Просто белое поле, накрытое белым снежным одеялом. В небе висела рассветная луна – тусклая, облитая невидимыми за горизонтом лучами еще не взошедшего солнца. А под колеса «Нивы» ложилась белая лента дороги, ведущая от общежития к городскому отделению милиции.

Дорога была не ахти. Макаренко сильно сомневался, что, скажем, на «Жигулях» смог бы проехать по ней после ночного снегопада. Отечественный внедорожник хоть и переваливаясь, словно беременный таракан, но все-таки справлялся со своими обязанностями, форсируя заметенную снегом колею.

Зима есть зима. На редкость паскудное время года. Может, где-то в Норвегии или, на худой конец, на Кавказе, на высокогорном лыжном курорте, в теплом коттедже у камина с бокалом «Блэк лейбла» в одной руке и с копией Клавы Шиффер в другой – оно бы пошло и даже очень. И остро пахнувший свежерезанными арбузами морозный воздух за окном, и девственно-белоснежные пейзажи, и искрящиеся алмазами под холодным солнцем снежинки... Может, с такого расклада и соответственного лирического настроения на стихи бы, глядишь, пробило. Типа: «Зима, крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь...»

Бред. Попутался классик. С чего это российскому крестьянину в зимнюю бескормицу торжествовать? Реально не с чего. Макаренко живо представил себе того крестьянина. В дыря-

вом тулупе сидит на кривых санях, хлопая себя от холода по подмышкам, а его лошадка, «чуя снег» облезлой от мороза и отсутствия свежего корма задницей, плетется по целине, «как-нибудь» перебирая копытами – того гляди навернется в сугроб... Не Норвегия, короче. И даже не Кавказ.

Зима вообще не была для Макаренко любимым сезоном. Холодно, скользко, да еще вот снегу намело, как на Северном полюсе. Андрей вышел из машины и чуть не поскользнулся. У входа в отделение милиции, правда, снег разгрести успели, а вот лед подолбить не удосужились. Макаренко ругнулся про себя и, вновь обретя приличествующую званию осанку, вошел в здание.

Все было по-прежнему – да и что могло измениться за одну ночь? Снулый дежурный за смахивающей на мутную стенку террариума плексигласовой перегородкой, длинный коридор, ряд обшарпанных дверей, одна из которых была дверью в маленький, казенный мир капитана Макаренко, уже успевший за месяц работы на новом месте порядком поднадоесть.

Дверь его кабинета была в конце коридора. Он подошел к ней и всунул ключ в замок.

Ключ входить в скважину не пожелал. Макаренко убрал его в карман и с силой саданул в дверь кулаком, так что задребезжала жалобно тонкая филенка.

– Открывайте, оглоеды!

– Щас, щас, один момент, – засуетились за дверью.

Ключ с обратной стороны двери повернулся, и заспанная, дебильно улыбающаяся физиономия опера Петрова в фуражке набекрень предстала перед капитаном.

– Здравь желаю, трищ капитан, – выдохнула перегаром физиономия.

– Совсем охренели, – вздохнул Макаренко, отодвигая «оглоеда» и заходя в кабинет. – Опять всю ночь квасили?

– Ну, Педагог, хммм... ну это самое... то есть трищ капитан, пятница же, милицейский день...

Макаренко скривился. Работа была новой, а прозвище – старым. И как только узнали? К тому же иногда – особенно по утрам – проскальзывающая ненароком излишняя фамильярность поддатых оперов порядком действовала на нервы. Ну да, все понятно, сам бывший опер и все такое, но все-таки...

– Понятно, – сказал Макаренко, обводя взглядом стол с горой объедков и недопитой бутылкой водки, пол со следами грязных сапог и батареей бутылок допитых; и стулья – один наполовину пустой – дохлый телом Замятин почти не занимал на нем места; – и другой, заполненный внушительной задницей уборщицы Клавдии Ивановны, сложившей на стол все остальные свои тела и с присвистом сопящей в две дырочки. От этой мирной картины веяло деревней и буддистским умиротворением.

– Да уж. Не Норвегия. И не Шиффер. Хоть и Клавдия...

– Ч-чего? – озадаченно склонил набок голову Петров, хлопая красными глазами.

– Да так, к слову. Уборщицу, говорю, тоже споили, оглоеды, – констатировал Макаренко. – И кто теперь этот бардак разгрести будет?

– Да мы сейчас сами, сей момент, – засуетились опера, бестолково задвигая конечностями и хватаясь то за одно, то за другое.

Макаренко стоял, опершись плечом о дверной косяк, и с иронией глядел на все это дело. Он сам когда-то работал «на земле» и потому к операм относился лояльно, предоставляя им иногда свой кабинет для всякого рода «дней милиционера». Работа у ребят нервная и опасная, а снимать стресс посредством тренировок на износ дано не каждому.

Через некоторое время поняв, что толку от оперской суеты в конечном счете будет немного, он оторвался от косяка и решительным жестом пресек жалкие попытки непохмеленных сотрудников навести порядок в кабинете.

– Придется обратиться к профессионалу, – сказал он, трогая за плечо Клавдию Ивановну. – Подъем, тетя Клав, служба зовет.

– Чо, чо такое? – оторвала голову от стола уборщица и тут же чуть не уронила ее обратно. – Ох, опять напоили, заморыши бесноватые!

– Убраться бы надо, тетя Клав, – с сочувствием в голосе смиренно попросил Макаренко. – А то ведь работать скоро.

– Охохонюшки, – застонала Клавдия Ивановна, по частям вставая со стула. – Все, хватит! С сегодняшнего дня я в рот не беру!

Опера перестали суетиться и замерли.

– Тетя Клав, а тебя кто-то заставляет? – вкрадчиво поинтересовался дохлый Замятин.

– Так ты же вчера чуть не силком заставил, доходяга!

– Я?! – ужаснулся Замятин. – Да что ж я, извращенец какой?

Клавдия Ивановна наконец встала со стула, взяла со стола недопитую бутылку «Гжелки», махнула оставшееся прямо из горла и возмущенно уперла руки в боки.

– Скажи, не предлагал?

– Не предлагал! – отчаянно возопил Замятин, для убедительности прижав обе ладони к сердцу. Петров, давясь хохотом, корчился в углу.

– Так как же не предлагал? Я зашла, ты стакан налил?

– Налил.

– А говоришь, не предлагал!

– Не предлагал!

Больше сдерживаться было невозможно. Петров, гогоча как беременный гусь, согнувшись пополам, вывалился из кабинета.

– Опять подкалывают, скоты, а в чем – не пойму, – обиженно сказала Клавдия Ивановна. – А ну, остальные тоже выметайтесь из кабинета! И пока не приберу, чтоб ни одного ментовского рыла здесь не было. Кто сунется – тряпкой по морде охерачу.

Остальные не заставили себя упрашивать.

– Во бабка! Не бабка – кремень, – отсмеявшись, сказал Замятин и достал из кармана плоскую флягу. – Советской закалки. Всю ночь с нами квасила – и хоть бы хны... Ты уж не обессуди, Андреич, дело такое... Голова трещит, будто кувалдой въехали.

– Бывает, – пожал квадратными плечами Макаренко. К чужим слабостям он иногда под настроение бывал снисходителен. – Ну, что нового нарыли?

Замятин отхлебнул из фляжки и помрачнел.

– Да вот, то самое и нарыли. Похоже, еще один висяк. Вернее, два.

– ???

– Отчет судмедэкспертизы мы к тебе на стол положили. Вместе с новым делом. Тебе шеф его велел передать.

– Опять мне?! – поднял бровь Макаренко. – Он там совсем или как... У меня и так нераскрытых выше крыши.

– Наше дело сторона...

– А, – махнул рукой Макаренко, – и хрен с ним. Одним больше, одним меньше... И что там? В двух словах? Пока Ивановна убирается.

– Два трупa. Один московский бизнесмен, другой – наш, местный. Дорожные рабочие проявили бдительность. Кто-то ночью заасфальтировал лишние пару метров шоссе, а они не поленились и от любопытства расковыряли. Может, клад надеялись найти. А нашли геморрой на наши задницы. Московскому кто-то горло раздавил. А тот барыга, который наш, от разрыва сердца окочурился. Я думаю, что он со страху кони двинул. Увидел чего-то такое – и накрылся валенком...

Замятин снова приложился к фляге. Пил он не отрываясь, мелкими глотками, натужно дергая кадыком. Его худое лицо в такт подергиваниям кадыка медленно наливалось красным, словно маленький насос в горле опера Замятина толчками накачивал кровь в милицейскую голову.

– Ф-фу, – выдохнул Замятин, наконец-то оторвавшись от фляги. Кровь с лица как-то разом схлынула вниз, наверху остались лишь выпученные глаза. Макаренко мысленно помогил.

– Хорошо пошла, паскуда!

Замятин помотал головой и несколько раз шумно выдохнул в сторону.

– Извиняй, Андреич. Сам понимаешь, после такого без допинга никак... Да уж, – продолжил он прерванную тему. – Многовато в последнее время на нашей земле народу стали мочить. Как в чукотском анекдоте. Тенденция, однако.

– Это точно, – задумчиво сказал Макаренко. – Только вот не пойму. Убийства – это ж вроде как не совсем по адресу. А убойный отдел, прокуратура чем у вас тут занимаются? Я еще тогда, с тем серийным убийцей иноверцев что-то недопонял, думал, меня с ходу в убойный определили, а теперь и вовсе не догоняю, что к чему. Не разъяснишь?

Замятин сначала выпучил было глаза, но, вспомнив что-то, вернул глазам былую глубокомысленно-похмельную форму.

– Тебя, капитан, слушаешь – прям у вас в Москве каждый своим делом занят. Но мы ж тоже Кивинова почитываем.

Он наморщил лоб и процитировал по памяти:

– Непосредственно раскрытием убийства занимались как обычно территориальные оперы да участковые. Обещанных приданных сил не придали.

Он хмыкнул.

– Даже догадываюсь, куда бы нас послали прокурорские с нашими жмуриками. Между нами, мы уже ввалили трендюлей тем асфальтоукладчикам, чтоб впредь асфальт укладывали, а не ковыряли. А опосля хотели их напрямь на тему, чтоб под шумок обратно твоих теперишних подопечных в асфальт закатать, да не получилось. Кто-то из них барыгу нашего местного узнал – и все, не прошла затея. Как пить дать слухи бы поползли – и вот тогда прокурорские сто пудов бы нарисовались. С навазелиненными авторучками по наши задницы. Если были бы в том асфальте бомжи какие-нибудь, да кто ж бомжей в асфальт-то катать будет? Их...

– Горло ему чем давили? – перебил Макаренко философские рассуждения похмельного опера.

– То есть как «чем»? – не понял Замятин. – И кому? Барыге нашему? Так я ж тебе говорю, он...

– Я про второго. Московского. У него на шее следы какие-нибудь есть? Типа царапины, ссадины?

– Да нет, ничего особенного.

– Понятно...

Из кабинета торжественно выплыла дородная фигура уборщицы с объемистым бумажным пакетом в одной руке и с ведром грязной воды в другой.

– Можете заезжать, – бросила она через плечо и плавно поплыла вдоль коридора.

– Заезжают, Ивановна, эки в хату, – ласково поправил уборщицу Замятин.

– У вас и так вся жизнь – камера, – отрезала та, удаляясь в сторону туалета. Оттуда, тряся мокрой головой, выскочил Петров и галантно придержал даме дверь. Одарив опера высокомерным взглядом, Клавдия Ивановна исчезла в недрах санузла.

– А ведь в чем-то она права, – вздохнул Замятин. – Не жизнь, а каторга.

И снова отхлебнул из фляжки.

– Все, господа хорошие, отдавайте ключи – и работать, – сказал Макаренко.

Замятин с кислой миной порылся в кармане и достал ключи от кабинета следователя.

– Кто будет хорошо арботайн, тот будет кюшать суп из брюква, трищ капитан?

– Будет, будет, шашлык из тебя будет, – рассеянно ответил Макаренко. – А еще раз такой срач с утра оставите – хрен вам по всей морде будет, а не ключи...

Потом были бумажки. Нереальный, непрекращающийся каждодневный ворох дел, протоколов, своих и чужих отчетов и отписок, которые, возможно, никто никогда не прочтет, но которые нужны просто потому, что так заведено. Потому, что это и есть основная работа следователя – писать, читать и подшивать измученную чернилами бумагу в толстые картонные папки...

– Надоело!!!

Макаренко с ненавистью захлопнул толстенное «Дело».

Дело было безнадежным и бестолковым. Кто-то когда-то года два назад в каком-то захудалом обменном пункте сделал контрольную закупку пятиста баксов, а сумма в выданной справке не совпала с суммой, указанной в дубликате, ровно на два нуля. Но хозяин пункта оказался ушлым малым, сунул кому-то в карман эти недостающие два (или три?) нуля, и «дело» легло под сукно. А сейчас это сукно ковырнул кто-то сверху – и вот уже которую неделю тянется тягомотина, нудная, как мексиканский сериал, и бесполезная, как ловля снежного человека. Кто тогда ту справку выписывал? Кто тогда работал? Ах, та девушка уволилась? А подпись чья? Не ваша? Похожа на вашу, но не ваша? Надо же. Вы хвостик в своем факсимиле по-другому обозначаете? И давно?

Макаренко застонал.

«Как есть ты „Висяк“, Макаренко, так ты им и останешься. И всю херню на тебя по жизни цеплять будут заместо орденов и медалей. Потому как в каждой стае должна быть своя белая ворона. Непьющая, некурящая, вся такая из себя до тошноты спортивно-правильная, на которую просто необходимо навесить всех нераскрытых и непойманных собак».

– Ну вот, Педагог, вот ты и снова начал себя жалеть, – усмехнулся Макаренко своим мыслям. – Стареешь? Или тупеешь? Или все вместе и сразу?

Он встал из-за стола, пружинистой походкой прошелся по тесному кабинету, со стуком упал на кулаки, отжался от вылизанного Клавдией Ивановной пола пятьдесят раз, вскочил и провел плечистому мужику в зеркале несколько серий прямых в подбородок.

Мужик в зеркале довольно осклабился.

– Ничего, можем еще, однако.

Нога мужика в зеркале взлетела в направлении единственного украшения кабинета – памятной вазы, врученной руководством в незапамятные времена за совместно проведенную наше-американскую операцию. Причем руководство было как раз не наше, а американское, и потому перевитая звездно-полосатым флагом вычурная фиговина из дорогой керамики смотрелась в облезлом кабинете российского следака словно павлин, по странному стечению обстоятельств попавший в курятник.

Каблук ботинка остановился в сантиметре от вазы, но удар был слишком резким, и упругий поток воздуха от летящей ноги сделал свое черное дело. Американка задумчиво качнулась на тонкой ножке и медленно свалилась со шкафа, по мере приближения к полу набирая скорость.

Макаренко плавно метнулся вперед и за секунду до катастрофы успел-таки перехватить своенравную американку.

Под широкими керамическими полотнищами – звездно-полосатым и нашим, российским, из которых, собственно, и состояла ваза, словно памятная медаль рельефно раскинул крылья золотой орел, держащий в лапах табличку с надписью: *No pour and valour*.

Макаренко провел пальцем по припорошенным пылью буквам.

– Честь и доблесть, – прошептал он и невесело усмехнулся. Потом осторожно поставил вазу на место и повернулся к столу.

– Вот так. А теперь извольте честный и доблестный капитан Макаренко вновь приступить к делам своим скорбным. То бишь разбейтесь в лепешку, а барыгу лютого и опасного, полштуки баксов подлю зажавшего, прикрутите. Вор должен сидеть в тюрьме, да-с.

Он уселся за стол и с ненавистью посмотрел на «Дело».

– Так ведь если у нас каждого за пятьсот баксов сажать, кто ж тогда на воле останется? – проворчал он. – Одни дворники и бомжи, считай, и останутся. И то через одного.

Вновь вникать в перипетии распроклятого «Дела» решительно не хотелось.

– А пошел он, твой барыга, со своими баксами, – сказал Макаренко «Делу», потом взял папку и бросил ее в ящик стола. – Подождешь.

И раскрыл новую папку, принесенную операми.

Материала в папке было немного. Оперский протокол с места происшествия, пяток неважных фотографий с того же места, отчет судмедэкспертизы, протокол опознания трупов безутешной родней – вот, пожалуй, и все.

Макаренко пробежал глазами бумаги, в общем-то, идентичные по содержанию рассказу Замятина, и принялся рассматривать фотографии.

Убийцы достаточно глубоко закопали трупы, и потому асфальтовый каток не расплющил тела. Земля смягчила давление катка и асфальта, и сейчас на фото были отчетливо видны две человеческие фигуры, скорчившиеся на дне глубокой ямы.

Один труп лежал ничком, крестом раскинув руки и вцепившись скрюченными пальцами в землю. Второй – на спине, лицом вверх. Мертвые глаза трупа смотрели в небо. И вероятно что-то жуткое увидел этот человек в небе перед смертью, потому что даже через зерно черно-белого снимка, сделанного старым милицейским аппаратом, ясно видна была предсмертная маска ужаса, исказившая землистого цвета лицо.

«Признаков насильственной смерти не обнаружено...» – еще раз скользнул глазами Макаренко по заключению экспертизы – и снова перевел взгляд на фотографию.

– И что же ты такого увидел, дядя? – пробормотал он.

Труп молчал, из глубины фотографии продолжая сверлить взглядом невидимое небо.

Жуткие у них глаза, у мертвецов. Пустые, стеклянные. Никакие. Но еще более жутко, когда такие глаза бывают у живых. Ни к тому, ни к другому взгляду привыкнуть невозможно. Сколько лет ни работай что в морге, что в милиции, сколько ни заглядывай в зрачки мертвых и живых трупов – все равно нет-нет, да что-то дрогнет в душе. Если только сам за эти годы не превратишься в живой труп...

– А идите вы все, – задушевно сказал Макаренко, захлопывая папку и вставая из-за стола. – И барыги, и трупы. А самое лучшее средство от дурацких мыслей – своевременный и плотный обед.

Дежурный за плексигласовой перегородкой, собрав лоб в кучку морщин, сосредоточенно кивал в телефонную трубку.

– План «Дельта» объявили, триц капитан, – сказал он в спину проходящему мимо Макаренко.

– Это еще что за хрень? – удивился Макаренко.

– Земляки Саида в город пожаловали. То ли убийцу Саидову искать, то ли чтоб территория его кому другому не отошла.

Макаренко усмехнулся.

– Эх, Толик... «Территория», говоришь? Вот и мы, аборигены, потихоньку забывать стали, что когда-то все это была наша территория. Не Саидов да Ахметов земля, а наша, российская.

Дежурный снова собрал лоб в складочку.

– Так-то оно так, трищ капитан. Да у нас-то, сами знаете, как – кто успел, тот и съел.

– Вот! – поднял вверх указательный палец Макаренко. – Это ты истину глаголешь, Анатолий. Насчет «съел», можно сказать, в корень зришь. А кто не успел – тот, стало быть, голодным остался, – и направился к выходу.

– Так план «Дельта» ж, трищ капитан, – пискнул дежурный, – только что передали – всем собраться на втором этаже.

– Ты меня не видел, Толик, – бросил через плечо Макаренко, открывая дверь. – У меня сейчас свой план «Альфа», все «Дельты» – потом...

...В незапамятные времена неизвестно откуда появился в городе хитрый армянин Артавазд. Видимо, на заре перестройки крепко столкнулся сей армянский бизнесмен с проблемой «крыши» и потому, организовывая новый бизнес, проблему эту решил гениально просто. А именно – открыл ресторан напротив городского отделения милиции – только дорогу перейти. И назвал соответственно – «Место встречи», которое, как известно, изменить нельзя.

Поначалу солидный народ несколько сторонился «Места», из окон которого открывался вид на решетчатые окна первого этажа отделения. Но потом сообразил, что в эдакой ресторанции никто шумно разбираться, а уж тем более хвататься за стволы не будет – и пошел у Артавазда его желудочный бизнес. А негласный расчет с «крышей» был таков, что сотрудники дома напротив обедали у Артавазда по ценам бывших советских столовых.

Эту тему свежеступивший на службу капитан разнюхал сразу и вот уже несколько дней всю пользовался неожиданными привилегиями, лично познакомившись с хозяином и отчего-то завоевав его безмерное уважение. Макаренко подозревал, что хитрый ресторатор каким-то образом разузнал о его московском происхождении и, сделав какие-то свои выводы, каждый раз оказывал гостю достойный даже по столичным меркам прием.

– Заходи, дорогой, – лицом, голосом и жестами приветствовал Андрея вроде как случайно оказавшийся в зале хозяин, спеша навстречу посетителю. – Чего сегодня желаешь?

В речи Артавазда практически отсутствовал акцент, лишь легкие гортанные переливы голоса придавали каждому произнесенному слову глубину и значимость.

– Отдельный столик, крайний справа шатер, две порции шашлыка, грибной салат и апельсиновый фреш.

Макаренко никогда не загружал голову армянскими названиями блюд, предпочитая называть вещи своими именами.

– Располагайся, дорогой, – расплылся в улыбке хозяин заведения, самолично отодвигая полотно.

Несколько отдельных столиков для жаждущих уединения посетителей ресторана располагались за длинным – во всю стену от потолка до пола – ковром-занавесом, скрывающим комнатки, стены которых также были ковровыми. Внутри эти комнатки напоминали восточные шатры, свойственные скорее «Белому солнцу пустыни», нежели «Месту встречи...». Капитан предпочитал шатер справа у стены за то, что в щель между пологами был прекрасно виден вход в ресторан.

Макаренко нырнул в полумрак, освещаемый квартетом крашенных под бронзу алладидных ламп с витыми миньонами внутри.

– Оставь одну, – попросил Макаренко ужом вползшего в шатер официанта. Официант разгрузил поднос, выключил лишние лампы и, пробормотав: «Шашлык будет готов через пять минут», пятясь, удалился.

«Восточный колорит, – хмыкнул про себя Макаренко. – Где еще милицейский капитан может почувствовать себя падишахом? Только гурий не хватает. Хотя, небось, и насчет этого можно заказ сделать. Только потом хрен расплатишься, несмотря на статус столичной VIP-персоны. Так что грызи, капитан, грибочки и думай о земном».

Хотя, надо признать, салат был приготовлен на совесть – все свежее и самое лучшее. Умудренный жизнью Артавазд берег желудки своей «крыши».

В соседнем шатре задвигали стульями. Макаренко поморщился.

«Покой нам только снится...»

Мелькнув лакированными пятками, к соседям нырнул официант, дабы принять заказ, сделанный на редкость приятным женским голосом.

– Салат из авелука, ишхан из форели с ореховой подливкой, гоziнах с миндалем на десерт...

«Неужели одна? – подумал Макаренко. – Не может быть. Явно вошли двое. Две девчонки?»

– Что ты будешь? – спросил приятный женский голос.

– Все равно, – равнодушно отозвался бесцветный мужской.

«Х-хе, размечтался, одноглазый, – хмыкнул про себя Макаренко. – Девчонки, ходящие в наше время вдвоем в рестораны, могут быть только лесбиянками или феминистками. Что, впрочем, одно и то же. А такие девчонки нам без надобности. Впрочем, не про милицейский карман и те девчонки, что ходят в рестораны не с девчонками. Вишь, ишхан какой-то ей подавай... Хотя, милиционер милиционеру рознь...»

– По-моему, я тебе тоже «все равно».

В приятном женском голосе послышались нотки приближающегося скандала.

– Насть, мы сюда жрать пришли или гавкаться?

Мужской голос по-прежнему лишь озвучивал слова, напоминая голос магнитофона в вагоне московского метро: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

– Это ты жрешь. И гавкаешь. И лазаешь по ночам неизвестно где, пока я сплю...

«Богатые тоже плачут, – философски отметил Макаренко, поневоле слушая аудиоспектакль, разыгрывающийся в соседнем шатре. Он представил лицо официанта, смиренно склонившегося в восточном полупоклоне над полем семейной битвы в ожидании заказа и усмехнулся: – Ну и работенка у вас, ребята. За день слушаешься всякого такого и от трезвых, и, тем более, от пьяных – людей же ненавидеть начнешь хуже любого маньяка...»

– Настенька, заткнись, а?

– Простите, а вы что заказывать будете? – встрял в диалог невидимый официант, видимо, обращаясь к обладателю мужского голоса. «Небось, спина затекла», – мысленно прокомментировал Макаренко.

– На ваше усмотрение! – взвизгнула девчонка.

Официант с обиженным профилем протопал мимо шатра Макаренко на кухню, находящуюся прямо за шатрами, откуда из-за тонкой перегородки аппетитно пахло готовящимися шашлыками.

«Хоть бы звукоизоляцию какую Артавазд сделал. Шкурами йети свои шатры обложил, что ли. А то сиди, слушай гнилые базары зарождающихся ячеек общества – не обед, а радиоспектакль на тему „не ходите девки замуж“. Двадцать раз подумаешь, прежде чем самому...»

– Вить, что с тобой? – вновь раздался девчачий голос, прерывая антисоциальные размышления Макаренко. В голосе слышались слезы, пятьдесят на пятьдесят замешанные на ярости – еще неизвестно, что прорвется раньше. – Ты же совсем недавно другой был. Я помню...

Мужской голос за стенкой глухо хмыкнул:

– Ты хочешь знать, что со мной? А это я, Насть, начал крутиться в другую сторону. Как ты советовала.

– Но я...

– Ты хочешь знать? Хорошо, ты узнаешь.

Магнитофонный голос парня из соседнего шатра вдруг показался капитану знакомым. «Она назвала его Витей, – щелкнуло профессиональное. – Не тот ли это киллер-самоучка, которого сверху отпустить на волю было приказано без суда и следствия?»

– Представь себе обыкновенного парня, который жил-работал себе в палатке как обыкновенный русский человек, каких у нас в Союзе миллионы, разгружал пиво с воблой и никому особо жить не мешал – разве только мухам и тараканам. Пока однажды нашему с тобой благодетелю не вздумалось развлечься. Он через десятые руки науськал на палатку шайку отморожков, сам же их отметелил, а концы перевел на парня. Палатку сожгли, парня отлупили и заклеямили каленым железом как какого-нибудь коня, а вдобавок выкрали и изнасиловали его родную сестру. После чего...

Парень замолчал.

– Вить, может, не надо, – робко пискнул девчачий голос. – Пойдем отсюда, а?

– Да нет уж, погоди, я еще не закончил.

Голос за стенкой невесело рассмеялся.

– А потом парень завалил тех уродов. Как и чем – сам не понял, но завалил. Но этого благодетелю показалось мало. Он решил подтянуть парня в свою банду и для начала определил его в тюрьму. А через своих знакомых ментов посадил к нему в камеру своего дружка, чтобы тот прокачал еще какие-то тесты на благонадежность. Потом, когда тесты, как я думаю, удались, он вытащил его оттуда. Чтобы тут же подставить его с внедорожником, на котором я вожу сейчас твою задницу. И я грохнул еще одного урода. Палец ему в глаз воткнул. Да, впрочем, какая разница – уродом больше, уродом меньше. Правда, Насть? Ведь главное – это крутиться в нужную сторону.

– Так это ты про себя рассказывал?! Я пойду...

– Сидеть! – рявкнул Виктор, и приподнявшийся было со стула девчачий зад аппетитно шлепнулся обратно.

– Пусти...

– Сидеть, я сказал! Я еще не закончил...

Макаренко медленно положил вилку на стол, так же медленно взял со специального подноса и развернул свернутую в колбаску влажную салфетку, тщательно вытер руки, осторожно положил ее обратно, после чего несколько раз сжал-разжал кулаки, закрыл глаза и задышал ровно и глубоко, словно пловец перед стартом.

«Надо чаще ходить в рестораны, – думал он, расслабляя организм перед броском. – Глядишь, и висяков в нашей работе существенно поубавится.

Парень, конечно, не прост, коли такую кучу народа завалил, причем в основном голыми руками. Но, думаю, что заточки не понадобятся. Так справлюсь».

В пояс милицейского брючного ремня, поддерживающего форменные штаны сзади, один над другим были вшиты два чехла, в которых покоились до поры до времени пара обоюдоостро отточенных металлических штырей, вместо рукояток до половины обмотанных лейкопластырем. Это оружие Макаренко уже давно носил с собой и порой использовал для неофициального решения рабочих проблем. Удобное оружие, надо признать, ибо и после использования выбросить не жалко, и чужая кровь в пластырь впитывается – пальцы с рукояти не соскальзывают, и – самое главное – на рукоятке отпечатков тех самых пальцев не остается.

Мужской голос в соседнем шатре продолжал:

– Вчера человек, увидев меня, умер. Очень хотелось бы думать, что от страха. А другому я раздавил горло вот этими самыми пальцами. Которыми, как ты помнишь, я чуть раньше выдавил глаз еще одному человеку. И все это потому, что нашему с тобой общему знакомому захотелось поразвлечься.

– Вить, отпусти меня, а?

В голосе девушки больше не было ни слез, ни ярости. Он дрожал от страха.

Не каждый раз удается перед решительными действиями «прозвонить» тело, но когда есть такая возможность, грех ею лишний раз не воспользоваться. «Дыхание... Рефлексы... Контроль пространства... Пятый уровень взаимодействия... Пошел!» Макаренко приподнялся и неслышно отодвинул стул в сторону.

«Граждане бандиты! Ваша банда полностью блокирована. Оба выхода перекрыты. Так что предлагаю вам сдаться по-хорошему».

Фраза из известного сериала абсолютно не к месту крутилась в голове Макаренко, пока он кошачьими шагами крался к выходу из шатра. На пятом уровне, когда немного замедляется время и пространство вокруг становится расплывчатым, из глубин сознания частенько к месту и не к месту всплывают разные фразы и плещутся в мозгу, как рыбки в аквариуме, при этом абсолютно не мешая телу самостоятельно выполнять поставленную задачу. Мозг отдыхает, работают рефлексы...

Ковролин на полу, рисунком и ворсом претендующий на персидский ковер, приглушал и без того неслышные шаги.

Макаренко приподнял полог своего шатра, сделал шаг вперед и взялся за край полога шатра соседнего...

В эту секунду двери ресторана за его спиной с шумом распахнулись. Именно с таким шумом, какой бывает от хорошего пинка, посредством которого открывать ресторанные двери как-то не принято.

Макаренко на нестандартную ситуацию среагировал мгновенно – он официантным ужом нырнул в шатер говорливых соседей, шепотом сказал «Тссс!» парочке за столом и приложил глаз к щели между пологом и ковровой стенкой шатра...

Витек наконец-то выговорился. Но легче от этого не стало. Всплеск эмоций, выдернувший из него рассказ, который, в общем-то, если подумать хорошенько, рассказывать кому попало и не следовало, облегчения не принес. И сейчас черная волна депрессии, немного отпустившая минуту назад, снова вполне ощутимо и материально затапливала измученный бессонницей мозг.

Депрессия была намного реальней следователя, ни с того ни с сего втекшего в шатер и сейчас стоящего к ним спиной в интересной позе. Но необычное происходило не только в шатре. Судя по звукам, доносящимся снаружи, в ресторане разворачивалась весьма нестандартная ситуация.

Человек, вошедший в «Место встречи...», был сед, худ, хорошо одет и внешне благообразен. Ему на вид было лет пятьдесят с небольшим, но глаза из-под седых бровей сияли силой, волей и энергией, которым позавидовал бы двадцатилетний джигит. Любой более-менее опытный менеджер любого, даже самого что ни на есть престижного ресторана при первом взгляде на такого посетителя прогнулся бы коромыслом, чтобы угодить неожиданному гостю. Ибо пах этот гость не только дорогим парфюмом и солидными чаевыми, но и большими неприятностями в случае чего.

У таких гостей неприятности случаются редко. Чаще они доставляют их другим – тем, кто имел неосторожность встать им поперек дороги. Причем доставляют они их не сами. Они отдают приказы. А технической стороной решения проблем у этих людей занимаются другие.

И сейчас эти другие в количестве шести человек сноровисто доставали из-за пазух тридцатисантиметровые пеналы, по виду и размеру схожие с теми, в каких школьники и студенты восьмидесятых носили логарифмические линейки. И хотя молодые люди тоже одеты были достаточно солидно, взглянувший на их лица обыватель вряд ли решил бы, что это студенты. Скорее всего, он отвел бы взгляд и поспешил пройти мимо.

Потому что в глазах молодых людей горел огонь, при наличии которого внутри черепной коробки человек способен не раздумывая дернуть чеку на поясе шахида, надетого на себя. Либо направить захваченный самолет на мирное здание. Или же отработанным движением

развернуть безобидный с виду пенал в пистолет-пулемет ПП-90М, очень похожий на знаменитый «Узи», и начать косить очередями посетителей маленького ресторанчика.

Но седой человек качнул головой – и пальцы молодых людей замерли на курках. Человек обвел взглядом зал, немногочисленных клиентов и официантов, замерших, словно статуи музея восковых фигур, и, безошибочно определив среди статуй директора, поманил его пальцем.

Артавазд моментально вышел из оцепенения и шустро подбежал к предводителю шайки автоматчиков.

– Слюшай, дорогой, – с едва заметным акцентом произнес седой. – Мне сказали, что сюда зашел очень нехороший человек. Молодой такой, с девушкой. Где они, а? Не вижу их совсем.

Человеку, впервые зашедшему в «Место встречи», на первый взгляд шатры Артавазда могли показаться просто стеной, увешанной коврами. Вот и у седого то ли глаза с возрастом стали видеть хуже (во что, судя по этим пронизывающим глазам, верилось как-то слабовато), то ли не захотел лишнего шума и стрельбы в опасной близости от отделения милиции (во что верилось с намного большей долей вероятности), то ли не привык, чтобы над ответами на его вопросы долго раздумывали, да только, подождав пару секунд, он протянул к лицу директора руку с длинными, холеными, увешанными перстнями пальцами, вогнал большой палец в угол рта, а ногтями остальных впился ему в ухо. И, сжав кисть, повторил вопрос.

От невыносимой боли Артавазд взвизгнул, присел и... потеряв сознание, мешком сполз на пол.

– Вах, какой нежный, – поморщился седой, выдергивая салфетку из стакана на ближайшем столе. Он тщательно вытер пальцы, скомкал салфетку и брезгливо бросил перепачканный в слюнях и крови комок на лежащего человека.

Видимо, он привык все делать основательно и при этом никуда не торопиться. Допрос директора не удался, и седой едва заметным кивком головы указал на ковры в глубине зала. Четверо молодых людей двинулись вперед, держа автоматы на изготовку. Двое, те, что постарше и посolidней с виду, отличающиеся от остальных аккуратно подстриженными бородами, остались по бокам седого, одновременно прикрывая главаря и блокируя выход из ресторана. Седой пододринул стул, сел и жестом позвал официанта.

– Чай есть?

– В-вам какой? – заикаясь, промямлил бледный официант.

– Зеленый, канешно, – улыбнулся седой. – И убери это, – он кивнул на неподвижного директора. – Люди войдут – что подумают?

Официант тормознул немного, соображая, какой приказ выполнять первым, потом решив, видимо, что чай важнее, бросился в сторону кухни. И тут же присел на середине рывка.

Из-за ковров, оттуда, где находился вход в кухню, раздался треск и грохот, как будто рухнула стена. Боевики с автоматами, не дошедшие нескольких шагов до ковровой стены, тут же изменили направление движения и ринулись на звук...

Увидев входящих в ресторан боевиков, Макаренко осторожно задернул ковровую щель, завел руки за спину, быстрым движением выдернул штыри, сделал шаг к столу, сунул одну из заточек в руку Витька и освободившейся ладонью плавно прикрыл рот девице, собравшейся завизжать при виде пары обоюдоострых самодельных стилетов, довольно жутковатых с виду. Вся процедура заняла не больше секунды.

– Тихо, дура, – прошипел Макаренко в ухо девице. – Там шахиды. Щас взрывать здесь все будут. Надо сваливать.

Что такое «шахид», с недавних пор русский человек знает очень хорошо. Шоковая терапия подействовала. Настя судорожно кивнула.

Макаренко отлепил ладонь от Настиной помады и, шагнув к дальней стене шатра, ткнул пальцем в ковер.

– Режь здесь, – прошипел он Витьку, медленно вводя в ткань лезвие заточки и надавливая книзу. – Только быстро, тихо и оччень аккуратно.

За последнее время в череде людей, появившихся в жизни Витька, следовательно почему-то произвел наиболее благоприятное впечатление. И, несмотря на вдолбленное с детства дворовой шпаной «нам менты не кенты» и «мусору верить – себя не уважать», почему-то этому «мусору», столь неожиданным образом прервавшему его обед, Витек поверил сразу.

Он тихо поднялся со стула, сделал шаг и, послушно вогнав лезвие в указанную точку, начал осторожно пилить толстую ковровую ткань.

Совместными усилиями все было кончено меньше чем за минуту. Макаренко раздвинул образовавшийся прорез. Перед ним была гипсокартонная перегородка, отделяющая ресторанную кухню от зала.

– Готовы? – одними губами спросил Макаренко.

Витек недоуменно дернул бровью, но «к чему?» спросить не успел.

Мошно выдохнув, Макаренко нанес удар ногой в середину хлипкой стены.

От этого нехитрого действия достаточно солидная с виду стена повела себя так, как ведут себя стены в плохих боевиках. То есть громко, пыльно и послушно рухнула внутрь кухни.

– Бежим! – заорал Макаренко, перепрыгивая через обломки гипсокартона и бросаясь вперед.

А Витек тормознул чего-то.

Ну, понятно – вроде бы все кино смотрели, и не раз. И когда там крошат стены и орут тебе благим матом «Бежим!!!», стало быть, бежать надо. Никто не задает идиотских вопросов «куда?» да «зачем?». Сказано бежать – беги, отстреливаясь, если есть из чего, так, чтоб пятки сверкали, слепя бликами сидящих на хвосте лиходеев.

Тут же совсем не к месту вдруг возникло в голове это самое «зачем?».

Витек утер с лица рукавом гипсовую пыль, шагнул назад, приподнял полог шатра и – нос к носу столкнулся с чернявым молодым человеком, судя по скорости его передвижения, страстно желающим в этот шатер проникнуть.

Возможно, что, не оказись на его пути Витька, и проник бы молодой человек, куда ему хотелось, и, глядишь, зажатый в руке автоматом воспользовался бы точно и профессионально – но, как говорится, знал бы где упасть, упал бы в другом месте. И Витек, не оказись он на этом самом пути, скорее от неожиданности, не ткнул бы кулаком в летящего на него джигита и не убил его неожиданно для самого себя заточкой, зажатой в этом самом кулаке.

Железо с едва слышным треском легко – ни в какое сравнение с только что резанным ковром – пропороло ткань дорогого пиджака и так же легко вошло в сердце, как входит шампур в кусок хорошо отбитой баранины.

То, что джигит мертв, Витек понял сразу. Возможно, даже раньше, чем понял это сам убитый, попытавшийся оттолкнуть неожиданное препятствие и вдруг понявший, что – все. Что вот эти равнодушные глаза – последнее, что он видит на этом свете. Витек тоже встретился глазами с джигитом – и увидел, как гаснет в них безумный огонь шахида. Может быть, медленнее, чем гаснет огонь в перегоревшей лампочке. Но если медленнее, то ненамного.

«Восьмой».

Абсолютно никакая мысль всплыла в голове Витька. А о чем еще думать в такие мгновения? Не о том же, что только что словно кто-то чужой, живущий в его теле, направил клинок именно в ту точку, от тычка в которую железным штырем человек умирает меньше чем за секунду.

«Восьмой...»

Вслед за этой мыслью всплыл бородастый анекдот про «восьмого». Витек хмыкнул, стряхнул мертвое тело со штыря и всадил его в тело следующего претендента на проникновение внутрь шатра.

Второй джигит, на бегу попытавшийся подтолкнуть в спину замешкавшегося впереди товарища, подтолкнул пустоту. Товарищ внезапно резко сполз на пол, и на месте его затянутой в черный пиджак спины оказалась летящая навстречу окровавленная заточка.

Но второй джигит оказался опытнее первого, уже подлетавшего к небесной базе Аллаха со сладкоголосыми гуриями. Остановиться он уже не успевал, но на бегу, не сбавляя скорости, резко повернул корпус – и штырь, теперь уже вполне осознанно направленный в сердце, лишь распорол шелк пиджака и рубашку под ним, разрезал кожу и, чиркнув по ребру, провалился в пустоту. Результат осознанного удара получился несравнимо худшим, чем предыдущий...

Черный пиджак в области разреза мгновенно стал еще чернее от брызнувшей крови. Но опытный джигит свой опыт получал не в ресторанах, а в горячих точках межнациональных разборок и подобные раны считал царапинами. Стрелять было тесно и неудобно, проще было ударить автоматом по кулаку с заточкой, который обратным движением намеревался уже полоснуть по шее.

Что джигит и сделал, выбив окровавленный штырь из руки противника. Следующим движением джигит крутанул корпус в обратную сторону, треснув Витьку между глаз тем же стволом автомата.

Витек от удара качнулся назад. Джигит оскалился – ствол тупорылого ПП-90М смотрел в живот врага.

Джигит любил своих врагов в такие моменты. Когда они слабы, когда открыты для пуль и лезвий их животы, когда их никчемные рабские души готовы отлететь в чертоги их смешных богов, освобождая места на земле для новых воинов ислама. Он любил их за то, что они избрали именно его для этой миссии – освободить землю от еще одного неверного. Он слишком сильно любил этих людей в эти моменты. И, возможно, сосредоточенность на этой великой любви помешала ему заметить мосластый кулак, вылетевший из-за плеча его почти уже мертвого врага...

Кулак Макаренко врезался в нос джигита и отбросил его на метр назад. Ударенный снес собою стол и упал на пол. Правда, он тут же попытался вскочить, но упал снова, как боксер, схвативший на ринге нокаут и еще не понявший, что это именно нокаут, а не просто обычный удар в переносицу.

– Бежим, блляха!!!

Макаренко схватил Витьку за шиворот и швырнул его в сторону кухни. Другой рукой следователь произвел ту же манипуляцию с остолбеневшей Настей и сам рыбкой нырнул следом, сопровождаемый градом пуль. Двое оставшихся снаружи джигитов при виде, мягко говоря, неудачных попыток товарищей проникнуть внутрь ковровой цитадели, решили действовать более бесхитростно и, выпустив в огромный ковер по три десятка пуль каждый, сейчас меняли магазины, намереваясь удвоить количество дырок в узоре ручной работы.

Макаренко проехался на животе по остаткам стены, вскочил на ноги и рванул было в глубь кухни мимо поваров и поварят, присевших за свои плиты и кастрюли, но успел сделать только несколько гигантских прыжков.

Пуля ударила в ногу чуть выше колена. Макаренко споткнулся, по инерции сделал еще пару шагов и на третьем шаге понял, что теперь дальше он сможет только прыгать на одной левой.

Витек, повинувшись приданному капитаном ускорению, уже промчался половину пути, волоча за собой Настю по направлению к двери напротив, которая ну по всем меркам должна была выходить на улицу. Потому как если не на улицу – то все, кранты, поворачивайся назад, лапки кверху и иди сдавайся неизвестно откуда свалившимся на голову моджахедам. И промчался бы Витек дальше, кабы уголком сознания, сквозь звон вражьих пуль о кастрюли не уловил сдавленный стон. Он обернулся.

– Ты чего, капитан?

– Беги, – сквозь сжатые от боли зубы прошипел Макаренко. – Мента мочить побоятся.

Витек посмотрел вслед Насте, летящей к двери прямо по классическому, на двадцать футов впереди своего визга, хмыкнул, потом вернулся, взвалил следователя на плечо и попер его в том же направлении.

«Киношный сюжет, – подумал Макаренко, морщась от боли и стыда, – осталось толькостонать „брошь меня, командир, а то стукану коллегам, и закроют они тебя за твои дела на острове Огненном, как в известной песне, „на всю оставшуюся жизнь“».

Джигиты перезарядили автоматы и выпустили в ковер еще по магазину, но Витек уже ввалился в дверной проем на противоположном конце кухни.

За дверью был недлинный предбанник со старым хламом, сложенным вдоль стен, заканчивающийся металлической дверью с задвижкой изнутри. Дверь была распахнута, за ней виднелся кусок улицы и слышался где-то вдали удаляющийся визг Насти.

По пути Макаренко протянул руку и прихватил стоящий у стены лом.

– На хрена тебе лом? – прохрипел Витек, слегка задохнувшийся во время скоростной транспортировки стодвадцатикилограммового следователя.

Макаренко ничего не ответил.

Через секунду они вывалились на улицу. Перед ними была проезжая часть узкой улочки между домами. Внедорожник Витька остался у парадного входа в ресторан. А ловить тачку с раненым милиционером на плече на улице, которая шириной как раз только-только продуктовой «газели» Артавазда подъехать-развернуться-разгрузиться, да и то тесновато будет, можно примерно с такой же долей вероятного успеха, как поймать кита на спиннинг в Истринском водохранилище.

Макаренко сполз со спины Витька, привалился к стене, закрыл дверь и подпер ее ломом, вогнав перед этим оный в асфальт мало не на палец глубиной.

– Здоров ты, капитан, – выдохнул Витек, вытирая пот со лба.

За дверью громко завозились и залопотали на нерусском языке. Даже стукнулись в нее раза два без особого результата.

– И ты неслаб, хотя с виду не скажешь.

– Бывает со мной такое, – сказал Витек равнодушно. – Колбасит не по-детски, когда меня убивать пытаются. Сам удивляюсь.

– Колбасит не колбасит, а все равно спасибо.

– Не за что, – пожал плечами Витек.

– Хорошая дверь, наша, не то что импортные, – сказал Макаренко, кивая на дверь. – Сталь «трешка». Такую «калашом», может, и возьмешь, но только пока возьмешь, рикошетов нахватаешься. А «калашей»-то у них и нет.

– И у нас нет.

– Угу, – согласился Макаренко.

– И чего дальше делать будем? – спросил Витек. – Я тебя больше переть по-любому не смогу. И так ноги трясутся. Здоров ты больно.

– А я особо и не напрашивался, – сказал Макаренко. – Ты это, беги куда-нибудь. А то сейчас джигиты в зал вернутся, доложат своему Хоттабычу что почем, ресторан обегут по периметру, и писец нам обоим.

– Так оно по-любому когда-нибудь писец, – сказал Витек равнодушно. – И какая разница – сейчас или завтра?

Макаренко с интересом посмотрел на парня.

– И чего, совсем жить не хочется?

– По фигу, – сказал Витек, сплюнув на асфальт набившуюся между зубов гипсовую пыль. Закончить дискуссию им не дали.

Из-за угла ресторана вылетела белая «десятка» и с визгом тормознула рядом. За рулем сидел Афанасий.

– Мухой в тачку! – проревел он.

Два раза повторять не пришлось. Витек рванул на себя заднюю дверь, вернулся, поднатужился, заволок в салон раненого следователя, захлопнул дверь и сам влез в машину рядом с водителем.

– Кто это с тобой? – бросил Афанасий, дергая рукоятку переключателя скоростей и выжимая газ до пола.

– Мент, – сказал Витек. – А чего это вы со своим Стасом, как в кино, всегда вовремя появляетесь, все красивые и в белом?

– Это – мент?! – вместо ответа заорал Афанасий. – Ты мне мента в тачку засунул? Да еще... чего это с ним?

На очередном повороте Макаренко завалился на бок и отключился.

– Да он поди еще и с дыркой!

– В ногу, – уточнил Витек. – Его в больницу надо.

– Это тебя в больницу надо. В психушку, – фыркнул Афанасий, выруливая на проспект. – Чтоб ментов дырявых порядочным людям в тачки не совал. Ф-фу, вроде оторвались.

– От кого?

– В город Тигр-хан пожаловал. Тебя мочить за Саида и заодно территорию его себе прибрать. Поликлиника твоему менту сойдет?

– Сойдет, наверно. Если все равно поблизости больше ничего нет.

Афанасий гнал далеко за сотню. Подержанная «десятка» тряслась на поворотах, в ней что-то подвывало и жалобно скрежетало, когда Афанасий выкручивал руль, чуть не сворачивая его напрочь лопатообразными ручищами.

– Ты поотвественней, Шумахер, шас у твоей бабушки колеса отвалятся, – посоветовал Витек.

– По твоей милости черт-те на чем ежу, – проворчал Афанасий. – И так уже народ стелбется – вон, говорят, наша лягушонка в коробчонке едет. Хорошо, что за глаза, а то бы...

Витек нахмурился. Им, романтикам ножа и топора, может, человека завалить – что клопа прихлопнуть. И машину спереть, только что проданную, как два пальца облевать. И совесть у них спокойна, как удав. И трупы к ним, через эти дела получившиеся, по ночам не шастают. И депра днем не кроет так, что хошь лезь на стенку, а хошь и прыгай с нее этажа эдак с десятого.

Но долго хмуриться да переживать времени не было. Депрессия – это такая болезнь, которая сразу девается куда-то, как только больной ею выдергивается в экстрим и окунается в мордобитие, стрельбу по живым мишеням или еще в какую-нибудь молодецкую забаву, кровь будоражащую и прочищающую мозги, этой самой депрессией пораженные, казалось бы, безнадежно и навсегда.

Попетляв по городу, Афанасий тормознул около ворот облезлой трехэтажной поликлиники.

Они вышли из машины и, вдвоем вытащив за подмышки из салона отключенного от кровопотери следователя, понесли его внутрь здания.

– А твой мент-то наш человек, – прокряхтел Афанасий, перенося ноги Макаренко через порог. – То есть, тьфу ты, не в смысле наш, а в смысле здоровый кабан.

– Что-то мне вообще последнее время в жизни одни кабаны встречаются, – простонал Витек из-под другой следовательской подмышки. – Прямо не город, а зоопарк какой-то.

В холле поликлиники было пустынно, как в музее. За стеклянной перегородкой с надписью «Регистратура» сидела древняя бабулька в белом халате, очках и седых кудряшках, кокетливо выбивающихся из-под накрахмаленного белого колпака.

– Бабанька! – заорал с порога Афанасий. – Нам к врачу надо, да побыстрее!

«Бабанька» флегматично оторвала взгляд от разложенной перед ней газеты.

– А я вам талон давала? – спросила она бесцветным голосом.

– Слышь, мать, – пропыхтел Афанасий, склоняясь над окошком, – те, кому ты давала, давно уже ничем не болеют, и врачи им без надобности. А у нас живой человек погибает, и к твоим женихам ему пока рановато. Хирург есть у вас?

Бабулька медленно перевернула лист газеты с эмблемой «Русского Национального Единства» в верхнем углу.

– Без талона не положено.

– Ну, не положено, да и хрен с ним, – согласился Афанасий. – Ментом больше, ментом меньше, нам оно без разницы. Скидавай его здесь, Витек, и поехали. Мне тебя еще к шефу везти.

– Что значит «скидавай»? – встрепелась старушка. – А ну-ка, молодые люди, будьте любезны очистить помещение. Если к нам тут всех алкоголиков будут стаскивать...

– Да не пьяный он, мать, – устало сказал Афанасий, для наглядности мазнув окровавленной ладонью по надписи «Регистратура», отчего та приобрела зловеще-киنگовский вид. – Мы его такого на соседней улице подобрали. Жопа у него вся в кровище, и талона нет ни в ней, ни поблизости. Может, у него геморрой открылся. Откуда мне знать, я ж не проктолог? Ты бы врача позвала, а?

При виде четырех окровавленных полос на стекле, появившихся вследствие Афанасьевых манипуляций, патриотически настроенная старушка пролепетала «сейчас-сейчас» и убежала куда-то.

– Ну и нам пора, благословясь, – сказал Афанасий.

Они с Витьком усадили бесчувственного Макаренко на древний плюшевый диван казенного вида, стоявший у стены, и ретировались.

– Никогда бы не подумал, что когда-нибудь буду мента спасать, – хмыкнул Афанасий, залезая в машину. – Блин, и заднее сиденье все в кровище, как в «Криминальном чтиве». Были бы в Москве, нас бы на первом же посту ГАИ замели, не вдаваясь в биографию. И хрен бы кто доказал, что ихнего коллегу, рискуя жизнью, с поля боя вывозил...

– Ты так и не ответил, – сказал Витек.

– Это ты о чем?

– Это я о том, что как это так получается, что вы со Стасом, как Чип и Дейл, всегда вовремя появляетесь, когда на мою шею намечаются приключения?

– А, ты о том, как я узнал, что у вас в кабаке гимор образовался? – рассмеялся Афанасий. – Так тут все просто, как чукотский апельсин. Твоя Настя всем в клубе раззвонила, какой у нее охренительный кавалер образовался – на точиле навороченном, при бабле, только подставок для пальцев не хватает. И в «Месте встречи», мол, мы каждый день сидим, когда мой новый русский не на работе, и ваще круче него только горы да яйца. На работе тебя не было, стало быть, где тебя еще искать?

– А с какой радости это я вам так срочно понадобился?

– Да не ты нам, а скорее – мы тебе, – хмыкнул Афанасий. – Не хочет почему-то Стас, чтоб тебя вот так дуриком замочили. Тут информашка пришла, что в городе Тигр-хан образовался. Он Саиду какой-то дальней родней приходится, а у них, сам знаешь, все родственники, не то что у нас. Но, думаю, дело тут не столько в родстве, – сколько в куске пирога. Кусок уж больно сладкий, ради него можно и с гор спуститься.

– И чем же он сладкий? – спросил Витек.

– Да как тебе сказать, – задумчиво ответил Афанасий. – Ну, во-первых, до столицы, считай, рукой подать. Но в то же время не столица. Это понятно. В ней, родимой, давно все под ментами, там уже не постреляешь особо без разрешения. Мигом «маски-шоу» здоровья лишат

да закроют черт-те на сколько. А здесь, если все схвачено, пока еще можно все. Чего хошь ввози-вывози, потихоньку в столицу переправляй и живи-радуйся. Это первое. А второе...

Афанасий задумался.

– А второе, – напомнил о себе Витек.

– А второе – байка тут такая ходит. Вроде бы фуффло, а вроде и нет. Леса наши видел? Витек неопределенно кивнул. Вспомнился лес, костер в яме...

– Ну видел.

– Ничего странного не заметил?

Витек вспомнил жутковатые колонны не ко времени лысых деревьев.

– Ну-у-у... – протянул он.

– В тех местах в семидесятые-восемидесятые типа неслабая секретная возня была. И интерната вашего она, кстати, тоже, говорят, коснулась. А потом, когда Союз нерушимый развалился, все поутихло. И остались – поля голые, леса голые, если что растет – то кривое, косое, без листьев, считай, Чернобыль местного масштаба. Хотя приезжали тут какие-то черти со счетчиками, мерили чего-то, сказали – нормально, нет радиации. Однако лес как был лысый, так и остался. А люди говорят, что в брежневские времена из-под земли в тех местах гул какой-то шел, будто там поезда ходили или еще что. В общем, треп, конечно, но ценности нашему городу прибавляет. Каждый норовит тут у нас под землю пробраться, но пока никто ничего интересного не нашел.

– И Стас тоже?

Афанасий хмыкнул.

– Да у него пока и без бабушкиных сказок развлечений хватает. А вот народу неймется. Денег сделают – и лезут от не хрен больше делать куда не просят.

Он нехорошо оскалился.

– Ну и пусть лезут. Как говорится, блаженны нарывающиеся, ибо огребут они в Царствии небесном.

На обочине дороги, на столбе висел покосившийся рекламный щит с надписью «Сосу за копейки». Под надписью был изображен пылесос. У столба кучковалась стайка юных жриц любви под предводительством мамки, телосложением напоминающей опытного борца сумо.

– О, приколы нашего городка, – воскликнул Афанасий, тыкая пальцем в рекламу. – Щас развлечемся, братуха.

Витек скривился. Продажная любовь вызывала в нем отвращение.

– Ты вроде говорил, что мы к Стасу едем?

– Одно другому не мешает, – сказал Афанасий, притормаживая возле мамки и опуская стекло. – Ну что, мать, трудимся, как в анекдоте? Мышки-проститутки, пять копеек пучок?

Мамка вразвалку подошла к машине и нависла над Афанасием, протиснув подбородок и часть мощного бюста в окно машины.

– Мы шутить или по делу? – прогудела она.

– По делу, – покладисто согласился Афанасий.

– На какую сумму рассчитываете, мужчины?

Голос мамки гулко перекатывался внутри салона.

– Так на плакате написано – за копейки, – сказал Афанасий.

– Так то на плакате...

Взгляд мамки, сканирующий сначала клиентов, потом – салон автомобиля, остановился на буром пятне, которое разлилось на добрых две трети заднего сиденья. Мамка прищурилась, потом мощно втянула ноздрями чуть сладковатый воздух салона, после чего неожиданно резво для своих габаритов отпрыгнула назад, что-то крикнула стайке девчонок и, переваливаясь, побежала в сторону пятиэтажек, сиротливо притулившись неподалеку от дороги. Девчонки бежали впереди нее, разбрызгивая модными туфлями позднеосеннюю грязь.

– Ну вот, развлеклись, – огорченно произнес Афанасий, трогаясь с места. – По идее, наказать надо бы тетку за то, что на чужой территории промышляет, да времени нету. Стас ждет.

– А ты и вправду хотел... ну это?.. – спросил Витек.

– За копейки-то? – хмыкнул Афанасий. – А чо? Ты вот скажи, тебе делали когда-нибудь минет за пять копеек? Было такое в твоей биографии?

Витек скривился.

– Я вообще никогда за деньги ни с кем не трахался. Противно.

– Это ты зря, – авторитетно заявил Афанасий. – Оно вообще за бесплатно только на субботниках бывает. Или в книжках. Молодой ты еще, жизни не видел. Подрастешь, въедешь в тему и поймешь, что по любви оно часто дороже выходит.

Музыка, ревушая из задних колонок, прервалась, и въедливый голос ведущего произнес: «Не говорите мне, как жить, и я не скажу, куда вам надо идти».

– Вот-вот, – сказал Витек. – Что-то типа этого я только что и собирался сказать.

Афанасий рассмеялся громко и весело, как может смеяться только счастливый, не отягченный никакими заботами человек, и выжал педаль газа до пола.

* * *

Макаренко очнулся от тишины. Тишина висела в воздухе и была почти осязаемой. Необычной, какой не бывает в повседневной жизни даже по ночам, озвученным лаем бродячих собак, сигнализациями потревоженных машин, ветром, скребущимся в окно, и поскрипыванием этого самого окна, которое давно бы пора уже отреставрировать да покрасить, да вот как-то все не доходят руки. Да и осталось оно, это окно, вместе с домом далеко-далеко от его вечно занятого хозяина.

Тишина была не домашней. И не домашними были запахи. Пахло чем-то острым, приторным, казенным, знакомым еще по тем далеким временам, о которых очень хотелось забыть...

«Больница», – подумал Макаренко.

Открыть глаза оказалось делом неожиданно нелегким, но следователь собрался с силами и поднял свинцовые веки.

Мягкий дневной свет, льющийся из окна напротив, больно резанул по глазам. Андрей сморгнул набежавшие слезы и попытался пошевелиться.

Тупая боль пришла откуда-то снизу. Макаренко замер, закусив губу. Боль поворочалась под одеялом, как потревоженный зверь, и постепенно затихла. Теперь болела укушенная губа.

«Точно больница».

Вспомнился ресторан, выстрелы, удар пули в ногу, чья-то машина, уносящаяся от погони. И любимый Высоцкий.

И однажды как в угаре
Тот сосед, что слева мне
Вдруг сказал: – Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет.
Как же так, неправда, братцы,
Он, наверно, пошутил,
– Мы отрежем только пальцы, —
Так мне доктор говорил.

Макаренко осторожно повернул голову и скосил взгляд вниз. Похоже, под одеялом были обе ноги.

«Да и ранение, вроде, было в мясо. И пуля не пиленая. Наверно... А ты уверен, что не пиленая и что именно в мясо?»

Захотелось начать нервничать, дергаться, приподнимать одеяло и проверять наличие целой, неампутированной ноги. Но зверь, притаившийся под одеялом, коварно напоминал о себе, пульсируя в области, интересовавшей сейчас Андрея больше всего.

Судя по пульсации, нога была на месте. Но тут как раз некстати вспомнилась прочитанная когда-то где-то газетная статья о фантомных болях в конечностях, которые отрезали давным-давно.

«Ой, как правильно в школе учили: коли зло пресечь, забрать все книги бы, да сжечь. Лучше б с операми водку пил в свободное время, чем в газетах читал про всякую ерунду».

Макаренко начал тихо паниковать...

Справа кто-то тонко чихнул.

Андрей осторожно, боясь потревожить пульсирующего внизу зверя, повернул голову.

С соседней кровати на него смотрел Артавазд, директор ресторана «Место встречи». Нижняя и верхняя часть лица директора была забинтована, отчего он немного смахивал на киношного человека-невидимку. Узнать Артавазда можно было лишь по большим печальным глазам, грустно смотревшим из щели между повязками.

– Извините, – сказал Артавазд.

– Ничего, будьте здоровы, – ответил Макаренко.

– Как нога? – кивнул на одеяло директор.

– А она есть? – с опаской спросил Андрей.

– Есть-есть, не волнуйтесь. Врач сказал, что была слегка задета кость, но сейчас все в норме. Через недельку-другую будете в строю.

– И на том спасибо, – облегченно вздохнул Андрей. – Я уж думал, что теперь так до конца жизни, как капитан Сильвер, на деревянной ноге буду шкандыбать. С попугаем.

– Как кто?

– Да, неважно. Главное, нога цела. А я уж думал...

– Вы зря волновались. Я договорился с лучшим хирургом в этом городе, и он обещал, что все будет без осложнений. Даже хромать не будете.

Губы армянина двигались вместе с бинтами, еще больше усиливая его сходство с известным литературным персонажем.

«Ага, стал бы ты так стараться, если бы дело не касалось и тебя тоже, – подумал Макаренко. – И отдельную палату организовал на двоих не иначе из соображений, что в присутствии мента меньше шансов, что придут и добьют. А они могут. Как-никак, похоже, Витя там одному из них кровь-то пустил нехило. Им же плевать, кто виноват, кто прав. Если в его ресторане родственника порезали, могут решить, что по-любому армянин – кровник. До кучи с остальными участниками кровопролития».

В палату вошла медсестра.

– К вам посетитель, – сказала она Андрею. – Вообще-то, доктор не велел беспокоить, но...

– Извините, милочка, но побеспокоить больного придется.

Замятин просочился в палату в щель между косяком и полным бедром пышнотелой медсестры. Белый халат, на пару размеров больше, чем требовалось бы, складками свисал с костлявых плеч опера, делая его похожим на большую бабочку.

– И это самое. Нам бы с больным с глазу на глаз пообщаться.

Замятин недвусмысленно пострелял глазами в сторону медсестры и директора ресторана.

– Конечно, конечно, – сказал директор, спуская ноги с кровати и всовывая их в тапочки.

Медсестра ничего не сказала, только фыркнула и, вильнув пышным задом (вряд ли ради Замятина, скорее, для Макаренко), ретировалась. Вслед за ней в коридор выскочил Артавазд.

– Как нога? – кивнул на одеяло Замятин.

– Спасибо, переживу.

Замятин порылся за пазухой и достал плоскую флягу.

– Будешь? Настоящий. Разливной, не бутылочный. Пять звезд. Или даже шесть.

Андрей вздохнул.

– Замятин, кончай воду мутить. Ты по делу или как?

Оперативник запрокинул голову, пару раз дернул кадыком, потом обстоятельно вытер губы рукавом халата и медленно завинтил крышку на фляге. На серовато-белом рукаве рядом с влажным пятном от губ Замятина виднелись плохо застиранные пятна аналогичной формы.

– Или как, – сказал Замятин, ставя флягу на прикроватную тумбочку. – В ресторане человека замочили. И никого не трясет, что он голимый душман. А все стрелки указывают на тебя.

«Вот те раз, – мысленно подивился Макаренко. – Значит, Витек того импортного товара все же грохнул. А парнишка-то прямо-таки серийный убийца».

– Все официанты и посетители показали, что ты в шатер зашел за несколько секунд до того, как туда влетел этот полоумный. Они же говорят, что он не душман вовсе, а просто мирный посетитель, который, как стрельба началась, с испугу бросился куда глаза глядят. И напоролся на заточку.

Макаренко прикусил уже кусаную губу, но ничего не сказал. Ситуация складывалась не в его пользу, и сейчас каждое лишнее слово могло слишком дорого ему стоить. То, что на кровати сидел коллега, так сказать, собрат по оружию, при создавшемся положении вещей практически ничего не меняло.

«Официанты и посетители ресторана показали то, что им седой велел. И попробуй не скажи. Ментов моджахеды, ясно дело, подмазали. А теперь нужен крайний, которого надо отправить на зону. Например, абсолютно чужой для всех в этих краях московский мент. Вот только доедешь ли ты до зоны, крайний? То, что моджахеда Витек на твою заточку насадил, кроме тебя, больше никто не видел».

– Врага во мне увидал? – улыбнулся Замятин. – А зря. Я в ресторане первым оказался после налета и вот чего там на полу нашел.

Замятин порылся в кармане халата и извлек оттуда длинный ком смятого целлофана.

– Разворачивать надо?

Сквозь целлофан явственно белела рукоять из лейкопластыря, на четверть окрашенная черной засохшей кровью.

– Судмедэксперт в заключении написал, что душмана грохнули ножом. А про твои заточки в отделении кроме меня да Петрова никто не знал. Так что отдыхай, капитан, кушай Артаваздов шашлык, который, я думаю, тебе скоро из «Места встречи» приволокут, и ни о чем не думай. Твою вторую заточку я изъял, когда меня по поводу нее и твоего огнестрела местные доктора дернули. Сам понимаешь, хорошо, что меня, а не кого другого.

– С меня причитается, – выдохнул Макаренко.

– Да ладно, – отмахнулся Замятин. – Нормальный мент всегда мента прикроет. Ты лучше вот чего скажи – с какого хрена тебя из Москвы к нам перевели? Там тоже чего начудил?

– Долгая история. Расскажу как-нибудь.

– Ну и ладно, – улыбнулся Замятин. – Пошел я, однако, заточки твои топить.

– Спасибо, – сказал Макаренко.

– Ну, сам понимаешь, капитан, одним «спасибо» тут не отделаешься, – хмыкнул Замятин. – Как нога починится, с тебя пузырь.

– Да хоть два, – усмехнулся Макаренко.

– Ловлю на слове.

Замятин поднялся.

– Точно не будешь? – кивнул он на флягу.

После обилия столь разной и противоречивой информации хотелось забыться.

– А, давай, пожалуй...

– Тогда давай помогу, страдалец.

Замятин приподнял голову больного. Андрей сделал пару глотков и откинулся на подушку. Коньяк сразу же ударил в голову.

«Эх, не стоило после наркоза-то, – пришла запоздалая мысль. – А, ладно. Хотелось бы верить, что все... так гладко... обойдется...»

Мысли ворочались в голове все тяжелее и тяжелее. Сквозь внезапно накотившую сонную муть Макаренко еще успел увидеть удаляющийся белый силуэт Замятина.

«Хотелось... бы... верить...»

* * *

В комнате не было окон. И если даже в ней и имелись двери, то найти их с первого взгляда было непросто. Настолько плотно прилегали друг к другу панели из материала теплого, как нагретый за день камень, и черного, как чугунная плита.

В бронзовых светильниках, расставленных по углам, плясали языки пламени. У одной из стен комнаты стоял алтарь, увенчанный полуметровой статуей дракона из желтого металла. Перед алтарем находилась украшенная резьбой специальная подставка, на которой лежал короткий ритуальный меч в ножнах.

Посреди комнаты стояла низкая деревянная кушетка, на которой лежал спящий человек.

Человек был полностью обнажен. В его теле торчало несколько десятков тончайших игл, делая его похожим на дикобраза. Рядом со спящим в позе лотоса сидел другой человек. На человеке была надета абсолютно черная свободная куртка, того же цвета штаны и смешные не то носки, не то тапочки с отдельным большим пальцем. Таким образом открытыми у человека оставались лишь голова и кисти рук.

Со стоящей рядом скамеечки человек осторожно взял иглу длиной в дециметр, внимательно осмотрел ее и резким движением почти на всю длину всадил ее в лежащего перед ним человека, в точку, расположенную на несколько сантиметров выше его гениталий. Тот даже не пошевелился.

Он спал.

Человек в черном поджег тонкую палочку. В воздухе остро запахло полынью. Тлеющий конец палочки человек поднес к кончику иглы, воткнутой между глаз спящего, и замер.

С едва слышным шелестом провернулась на невидимой оси черная панель за спиной сидящего человека.

– Сихан!

Человек в черном не пошевелился. Лишь отблеск огня одного из светильников отразился в его раскосых глазах так, словно они были стеклянными.

– Почему вы перенесли этого человека в хондэн, сихан? Подобаает ли человеку, не знающему Пути Богов, находиться рядом с алтарем Уми-но-Ками?

Тот, кого называли сиханом, медленно отвел руку и затушил полынную сигарету в маленькой серебряной чашке, стоящей на скамеечке.

– Ты давно не практиковался в югэй, гэнин, – сказал он по-японски. – Оттого твои манеры оставляют желать лучшего. Никто не в силах постичь Синто, кроме самих богов.

Кулаки Стаса, все еще стоящего в полупоклоне на пороге комнаты, еле слышно хрустнули в тишине.

– Разве я заслужил оскорбление, сихан?

Человек в черном медленно провел рукой над телом спящего. И хотя его ладонь не коснулась ни одной из игл, показалось, будто все иглы шевельнулись, словно стебли тростника от случайного порыва ветра.

– А разве кумите не дал тебе год сроку, чтобы найти то, за чем тебя послали сюда? И разве этот год не истек сегодня?

Стас молчал, закусив губу. Дальнейшая беседа на пороге без приглашения войти внутрь была слишком для него унижительна.

– Ты можешь войти, – после минутной паузы произнес сидящий человек.

Стас сделал два шага, склонился в поклоне перед алтарем, потом подогнул ноги и сел на пол в позе лотоса.

– За это время я построил это здание. И потом – вы здесь уже два месяца, сихан. Вы же видите, что я делаю все возможное.

– Я вижу, – медленно произнес человек в черном. – Я часто вижу – и здесь, и тем более на родине, в Стране восходящего солнца, – что человек, который взял на себя обязательства перед Нинкедан и не выполнил их, как минимум предлагает кумите фалангу своего мизинца.

Лицо Стаса окаменело. Он опустил голову, потом повернулся и быстрым движением выдернул из подставки перед алтарем короткий ритуальный меч. После чего он с треском оторвал полу своего кимоно и положил ее на пол перед собой. Его левая рука с оттопыренным мизинцем легла на материю. Стас занес клинок, закрыл глаза и беззвучно зашептал что-то, готовясь по всем правилам подать требуемое.

Человек в черном беззвучно рассмеялся.

– Твое юбицумэ не будет иметь смысла, Яма-гуми. Мне не нужны части твоего тела. Мне нужен результат.

– Сегодня вы впервые назвали меня по имени, которое сами дали мне много лет назад, сихан, – сказал Стас, вкладывая меч в ножны. К его белому как мел лицу медленно возвращалась краска.

– А сегодня я думаю, что поторопился тогда, давая тебе столь громкое имя.

Стас замер. Потом снова дотянулся до подставки, быстро вытащил вложенный было меч из ножен и резко воткнул его в себе в бедро. Его хакама мгновенно окрасилась кровью.

– Сейчас я больше ничем не могу доказать то, что я достоин своего имени, как и много лет назад, – сказал Стас.

Меч торчал в его ноге, всаженный в бедро на половину клинка, но на этот раз ни единый мускул не дрогнул на лице гиганта.

Тот, кого он называл сиханом, взглянул на меч, поморщился, потом рассмеялся беззвучным смехом. Смех этот производил довольно неприятное впечатление – казалось, что на лице японца двигаются только губы. Остальное было сплошной неподвижной маской.

– Да, я помню, что в дакентай-дзюцу тебе не было равных. Но, похоже, что ты забыл о том, что я это помню. Матануки теряет смысл, когда тот, кто его демонстрирует, тычет мечом в правильные места и при этом не чувствует боли.

Стас скрипнул зубами и опустил голову.

Сихан рассмеялся снова.

– За последнее время ты стал слишком похож на белого человека. Ты не сдержан, ты не следишь за своими эмоциями. Думаю, причина в том, что ты слишком много куришь той дури, которую воин может себе позволить не чаще двух раз в год после выполнения трудной задачи. Вытащи сето, перевяжи рану и прекрати вести себя как мальчишка, – приказал он и снова склонился над телом спящего.

Стас послушно выдернул меч из ноги и, нажав пальцами на две точки около раны, за несколько секунд остановил кровотечение. После чего оторванным ранее куском кимоно перетянул бедро чуть выше раны.

– Подойди сюда, – произнес сихан.

Стас подчинился, чуть приволакивая раненую ногу.

– Где ты нашел его? – произнес тот, кого называли сиханом, кивком головы указывая на спящего.

– Это произошло случайно, – сказал Стас.

– Не знаю, зачем ты лжешь мне, – задумчиво произнес сихан, – но сейчас это и не важно. На Пути Воина не бывает случайных встреч, и сейчас меня больше заботит, почему этот мальчишка встретился мне.

– А что в нем такого особенного, сихан? – спросил Стас.

– Ты еще спрашиваешь?

– Я думаю, обычная торпеда с сорванной крышей.

Человек в черном медленно ввел последнюю иглу в точку между большим и указательным пальцами спящего.

– В общих чертах я понял твой жаргон, – с нескрываемым сарказмом произнес он. – Но я думаю иначе. Я видел его дважды в жалком подобии додзе, которое ты здесь нагородил. Его тай-дзюцу подобно движениям слепого щенка.

Сихан вновь провел рукой над иглами, словно глядя спину невидимого зверя. На этот раз ни одна из игл не шелохнулась.

– Но не в состоянии сатори, – сказал он.

– Сатори, сихан? – удивленно переспросил Стас. – Вы хотите сказать, что этот щенок достиг того, что ямабуси считали уделом kami и великих героев древности?

Сихан медленно кивнул.

– Именно. Сомневаюсь, что он с детства практиковался в ятто и юби-дзюцу. Но его кий совершенно. Для достижения такого мастерства ему не хватило бы всех лет, которые он прожил. И если бы он мог управлять своим даром, ему не нужно было ни кричать, ни наносить удары – молчаливого прикосновения было бы вполне достаточно для того, чтобы сделать с человеком все, что ему заблагорассудится. Хотя... думаю, прикосновение тоже было бы излишним. Совершенному воину достаточно взгляда для того, чтобы убить врага. Впервые в жизни я в замешательстве.

Стас ошарашенно смотрел на того, кого он до недавнего времени считал «торпедой» и при обращении ограничивался пренебрежительным «Витек» – тем более что «торпеда» ничего не имела против. И даже если бы и имела, то вряд ли посмела бы твякнуть. Да и твякнула бы – получила б в грызло и заткнулась, на то она и «торпеда». Но Витек и сатори... Это как если бы выяснилось, что самый распоследний бомж с помойки на самом деле не бомж, а никто иной, как папа римский...

– А вы не ошибаетесь, сихан? – осторожно спросил Стас.

– Ошибся ты, когда решил, что этот мальчишка юродивый, который способен только есть, спать, гадить и убивать по твоему приказу. Я не знаю, кто был его наставником и как этот наставник достиг таких потрясающих результатов за столь короткое время. Поэтому помимо твоего основного задания ты получаешь новое. Сейчас я изгнал демонов, терзающих его душу. И теперь ты будешь его наставником. Ты будешь тренировать его тело и дух так, как когда-то я тренировал тебя.

Сихан замолчал на некоторое время, в задумчивости смотря на распростертое перед ним тело.

Стас сидел рядом со статуей дракона, в своей неподвижности сам похожий на статую.

В комнате было тихо настолько, что было слышно слабое, но ровное дыхание спящего Витька. Дыхания Стаса не было слышно вовсе. А человек в черном, казалось, просто не дышал. Вообще он чем-то напоминал зомби, в котором ничего не было общего с живым человеком. Но это был очень сильный зомби, от которого веяло не мертвечиной, а какой-то потусторонней

энергией. И взгляда его стеклянных глаз было вполне достаточно для того, чтобы, встретив такого человека в темном переулке, любой уличный грабитель убежал бы в суеверном страхе, даже не помышляя о том, чтобы попытаться отобрать у него кошелек.

– Сейчас я не могу узнать, кто и как учил его, – вновь нарушил сихан затянувшееся молчание. – В его памяти стоит мощный блок, вскрыв который, я могу убить его. Это может сделать только он сам. И сейчас его тело и дух слабы для того, чтобы управлять силой, которая таится в нем. Ты воспитаешь из него Воина, который потом сам вскроет тайники своей памяти. И мы узнаем, как можно за короткое время создавать бойцов, равных легендарным героям прошлого.

– А вы не думаете, что, получив такую силу, он потом не захочет делиться с нами своими секретами? – спросил Стас.

На этот раз человек в черном смеялся дольше обычного.

– В таком случае, мне будет жаль, что я воспитал недостойного ученика, который не смог обучить элементарным вещам какого-то сопляка. Помнишь?

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье...

Стас молча поклонился и, пятясь назад, вышел из комнаты. С тихим шелестом провернулась за ним на своей оси черная панель. А человек в черном еще долго смотрел на спящего, шепотом произнося слова, которых нет и никогда не было ни в русском, ни в японском языках.

* * *

Лучи утреннего солнца потоком лились сквозь прозрачную стену, затапливая ярким светом пространство огромной комнаты. Солнечные зайчики носились по мокрому полу и, поскользнувшись на очередной капле, весело бежали дальше, чтобы вновь поскользнуться и упасть в воду бассейна или запутаться в черном водопаде волос женщины, выходящей из него.

– Ты так и не сказал, что тебе вчера говорил сихан, – произнесла Александра, подходя к кровати. Шелковое кимоно она набросила прямо на голое тело, и сейчас тончайший шелк, облепив ее мокрую фигуру, вызывающе подчеркивал каждый его великолепный изгиб.

Стас сидел на кровати хмурый, как грозовая туча. На его бедре красовался огромный пластырь, прикрывающий свежие швы.

– Ничего особенного, – пробурчал он. – Вспоминал прошлое, намекал, что слишком деловые герои часто исчезают не проснувшись. Говорил, что Путь – это Путь, а не дорога из шпал и двух рельсов. Ну, естественно, в этом ключе все сводилось к эзотерике, любви к ближнему, к верности клану и все такое. Ч-черт!

– Не дери пластырь, сразу занесешь, – сказала Александра, присаживаясь на край кровати.

Собрав роскошную гриву в пучок на затылке, она заколола ее двумя длинными спицами и от этого стала здорово смахивать на японскую девушку со старого календаря советских времен.

– Насчет «герои не проснувшись» – это ты Басе имел в виду? Кстати, о любви к ближнему – знаешь, есть легенда, что Басе имел привычку ребром ладони отрубать головы тем, кому не нравились его рэнга.

– Понятия не имею, Басе – не Басе, – сказал Стас. – Это ты у нас всякими хайку-танками увлекаешься. Куда уж нам сирым, неграмотным...

– Кончай строить из себя сиротку Хасю, – сказала Александра. – И пластырь не дери, говорю тебе.

– А ты мне не мать Тереза, – огрызнулся Стас. – И с кровати свали. А то зайдет кто...

– И что? – язвительно осведомилась Александра. – Боишься, что не успею вскочить и поклониться: «Чего изволите, мой повелитель?»

Стас прихлопнул слегка намокший от выступившей крови пластырь на место.

– Слушай, я, конечно, все понимаю...

Он запнулся.

Справа к кровати приближалась пантера. Глаза ее горели нехорошим огнем.

– Кровь, – прошептала Александра. – Она почуяла запах крови...

Сяпа прыгнул молча.

Стас схватил подушку и успел прикрыть шею. Длинные клыки пантеры пробили материю и запутались в горе модных мягких шариков, которыми была набита подушка. Одна из когтистых лап пробороzdила спинку кровати. Другую лапу Стас успел перехватить в нескольких сантиметрах от своего правого бока.

Мускулы гиганта вздулись и, словно туго натянутые канаты, заиграли под кожей, борясь с колоссальным напряжением. На несколько секунд человек и зверь застыли в страшной и прекрасной композиции. Но потом пантера рванулась и замотала головой, освобождая пасть от набившихся в нее шариков. Одновременно она засучила лапами, сгребая простыни и бороздя когтями все, что попадалось под костяные лезвия ее лап. Одно из них чиркнуло по бедру Стаса, содрав пластырь и вспоров свежие швы.

Стас зарычал от боли и ярости, перехватил рукой вторую лапу животного и ударил лбом в нос пантеры. Та мотнула башкой, издала что-то среднее между рычанием и жалобным мявом...

– Не-е-ет!!! – заорал Стас.

Но было поздно.

Зверь резко ослабил хватку и черным атласным мешком повалился на грудь хозяина...

Стас рывком сбросил с себя безвольное тело животного и вскочил с кровати.

– Ты чего сделала, сука?!! – закричал он.

На кровати лежала мертвая пантера. Из ее уха торчала стальная спица-кансаси.

– Кажется, сука только что спасла тебе жизнь, – равнодушно сказала Александра, с неженской силой выдергивая кансаси из уха животного. Голова пантеры дернулась, из ее уха на простыни потекла тоненькая струйка крови.

Стас сделал шаг, замахнулся... и остановил удар, наткнувшись на пронизывающий взгляд молодой женщины.

– Не забывай, зачем мы здесь, – тем же равнодушным голосом произнесла она. Потом медленно вытерла кансаси о простыню, поправила слегка растрепавшуюся прическу и воткнула спицу на прежнее место.

– Я бы справился, – выдохнул Стас, сползая по стене на пол. Из его ноги на пол частой дробью капала кровь, но Стас не обращал на рану ни малейшего внимания. Он закрыл лицо руками и застонал.

– Сяпа... Это же был Сяпа... Как ты могла...

– Еще немного – и этот твой Сяпа порвал бы тебя, как ту подушку, – произнесла Александра, отрывая от простыни длинную полосу. – Дай ногу перетяну...

Она шагнула было к Стасу...

– Уйди!!! – страшно, по-звериному заревел гигант. – Уйди отсюда на хер, сука-а-а!!!

Последний выкрик закончился жутким, нечеловеческим воем. Александра остановилась на мгновение в нерешительности, потом ее губы скривились в презрительной усмешке.

– Ну и пошел ты... вместе со своей падалью.

Последние слова, правда, она пробормотала про себя. Но Стасу сейчас, видимо, было наплевать и на нее, и на то, что она говорит. Он встал, держась за стену, подошел к кровати и лег рядом с мертвой пантерой, обняв ее за шею.

Под двумя неподвижными телами по простыням медленно расплзлось темно-красное пятно. Кровь зверя и человека, смешиваясь между собой, постепенно пропитывала материю, превращая рваные простыни в черно-бордовое покрывало.

Александра вышла из спальни и, достав из кармана халата крошечный мобильник, набрала номер.

– Афанасий, – сказала она в трубку. – Срочно к шефу. Он в своей спальне. Захвати аптечку, пару носилок и четырех своих амбалов. Ничего не случилось, приедешь – увидишь. И, кстати, может понадобится пистолет со снотворным. Нет, не для Сяпы. Для него. Он меня к себе не подпустил и, думаю, никого не подпустит. И не надо ему перезванивать. Давай быстрее, если не хочешь, чтобы он кровью истек...

* * *

– Его будешь обучать ты. И сделать это нужно как можно быстрее.

– Я? Но я всего лишь слабая женщина...

– Ты воин-куноити, которую я лично учил больше десяти лет. И моя дочь к тому же.

– Но этот пацан не японец...

– Ты тоже японка лишь наполовину. Сначала я поручил это Яма-гуми, но за время, проведенное здесь, его дух стал слаб настолько, что его самого впору учить заново.

– Но как можно за короткий срок обучить искусству нинпо человека, не знающего даже основ? Если даже что-то и получится, на это уйдут годы...

– Ты прозорливей, чем Яма-гуми. Мне он не задал такого вопроса. Не нужно, чтобы ты учила его микке или риото-дзукай. Необходимо, чтобы он научился управлять состоянием сатори, которое возникает у него только в случае смертельной опасности или наведенного транса. И тогда он, пожалуй, сможет кое-чему поучить и тебя... и меня.

– Вас?..

В голосе Александры слышались нотки неподдельного изумления.

– Вас, сихан?

– Да, – кивнул человек в черном. – И меня тоже. И всех членов Нинкедан, которые будут достойны этого.

– Но... но если он владеет этим даром, столь ценным для Организации, почему вы не возьмете его с собой Японию и не обучите сами?

– Ты задаешь слишком много вопросов, женщина! Но я отвечу. Что будет с цветком сакуры, если его сорвать с ветки? Он погибнет, не распустившись. Психика этого уникального юноши слишком нестабильна. Я боюсь, что если его сейчас вырвать из обстановки, в которой его дар так неожиданно проявился, то он может не проявиться больше вообще. Так что иди и сделай все возможное для того, чтобы научить его контролировать этот дар. А когда цветок созреет, тогда будет видно, что делать с ним дальше.

– Но я в замешательстве, отец. Как я, слабая женщина, смогу вырастить цветок сакуры в башке тупого цунэбито?

Сихан коротко рассмеялся, на секунду растянув тонкогубый рот в подобие улыбки, но сразу же его лицо снова стало непроницаемой маской.

– Не называй меня отцом. Ты же знаешь, что у куноити нет ни отца, ни матери. Твои родители – Организация. А как вырастить... Ты помнишь, что такое ниндзюцу дайхи сэйсин-тоицу сююиккан?

Александра едва заметно побледнела.

– Помню, сихан, – сказала она.

– И ты помнишь, с чего начинать тренировки?

Александра едва заметно кивнула.

– Тогда иди и приступай немедленно. Завтра я уезжаю в Токио с докладом для кумите, хотя особо докладывать и нечего. Не думаю, что он даст тебе много времени, чтобы закончить то, что я поручил Яма-гуми. Ты понимаешь, что теперь и это поручение тоже предстоит выполнять тебе?

Александра кивнула снова.

– Он будет задавать вопросы. Что ему можно рассказать?

– Все, что хочешь. Даже если он попытается рассказать о нас кому-либо, все равно ему никто не поверит. Иди.

– Простите, сихан.

– Что еще?

– А что будет с Яма-гуми?

Лицо сихана окаменело, что казалось невероятным – как может еще больше окаменеть бесстрастный камень? Но тем не менее...

– Завтра я отправлю его в Москву с особым поручением... Скорее для того, чтобы его мозги слегка проветрились. Дальше будет видно.

Александра едва заметно улыбнулась и поклонилась.

– Благодарю за доверие, сихан.

– Не стоит благодарности. Иди.

* * *

Витек открыл глаза. Над его головой нависал квадратный черный потолок. С потолка стекали вниз такие же черные стены. Из центра каждой стены вылезали чешуйчатые металлические лапы, сжимающие в длинных острых когтях факелы с очагом тусклого света внутри.

В этой комнате не было статуи дракона. Да и вообще это было другое помещение – более маленькое и душное, чем-то похожее то ли на тесную кладовую, то ли на тюремную камеру.

Не особо приятно было бы проснуться в полной тишине и в эдакой обстановке, но Витьку было абсолютно все равно, где просыпаться. Сейчас ему было просто хорошо на душе. Хорошо и легко, независимо от того, где он, зачем он здесь и что его ждет в дальнейшем. Когда тебе действительно хорошо, ты не задаешься такими дурацкими вопросами. Ты воспринимаешь действительность такой, какая она есть, и единственное желание владеет тобой – чтобы это состояние продолжалось как можно дольше.

Прикрыв глаза, он устался в чернильный потолок, и умиротворенно-плавные сцены потекли перед его глазами.

Вот он совсем маленьким на речке удит рыбу с отцом, а отец смеется и что-то рассказывает, размахивая руками.

От неловкого движения удочка падает в воду, отец бросается за ней, вылавливает за поплавок, вытаскивает на берег. А потом, когда он, продолжая смеяться без особых причин, просто от хорошего настроения, вытряхивает из сапог воду, на траву из широкого голенища вываливается приличных размеров щуренок. Кроме этого щуренка, кстати, они в тот день ничего не поймали. Да и эту случайную добычу отпустили домой, в реку. И от этого было тогда еще веселее.

«Странно, – лениво проплыла мысль. – Это ж сколько лет-то прошло? Я уж и забыл все давно. И с чего это вспомнилось?»

А в голове чередой всплывали новые воспоминания.

Вот он в парке смотрит на огромного гипсового медведя и не может понять, как это медведь так долго стоял неподвижно, чтобы с него могли слепить статую? А отец объясняет, что мишку могли сначала сфотографировать или вылепить по памяти. А как это «сфотографировать»? И отец объясняет, что есть такое устройство...

«Сколько же мне было тогда? Четыре года? Три? И с чего это я тут, как старый дед, в воспоминания ударился?»

Но вспоминать было приятно, и Витек не противился возникновению картин детства, возникающих в мозгу без каких-либо объективных на то причин.

«Так бы валялся и валялся...»

– Балдеем? – звонко спросили прямо в ухо.

Витек прищурился одним глазом и медленно повернул голову.

– Угу, – сказал он.

– Не надоело?

– А пофиг, – протянул Витек, снова переводя взгляд в потолок.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела, – сказала Александра, слегка пиная лежанку.

– А без меня никак?

– Никак.

В голосе Александры слышалось раздражение.

– Шурик, а как сделать, чтобы ты свалила, а? – мечтательно произнес Витек.

– Ч-е-г-о?

– Ну вот как, а?

– Каком кверху.

Мощный удар ногой пришелся в ножку лежанки. Деревянная ножка в толщину руки взрослого мужчины переломилась, словно спичка. Под весом Витька лежанка накренилась, и он скатился на пол. Вскочил на ноги, удивленно посмотрел на пучок щепы, оставшийся от ножки, и перевел взгляд на Александру.

– На гнилой койке спать уложили, да? – высказал он предположение. – Секонд-хенд времен татарского ига?

– Хочешь, тебе ногу сломаю? – спросила Александра.

Витек хмыкнул.

– Смотри, как бы ломалка не отвалилась.

Он с хрустом потянулся. Александра смотрела на него как-то зло и неприятно.

«Вот звереныш. Того гляди – вправду бросится. И чего с ней делать? В душу не дашь, у них ведь куда ни ткни, – везде детородные органы».

– Ладно уж, хватит собачиться, – сказал он примирительно. – Рассказывай, чего хочется.

– Хочется треснуть тебе между глаз, – честно призналась Александра. – Но это подождет.

Витек улыбнулся про себя, но промолчал.

– А как это я здесь оказался? – спросил он. – Приехали с Афанасием, вошли... а дальше ни черта не помню, как отрезало...

– Да, небось, в кабаке нажрался или там же в очередной раз по голове получил и здесь отрубился. Или и то и другое вместе. Пошли лучше в баре посидим, пошепчемся, чем ерундой страдать, – сказала Александра.

«Может, и получил, – подумал Витек. – А может, и не в баре. Только правды теперь все равно не узнаешь».

Он покрутил головой. Шея не болела. Почесал затылок. Свежих шишек на нем не обнаружилось.

«По голове не били – и на том спасибо. А может, я уже адаптировался? Набили череп как кентусы у каратилы – сколь не молоти, все как с гуся вода... Ну что ж, в бар – так в бар...»

Черная панель послушно отъехала в сторону, как только Александра подошла к стене. За ней шел такой же черный коридор, оканчивающийся дверьми лифта.

«Что у них здесь, пыточная, что ли? – подумал Витек, оглядываясь на свою спальню, если к месту его пребывания можно было применить это слово. – Или комната психологической загрузки?»

...Посетителей в баре не было. Вероятно, по случаю раннего утра. Через стеклянную стену было видно, что солнце еще только-только высунуло край лысой макушки из-за крыш далеких хрущоб.

За стойкой кемарил бармен с хвостом на макушке, косящий имиджем под Бандераса. Заслышав цоканье Александриных каблучков по полу, бармен проснулся и сделал стойку. В его воловьих глазах появилось масляное выражение «а-ля мачо-всегда-готов».

– Вроде у вас тут всегда за стойкой девчонки были? – спросил Витек. – Или я чего-то не догоняю?

– По Насте соскучился? – язвительно осведомилась Александра.

– А хоть бы и так.

– Свалила твоя Настя. Тогда, после вашего ресторана позвонила, сказала, что больше на работу не выйдет и ноги ее здесь не будет. Даже за расчетом не зашла. Думаю, что и тебе домой она вряд ли звонила с благодарностями за отлично проведенный вечер.

– Понятно.

Настю было, конечно, жалко. Процентов где-то на пятьдесят от возможного. Но... Почему-то на остальные пятьдесят крутилась мыслишка, типа «и хрен бы с ней» и чуть ли даже не «слава богу».

В последнее время Настя стала раздражать. Вечными «не так свистишь, не так летаешь», намеками на создание «ячейки общества», потерявшими прозрачность после приобретения машины и относительной финансовой стабильности. И слюнями на подушке в том числе. Которые почему-то стали резать глаза именно в это самое последнее время.

Потеря подруги переживалась легко еще и потому, что над противоположной частью стола под черным шелковым кимоно в такт движениям его обладательницы завораживающе колыхался роскошный бюст, не стесненный объятиями бюстгальтера. Потому что поддерживать там ничего было не надо. Все и так стояло дай боже каждой Евиной дочери такое. Незабываемая картина на кровати сестры тут же всплыла перед глазами Витька...

Всей своей спиной изображая «чего изволите», мелким бесом подъехал к столику хвостатый «мачо», неся на подносе потный стакан клубничного свежавыжатого сока. Расплылся в улыбку.

– Вам как всегда.

Поставил поднос на стол, трепетно, словно драгоценный алмаз, сгрузил стакан, скользнув масляными глазками за отворот кимоно Александры и, кисло показав Витьку ряд отбеленных зубов, спросил:

– А вы что желаете?

«А мы желаем треснуть вам в грызло, – для самого себя неожиданно зло подумал Витек и сам себе удивился. – И чего это я на него окрысился? Красивая телка, понятно, что у мужиков слюнки капаят. Мне-то чего? Один хрен, такую кобылицу на бэушном внедорожнике не объездишь. Пожалуй, такая сама кого хочешь объездит».

– На твое усмотрение, – небрежно бросил Витек.

Бармен удалился, недовольно поджав губы. Почему-то в голове Витька тут же нарисовалась картина – бармен, злорадно тряся свернутой в хвост гривой, мешает в блендере коктейль лимонного цвета, одновременно справляя туда малую нужду.

«Пожалуй, не буду я пить то, что он принесет», – подумал Витек.

– В общем, Вить, дело в следующем, – начала Александра. – Для начала немного истории. Тебе как, попроще или подетальнее?

– Да мне, Шур, веришь, как-то параллельно. Но если без этого никак, то лучше попроще.

– Еще раз назовешь меня Шурой – не обижайся. Договорились?

– А как? Сашей устроит? А то «Александра» – это на Македонского как-то очень похоже. Из кино.

Еще хотелось добавить про ориентацию киношного Македонского, но Витек пересилил себя и смолчал.

– Хммм... Из двух вариантов – кинолюбитель и начитанный – выбираем первое, так как второе невозможно по определению... Ох, достал ты меня, Витек! Ну ладно, потом разберемся, – сама себя осадила Александра. – Итак, для начала немного истории. Начнем с того, что к началу семнадцатого века в Японии в результате серьезных и кровопролитных разборок всех местных бандюков подмял под себя клан крутого японского братка Токугава Ияэсу. Так доступно?

– Вполне. А клан – это?..

– Бригада.

– Понято.

– В Японии воцарился мир, – продолжила Александра, – в результате которого около полумиллиона профессиональных воинов-самураев стали ронинами, то есть как бы безработными братками. Причем эту армию пополнили не только лишившиеся своих владений побежденные, но и победители.

В период войн, предшествующих миру, в провинции Ига и уезде Кога провинции Оми несколько десятков больших семей из очень низкого социального слоя, называемого хинин, что в переводе значит «не люди», разработали очень эффективную систему шпионажа и тренировки наемных убийц, которую называли ниндзюцу. С помощью ниндзя пришедший к власти сегун Токугава после победы под страхом смерти запретил ниндзюцу, объявив на адептов этого искусства настоящую охоту.

Боялся за трон. Кое-кто из ниндзя поступили на службу сегуну в качестве тайных полицейских агентов, кто-то вошел в разведгруппы, которые по «У ложению о военной службе» предписывалось иметь всем дайме на случай войны.

– Дай кому?

Александра поморщилась.

– Дайме переводится с японского как «большое имя». Так называли удельных князей. Если хочешь дальше слушать, ты пока заткнись, ладно? А то бесишь. Потом спросишь, что непонятно.

Витек покорно кивнул. Да и правда, чего выеживаться? Сиди кайфууй, наслаждайся пейзажем напротив, выглядывающим из разреза кимоно, тренируй воображение. Насчет же японской терминологии – так еще с доармейских тренировок по карате кое-чего в голове осталось. А дурь свою показать – оно всегда успеется.

– Но в основном, – продолжала Александра, – так как в стране царил мир, убивать было больше некого и шпионить не за кем. Так что без работы остались и ниндзя тоже...

Странно, но слушать Александру было интересно. Девчонка явно знала тему и, увлекаясь, пересыпала речь многими не слышанными ранее Витьком японскими словами и терминами, сама «тащась» от собственного рассказа. Ее глаза горели, на щеках выступил румянец.

«И чего это ее так колбасит? – думал Витек, невольно восхищаясь девушкой. – Кстати, интересно, а сколько ей лет?»

Иногда Александре можно было дать и все тридцать, особенно когда она гордо и независимо шествовала по коридору в своем деловом костюме. Сейчас же она была похожа на двадцатилетнюю девчонку-фанатку, рассказывающую очередному «тормозу», с чего так крута ее любимая группа.

«Ну, двадцать один. Максимум – двадцать три...»

– Вместе с самураями и ниндзя третьей, достаточно многочисленной группой, пострадавшей от прекращения распрей в стране, стало духовенство. В те времена монахи занимались врачеванием ран, морально-религиозной поддержкой воинов до и после битвы и немного магией – в основном вызывали дождь на рисовые поля. С приходом к власти Токугава устано-

вил жесткий контроль над храмами и духовенством, положение которых было низведено до роли послушных чиновников аппарата власти. Главной функцией священников стало совершение заупокойных обрядов и поминок. А так как в мирное время число похорон и поминок по убиенным резко сократилось, то многие священники подались в нищие, став комусо – бродячими монахами, живущими подаянием. Остальные подались в горы и, посвятив себя магии и духовным практикам, стали продолжателями традиций монахов-ямабуси, которые по некоторым сведениям считаются основателями ниндзюцу. Возможно, такие легенды породило то, что одним из любимых способов маскировки ниндзя был костюм бродячего монаха, которые пользовались правом беспрепятственного передвижения по стране. Или же потому, что иной такой монах мог своим сякудзе в считанные секунды убить напавших на него шестерых разбойников, вооруженных мечами.

Но прошло несколько лет, и люди заметили, что нищих ронинов, безработных ниндзя и бродячих монахов стало намного меньше. И тогда же они услышали новое слово, пришедшее из жаргона бакуто – профессиональных карточных шулеров. Это слово было – Якудза. В переводе с японского – набор цифр: восемь, девять и три. В ойте-кабу, японской карточной игре – самая плохая комбинация, стопроцентный проигрыш. И вот уже на протяжении четырехсот последних лет это был верный проигрыш для того, кто становился на пути организации, носящей это имя...

Александра усмехнулась.

– Они объединились. И взяли друг у друга все самое лучшее. Самураи, ниндзя, ямабуси и бакуто. Кодекс чести и философия презрения смерти самураев, шпионские и боевые техники ниндзя, магические способности ямабуси и беспринципность уличных шулеров в достижении своих целей. Как тебе коктейльчик? Неудивительно, что Якудза безраздельно правит Японией и имеет огромное влияние во всех странах мира.

– И в России?

– Ты был в Москве? – вместо ответа спросила Александра.

– Ну... проездом.

В Москве Витек был дважды – когда призывался в армию и когда демобилизовывался. Из всех достопримечательностей столицы в обоих случаях он видел только площадь трех вокзалов.

– Там сейчас на каждом углу японский ресторан и реклама суши. Догадайся почему?

– Понятно, – сказал Витек. – Остается выяснить, для чего мне все это рассказывалось.

– Придется тебе потерпеть еще немного, – произнесла Александра, задумчиво вращая соломинкой в бокале с давленной клубникой.

– Пару десятков лет назад молодой, но тем не менее преуспевающий Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в России влюбился в русскую девушку. И поскольку практически все японские послы во все времена и во всех странах были одновременно шпионами якудзы, то получить от своего непосредственного настоящего начальника – кумите – разрешение на брак было весьма затруднительно. Но посол занимал достаточно высокое положение в Организации, и таковое разрешение, в конце концов, было получено. К тому времени девушка была уже беременна и при родах умерла, так и не успев стать первой женой-неяпонкой члена Нинкедан. Понятно, что убитому горем отцу было даровано разрешение считать дочь полноправной подданной Страны восходящего солнца и членом клана.

Девочку переправили в Японию, и до шести лет она росла в семье самого кумите под присмотром анэ-сан, очень редко видясь с отцом, который продолжал выполнять свой долг в России перед Японией и Организацией, что в принципе есть суть одно и то же. Практически с того момента, как сверток с грудным ребенком перенесли через порог дома кумите, началось обучение маленькой девочки навыкам шпионки-куноити. Не буду вдаваться в то, чему и как

ее учили, но к шести годам она не только писала и читала по-японски, но и, помимо всего прочего, могла, метнув кансаси, пригвоздить к стене сидящую на ней муху.

В шесть лет ее отправили в Россию, где обучение продолжил ее отец. Она пошла в школу при посольстве, где в совершенстве выучила язык аборигенов и все, что требуется знать обыкновенной русской девочке, выросшей в России. А когда ей исполнилось восемь, с ней произошла одна неприятность...

К столику подошел хвостатый бармен без подноса и с угодливой улыбочкой поставил перед Витьком стакан с отпечатками пальцев на запотевшем боку. В стакане было что-то ядовито-желтое. Витек мизинцем отодвинул стакан подальше от себя.

– ...Несмотря на воспитание, девочка была непоседливой и не в меру любопытной. Вероятно, сказывалась материнская кровь. Японские девочки обычно скромны и послушны. Но здесь был не тот случай.

Однажды этот чертенок, миновав кордон охраны, сумела выбраться за ворота посольства и пошла гулять по незнакомому городу. И, естественно, заблудилась. Проплутав полдня по незнакомым улицам в поисках знакомых ворот и не найдя таковых, девочка перепугалась и в первый раз в жизни стала плакать. Ее можно было понять. Для психики будущей куноити это было более чем суровым испытанием. Практически всю свою жизнь она провела в закрытых помещениях. А тут на нее обрушился совсем другой мир, с ревом автомобилей, толпами незнакомых людей, огромными зданиями...

Прохожие отвели плачущего ребенка в милицию. Но на вопросы «как тебя зовут» и «кто твои родители» девочка упорно молчала. Отец строго-настрого запретил ей говорить с незнакомыми людьми.

Так ничего и не добившись от ребенка, ее до поры до времени определили в ближайший детдом. В котором в первый же день над ней, такой ухоженной и хорошо одетой, начали издеваться четверо местных заводил постарше ее года на два – на три. И когда одному из них она ударом сиори расквасила нос, ее начали бить трое оставшихся. Бить жестоко, как загрызают волчата случайно попавшую в их логово собачонку.

Как бы тебя ни тренировали до этого, но восьмилетняя девочка, напуганная обрушившимся на нее шквалом событий, остается восьмилетней девочкой. От первого удара в грудь у нее перехватило дыхание. Она упала, и ее стали бить ногами.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы мимо места разборки не проходил местный одиннадцатилетний авторитет. Пацан уже три года все свободное время с завидным упорством ворочал самодельную штангу, которую прятал под кроватью, и, где-то насмотревшись по видео фильмов с Брюсом Ли, набивал кулаки об дверные косяки. Кроме того, он довольно успешно садился на шпагат между двумя стульями, за что пользовался громадным уважением у сверстников. К тому времени он уже успел схлопотать привод в милицию за то, что серьезно избил пьяного сторожа детдома, который за что-то дал ему затрещину, после чего его побаивались даже воспитатели.

Одним окриком прекратив экзекуцию, авторитет объяснил корешам, что они «попутали рамсы, и что втроем прессовать одну мочалку правильным пацанам запаadlo». После чего лично отвел «мочалку» в туалет и собственноручно замыл ей кровавые нюни, чем внезапно пробудил в сердце будущей куноити пылкую любовь...

Александра криво усмехнулась. Витьку показалось, что в ее глазах туманным облачком промелькнула легкая грусть.

– Когда ее через две недели нашел отец и попытался увести из детдома, оторвав от предмета обожания, это оказалось не так-то просто. В покорной до этого девочке неожиданно проявился характер обеих рас, склонных достигать намеченных целей любой ценой. В ход пошло все – уговоры, слезы, проклятия. Когда все это не помогло, девочка объявила голодовку. Дошло до того, что ее вынуждены были отвезти в больницу и кормить через внутривенные инъекции.

Что оставалось делать отцу? На одну чашу весов легла его карьера в Нинкедан, на другую – жизнь восьмилетней дочери. И он поехал в Японию с просьбой об усыновлении русского малолетнего хулигана.

Когда человек не оправдывает доверия Организации, это называется «потерять лицо». Для любого японца на свете нет ничего страшнее. «Потерявший лицо» отрезает фалангу собственного мизинца и предлагает ее в дар кумите. Если тот отказывается принять дар, провинившийся тут же на месте совершает сэппуку. В средние века кайсяку облегчал страдания умирающего, отрубая ему голову сразу после того, как он вскроет себе живот. В современной Якудза давно уже забыли о милости к провинившимся. Человек с распоротым животом умирает в страшных мучениях в течение нескольких часов.

Вот чем рисковал отец девочки, обращаясь со своей просьбой к кумите. Сказать, что руководство Организации было удивлено этой просьбой, – значит ничего не сказать. И, скорее всего, несмотря на авторитет посла, дело для него все равно кончилось бы сэппуку, но вмешалась анэ-сан, считавшая девочку своей приемной дочерью. Короче, кумите внял просьбе отца. Но авторитет его был подорван. Посол был отозван из России вместе с дочерью и новоиспеченным наследником и назначен преподавателем нинпо в разведшколу, занимающуюся подготовкой шпионов международного класса. Дети остались с ним и более десяти лет не покидали территории Школы, включающей в себя несколько гектаров, огороженных высоким забором с рядами колючей проволоки под током по всему периметру.

Александра на несколько секунд замолчала, уставившись в одну точку. Ее пальцы автоматически вращали соломинку в так и не тронутым стакане давленной клубники. Потом она заговорила снова.

– Никто из европейцев не знает, что такое настоящее ниндзюцу. И не узнает никогда. Император Мейдзи отменил сакоку, но оно продолжает жить в сердцах японцев. То, что преподают в секциях ниндзюцу по всему миру, отличается от настоящего нинпо так же, как игрушечный тиранозавр отличается от настоящего.

Мы были первыми европейцами, шагнувшими за стальные ворота Школы ниндзя в префектуре Мие... в качестве учеников.

Александра замолчала снова.

– А в каком качестве оказывались за этими воротами другие европейцы? – спросил Витек.

– Только в качестве тренировочных манекенов, – медленно ответила Александра. – И за триста лет существования Школы ни один из них не вышел обратно.

– Если я правильно понимаю, – сказал Витек, – то это история про тебя и Стаса?

– Ты правильно понимаешь...

Теперь настала очередь Витька придвинуть к себе стакан с желтой жидкостью и начать крутить в нем соломинку, чтобы чем-то занять руки.

Солнце уже вылезло из-за крыш. Витек видел через стеклянную стену, как крохотные люди выходили из подъездов домов и стекались к игрушечным автобусным остановкам.

Потрепанные «ЛиАЗы», как большие черепахи, переваливались по улицам, развозя пролетариев к станкам, прилавкам, компьютерам, и не было никому ни малейшего дела до супершпионов, которых где-то кто-то за чем-то воспитывал в далекой Японии для непонятных целей. Да и Расскажи любому из них про то, что есть оно все это здесь, рядом, заходи в модный клуб и любуйся на живых представителей тайных боевых искусств – покрутят пальцем у виска, мол, пересмотрел парнишка боевиков, умишком тронулся, да и бог бы с ним, вроде не буйный, глядишь, со временем оклемается – и пойдут себе дальше по своим делам немудреным, но тем не менее весьма для них важным и необходимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.